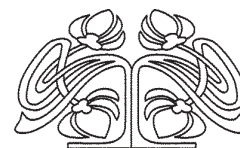

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ

САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1814-733X
ISSN 1994-2540

Издается с 2007 года

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Мизинцева М. Ф., Чавыкина М. А. Динамика расходов на образование в государствах-членах ЕАЭС 247

Каткова М. А., Лаврентьева А. В. Теоретический анализ природы институциональных дисфункций нового технологического уклада 257

Толмачев М. Н., Барашов Н. Г., Латков А. В. К проблеме оценки межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения 266

Управление

Катаев А. В., Катаева Т. М., Макарова Е. Л. Формирование ядра динамической партнерской сети: экономико-математический инструментарий 274

Нурекенов Е. С., Фоменко А. В. Дуалистическая природа стратегического управления высшим учебным заведением 279

Леванова Л. Н. Инновации в требованиях к прозрачности российских корпораций 285

Федотова Е. С., Пчелинцева Л. Б. Возможности внутреннего аудита для оценки интегрированной системы управленческой информации 291

Чепелева Н. Н. Этапы и инструменты процесса определения стратегических ресурсов транспортного предприятия 297

Солодкая Т. И., Новоселова М. А. Эконометрический анализ влияния образовательной системы на инновационное развитие регионов РФ 304

Фирсова А. А. Специфика источников и структуры финансирования инновационных предприятий Приволжского федерального округа 311

Выгодчикова И. Ю. Применение мультипликативных зависимостей в анализе вклада университета в экономическое развитие региона 318

Право

Абаева Е. А. Свободное развитие человека как условие современного социального государства 323

Стрыгина С. В. Правовое регулирование защиты прав девочек в публичных мероприятиях современной России 334

Илюхина Ю. Ю. Проблемы определения термина «культурные ценности» в законодательстве России 340

Потапенко Е. Г. Унификация права: понятие, формы, методы (В контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) 344

Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве 352

Касаева Т. Г. К постановке вопроса о цели в праве по воззрениям Р. Иеринга 359

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56133 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36012, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Трубникова Татьяна Александровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка

Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор

Багаева Ольга Львовна

Корректор

Трубникова Татьяна Александровна

Адрес учредителя, издателя и издательства:

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89

E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 28.08.17.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,65 (15,25).

Тираж 500 экз. Заказ 97-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) внешнюю для автора рецензию на статью, заверенную в установленном порядке, содержащую оценку актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости, научного уровня статьи, критику, рекомендации; 3) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований в системе «Антиплагиат»; 4) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (в деканате экономического факультета или по почте). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <http://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Методика исследования, Экспериментальная часть, Обсуждение результатов, Выводы, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статьи подвергаются рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую, корректорскую и допечатную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Статьи и документы следует присылать в редколлегию Серии по электронной почте: sgu-eup@rambler.ru, документы – простыми (не заказными) письмами по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, экономический факультет, деканат. Справки по тел.: деканат экономического факультета: (8452) 22-51-38. Сайт журнала: <http://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Mizintseva M. F., Chavykina M. A.
Dynamics of Expenditure for Education in Member States of the EAEU 247

Katkova M. A., Lavrentyeva A. V.
Theoretical Analysis of the Nature of Institutional Dysfunctions of New Technological Way 257

Tolmachev M. N., Barashov N. G., Latkov A. V.
To the Problem of Estimating Inter-regional Differentiation of Per Capita Incomes 266

Management

Kataev A. V., Kataeva T. M., Makarova E. L.
Dynamic Partner Network Core: Economic-Mathematical Tools 274

Nurenkov E. S., Fomenko A. V.
Dualistic Nature of Higher Educational Institution Strategic Management 279

Levanova L. N.
Innovations Transparency Requirements of the Russian Corporation 285

Fedotova E. S., Pchelintseva L. B.
The Capabilities of Internal Audit to Assess the Integrated Management Information System 291

Chepeleva N. N.
Stages and Tools of Transport Company's Strategic Resources Determination 297

Solodkaya T. I., Novoselova M. A.
Econometric Analysis of Educational System Influence on Innovative Development of Regions of the Russian Federation 304

Firsova A. A.
Specificity of Sources and Structure of Financing Innovative Enterprises of the Volga Federal District 311

Vygodchikova I. Yu.
Application of Multiplicative Dependencies in Analysis the Universities Contribution in Regional Economic Development 318

Law

Abaeva E. A.
Free Development of a Person as a Condition of the Modern Social State 323

Strygina S. V.
Legal Regulation of Protection of the Girls' Rights in Public Events Modern Russia 334

Ilyukhina Yu. Yu.
Problems of Determination of the Term "Cultural Values" in the Legislation of Russia 340

Potapenko E. G.
Unification of Law: Concept, Forms and Methods (In the Context of the Research of Unification of Civil Procedural Law) 344

Duraev T. A., Tumeneva N. V.
The Importance of Human Rights in Islamic Law 352

Kasaeva T. G.
To the Question about the Purpose of Law According to the Views of R. Ihering 359

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор соц. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

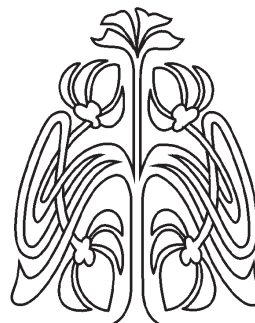
Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Aleksey N. Chumachenko (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksei A. Koronovskii (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Victoria A. Khalova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Olga S. Balash (Saratov, Russia)

Irina Yu. Buchko (Saratov, Russia)

Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Leonid Yu. Kossovich (Saratov, Russia)

Vladimir Z. Makarov (Saratov, Russia)

Valeri V. Prozorov (Saratov, Russia)

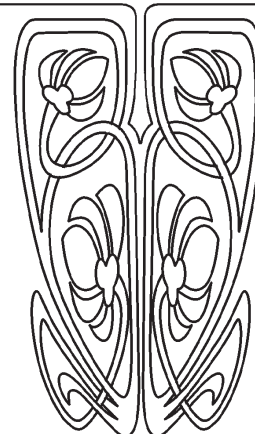
Dmitry A. Usanov (Saratov, Russia)

Vladimir B. Ustiantsev (Saratov, Russia)

Rail M. Shamionov (Saratov, Russia)

Gennadiy V. Shliakhtin (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

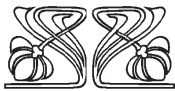
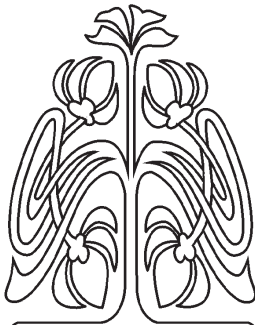
Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

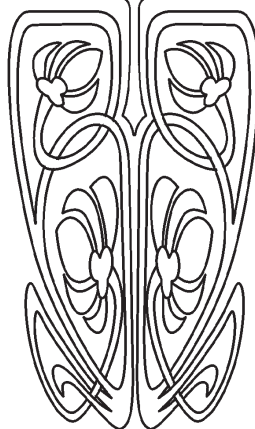
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Члены редакционной коллегии:

Александр Анна, Ph.D, доктор философии, профессор (Вайоминг, США)
Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Бенойт Уильям, Ph.D, доктор политологии, профессор (Огайо, США)
Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D, доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)
Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Лхагвадори Ариунаа, Ph.D, доктор философии, профессор (Уланбаатор, Монголия)
Мингалева Жанна Аркадьевна, доктор экон. наук, профессор (Пермь, Россия)
Муравьев Николай Васильевич, Ph.D, MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)
Носов Владимир Владимирович, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)
Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)
Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)
Синюкова Татьяна Витальевна, кандидат юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)
Стойлова Десислава, Ph.D, доктор философии, профессор (Благоевград, Болгария)
Трубицына Тамара Ивановна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)
Хрусталеv Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)
Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)
Эретин Сефика Шуле, Ph.D, доктор философии, профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW»**

Editor-in-Chief – Olga S. Balash (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anne Alexander (Wyoming, USA)	Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)
Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)	Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)
William Benoit (Ohio, USA)	Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)
Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)	Tatyana V. Sinyukova (Saratov, Russia)
Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)	Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)
Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)	Tamara I. Trubitsina (Saratov, Russia)
Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)	Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)
Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)	Olga I. Tsibulevskaya (Saratov, Russia)
Zhanna A. Mingaleva (Perm, Russia)	Georgy A. Cheremisinov (Saratov, Russia)
Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)	Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)
Vladimir V. Nosov (Moscow, Russia)	Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

ЭКОНОМИКА

УДК 336.5

ДИНАМИКА РАСХОДОВ НА ОБРАЗОВАНИЕ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

М. Ф. Мизинцева

доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва; заведующая Отделом научной информации по экономике и управлению ВИНТИ РАН, Москва. E-mail: mfmizin@mail.ru

М. А. Чавыкина

аспирант кафедры менеджмента, Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва. E-mail: mariya-chavykina@mail.ru

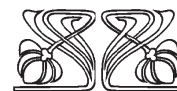
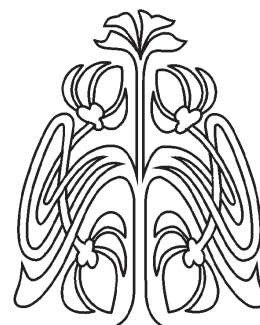
Введение. Социально-экономическое развитие общества обусловлено взаимосвязью экономической и образовательной составляющих национальных систем, которые определяют условия накопления интеллектуального потенциала стран. Устойчивое и поступательное развитие стран во многом определяется состоянием системы образования. **Теоретический анализ.** Государственные расходы на образование способствуют экономическому росту страны за счет развития человеческого капитала. Потенциальные выгоды образования можно разделить на экономические и социальные, общественные и частные. **Эмпирический анализ.** В странах ЕАЭС уровень государственных расходов на образование существенно дифференцирован как в абсолютных, так и в относительных показателях. Отмечается положительная корреляция между уровнем расходов на образование и индексом уровня образования в государствах-членах ЕАЭС. **Результаты.** Значительная дифференциация показателей расходов на образование в странах Союза приводит к необходимости учета при оценке эффективности расходов на образование не только доли расходов от ВВП и от консолидированного бюджета, а также абсолютных значений расходов, но и ряда других факторов: численность и доля обучающихся, охват молодежи программами среднего профессионального и высшего профессионального образования, количество образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования, коэффициент выпуска специалистов, уровень грамотности и проч. **Ключевые слова:** государственные расходы, расходы на образование, мировая экономика, интеграция, ЕАЭС, человеческий капитал, социально-экономическое развитие, индекс уровня образования.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-247-256

Введение

В современных условиях глобализации ускорение развития мировой экономики возможно посредством формирования научно-образовательного и инновационного потенциалов стран, инвестиций в развитие человеческих ресурсов, а также модернизации образовательных систем. Социально-экономическое развитие общества обусловлено взаимосвязью экономической и образовательной составляющих национальных систем, которые определяют условия накопления интеллектуального потенциала стран.

Устойчивое и поступательное развитие стран во многом определяется состоянием системы образования. Формирование и применение новых знаний становятся источником роста национальных экономик и мирового хозяйства в целом. Именно поэтому образование является привлекательным сектором экономики с точки зрения инвестирования.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

С 1 января 2015 г. вступил в силу договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) как организации региональной экономической интеграции. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-членов [1]. Развитие образовательных систем является важным аспектом для решения совместных экономических задач.

В настоящее время в государствах-членах ЕАЭС вопросам образования уделяется все большее внимание теоретиков и практиков. Расширяется международное образовательное сотрудничество, открываются новые совместные образовательные программы в вузах ЕАЭС, а также формируются международные проекты, направленные на решение общих вопросов в сфере образования и экономики. Таким образом, вопрос образования и государственных расходов на образование приобретает все большее значение, так как инвестиции в образование, по сравнению с другими видами инвестиций, могут обладать большей эффективностью, поскольку будут способствовать формированию кадрового потенциала для развития национальных экономик в долгосрочной перспективе.

В настоящее время среди исследователей и практиков нет единого мнения относительно наиболее эффективного метода оценки расходов на образование. Большинство работ посвящено именно анализу финансовых показателей, в то время как качественные показатели исследованы в меньшей степени. В связи с этим цель данной статьи – рассмотреть влияние образования на социально-экономическое развитие стран, а также проанализировать степень влияния расходов на образование на уровень образования в государствах-членах ЕАЭС.

Теоретический анализ

Фундаментальные основы инвестиций в образование, их роль в социально-экономическом развитии стран с позиции теории человеческого капитала заложены в работах Г. Беккера [2], Э. Денисона [3], Т. Шульца [4] и др. Работы Т. Шульца оказали значительное влияние на увеличение расходов на образование со стороны международных организаций (Всемирного банка и МВФ).

В современной научной российской и зарубежной литературе вопросы государственных расходов на образование, оценки эффективности использования выделенных средств, их оптимизации широко исследуются в работах И. А. Айдрус, Л. Ю. Горшковой [5], Л. Вессмана (L. Wößmann),

Э. А. Ханушека (E. A. Hanushek) [6], Н. В. Логвина [7], В. М. Филиппова, Г. А. Лукичева [8], С. Н. Маркова [9], Р. В. Ростовского [10], Е. А. Семионовой [11] и других исследователей.

Расходы на образование оказывают значительное влияние на экономическое развитие стран, одним из ключевых факторов которого является качество рабочей силы. В связи с этим все большая роль в экономическом развитии возлагается на систему образования. Посредством образования население получает необходимые знания и навыки, которые в дальнейшем применяются в профессиональной деятельности, способствуют производству необходимых благ, а также расширяют перспективы трудоустройства в соответствии с потребностями национальной экономики. Основной целью образования является формирование интеллектуального потенциала населения для развития всех отраслей экономики. Таким образом, государственные расходы на образование способствуют экономическому росту за счет развития человеческого капитала.

Функционирование и развитие системы образования способствует социальному благополучию и экономическому росту национальных экономик, предполагая достаточный уровень финансового обеспечения, основными источниками которого выступают средства бюджетов всех уровней, расходы частных фондов, внешние заимствования, пожертвования и гранты международных и неправительственных организаций. Чаще всего уровень расходов на образование выражается в процентах от ВВП. Однако этот показатель не отражает, насколько равномерно распределяются средства по различным социальным группам той или иной страны.

Мировая практика свидетельствует, что нормальное функционирование и развитие системы образования, позволяющее обеспечить общее (полное) образование для всех граждан, возможно, когда расходы на эти цели находятся на уровне 5–7% от ВВП с учетом конкретных условий и традиций каждой страны [12].

Расходы на образование направляются на дошкольное, общее среднее, профессионально-техническое, среднее специальное, высшее и послевузовское образование, дополнительное образование взрослых, молодежи и детей, прикладные исследования и другие вопросы в области образования. В связи с ограниченностью бюджетных средств вопрос эффективности расходов на образование всегда актуален.

Инвестиции в образование оказывают большое влияние как на развитие страны в целом (общественные выгоды), так и на развитие от-

дельной личности (частные выгоды). Образование обеспечивает возможность самореализации населения, повышает производительность труда, способствует карьерному росту, материальному

благополучию и здоровому образу жизни. Потенциальные выгоды образования можно разделить на две группы: экономические и социальные (табл. 1).

Таблица 1/Table 1

**Потенциальные выгоды высшего образования
Potential benefits of higher education**

	Социальные	Экономические
Частные	Повышение личного статуса; расширение кругозора; принятие обдуманных решений; здоровые образ жизни; укрепление нравственных ценностей; повышение качества жизни семьи	Перспективы трудоустройства и карьерного роста; более высокая заработная плата; улучшение условий труда; повышение конкурентоспособности на рынке труда; повышение качества жизни семьи
Общественные	Повышение уровня грамотности население; расширение возможностей для всех граждан; социальная мобильность; снижение преступности; снижение социально-экономического неравенства; активная гражданская позиция; повышение уровня жизни; рост благосостояния	Повышение производительности труда; повышение уровня потребления; увеличение налоговых отчислений; снижение безработицы; инновации и развитие технологий; национальное развитие; увеличение ВВП; укрепление потенциала перехода от индустриальной экономики малоквалифицированного труда к экономике, основанной на знаниях

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в результате исследований пришла к выводу, что если для жителей определенной страны среднестатистический срок обучения будет увеличен на год, то ВВП данного государства возрастет на 3–6%. Увеличение ассигнований на образование на 1% ведет к увеличению валового внутреннего продукта страны на 0,35% [13].

Согласно исследованию ОЭСР, государственные средства, вложенные в образование, в конечном счете возвращаются даже в большем объеме налоговых поступлений. В среднем человек с высшим образованием за период трудовой деятельности выплатит в виде налоговых отчислений (подходного налога и социальных отчислений) на 119 тыс. долл. больше по сравнению с работающим человеком, получившим только среднее полное образование. После вычета государственных расходов на образование в среднем остается 86 тыс. долл., что почти в три раза превышает государственные расходы на одного студента [13, р. 13].

Таким образом, образование становится одним из главных источников роста производительности труда и, следовательно, экономического роста в целом. Расходы на образование являются базой функционирования и развития системы образования, совершенствования научно-технических знаний, обеспечивая развитие экономики.

Эмпирический анализ

В период с 2010 по 2015 гг. абсолютные расходы консолидированного бюджета на образование с учетом реализуемых проектов и программ увеличились в 1,6 раза. В указанный период наблюдался значительный рост бюджетных расходов на образование в расчете на одного обучающегося (около 13,5% в год) [14]. Однако по данному показателю Россия уступает большинству стран ОЭСР.

Основываясь на данных, приведенных в табл. 2, относительные показатели расходов на образование находятся примерно на одном уровне в течение пяти лет по отношению к расходам консолидированного бюджета – около 11%, и по отношению к ВВП – около 4%. Согласно Государственной программе Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы совокупный объем затрат на сферу образования по отношению к ВВП (бюджетные средства, средства семей и предприятий, направляемые в систему образования) должен увеличиться с 4,9 до 6,3% ВВП соответственно [15].

В связи с кризисными явлениями и трансформацией системы управления в 2014 и 2015 гг. наблюдается снижение расходов на образование. В 2015 г. доля расходов государства на образование по отношению к ВВП опустилась ниже 4% [14], при этом расходы сократились почти на всех уровнях образования, кроме дошкольного. Учитывая особенности экономики в настоя-

щее время, ожидалось сокращение расходов в 2016 г. на всех уровнях образования. Однако за I–II квартал 2016 г. расходы на образование составили 10,8% от расходов консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов [16].

Таблица 2/Table 2

Динамика расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на образование [14]
Dynamics of expenditure of the consolidated budget of the Russian Federation for education

Годы	Расходы консолидированного бюджета РФ на образование		
	всего, млрд руб.	в % к расходам консолидированного бюджета РФ	в % к ВВП
2010	1893,9	10,8	4,1
2011	2231,8	11,2	4,0
2012	2558,4	11,0	4,1
2013	2888,8	11,6	4,4
2014	3037,3	11,2	4,3
2015	3034,6	10,2	3,9

В законе Республики Беларусь «Об образовании» от 1991 г. был установлен минимальный уровень расходов на содержание и развитие национальной системы образования – не менее 10% ВВП [17]. Этот показатель отражал степень внимания государства к образованию населения и значимость образования для развития экономики страны. Однако в новом Кодексе Республики Беларусь «Об образовании» (2011 г.) уровень расходов на образование количественно не указан. В соответствии с данным Кодексом государственные учреждения образования финансируются из республиканского и (или) местных бюджетов. Дополнительное финансирование может осуществляться за счет иных средств, выделяемых базовыми шефствующими предприятиями, попечительскими советами, спонсорами [18].

В табл. 3 представлена динамика расходов на образование в Республике Беларусь с 2010 по 2015 г. В течение шести лет расходы на образование составляли около 5% ВВП. Наименьший уровень расходов зафиксирован в 2011 г. и составил 4,8% ВВП [19]. С 2010 г. наблюдается ежегодный рост государственных расходов в абсолютном выражении, и к 2015 г. увеличивается в 4,8 раза. Также до 2015 г. отмечается относительное увеличение расходов на образование к общим расходам консолидированного бюджета, однако по отношению к ВВП они сохраняются примерно на одном уровне.

Таблица 3/Table 3

Динамика государственных расходов на образование Республики Беларусь [19]
Dynamics of public expenditure for education of the Republic of Belarus

Годы	Всего, млрд руб.	В % к общим расходам консолидированного бюджета	В % к ВВП
2010	8898	16,8	5,4
2011	14 393	18,1	4,8
2012	27 160	17,5	5,1
2013	33 598	17,9	5,2
2014	38 827	18,4	5,0
2015	43 045	17,2	4,9

Наибольшая доля расходов консолидированного бюджета на образование приходится на общее среднее образование – 45%. Расходы на высшее и послевузовское образование составляют 12% [19]. Наименьшая доля приходится на прикладные исследования в области образования, и в течение всего рассматриваемого периода она была неизменна – на уровне 0,1% консолидированного бюджета на образование.

Инвестиции в основной капитал, направленные на развитие образования в Республике Беларусь в 2010–2015 гг., были на уровне 1,0–1,5% от общего объема инвестиций в основной капитал и в 2014 г. составили 3033,0 млрд руб. (1,3%), в 2015 г. – 2027,7 млрд руб. (1,0%) [19].

В структуре расходов государственного бюджета Республики Казахстан расходы на образование составляют около 3% ВВП. С 2010 г. заметна ежегодная положительная динамика увеличения абсолютных показателей (табл. 4). Увеличение государственных расходов на образование связано с посланием Президента Республики Казахстан народу «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана» в 2012 г. [20], а затем с дальнейшим утверждением стратегии «Казахстан – 2050» [21].

В послании президента и стратегии большое внимание уделяется вопросам образования и развития профессионализма, повышению квалификации народа, а также развитию и применению современных технологий в образовании. Образование признается одним из важнейших приоритетов долгосрочной стратегии Казахстана. Основной целью Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 гг. является повышение конкурентоспособности образования, развитие человеческого капитала путем обеспечения доступности качественного образования для устой-

Таблица 4/Table 4

Динамика расходов государственного бюджета Республики Казахстан на образование [22]
Dynamics of expenditure of the state budget of the Republic of Kazakhstan for education

Годы	Расходы государственного бюджета, всего млрд тенге	Расходы на образование		
		всего, млрд тенге	в % к общим расходам консолидированного бюджета	в % к ВВП
2010	4826,4	797,4	16,5	4,1
2011	5939,4	1000,3	16,8	3,8
2012	6703,3	1255,6	18,7	4,0
2013	7083,3	1284,4	18,1	3,8
2014	7791,9	1471,7	18,9	3,6
2015	7855,1	1371,6	17,4	3,4

чивого роста экономики [23]. Достижение цели, в частности, обеспечивается путем разработки новых механизмов финансирования образования, а также устойчивого увеличения инвестиций в образование.

Несмотря на в целом положительную динамику расходов на образование в абсолютных показателях в Казахстане, наблюдается сокращение доли расходов на образование по отношению к ВВП. Достаточно низкой остается доля расходов на высшее и послевузовское образование – 1,5–1,7% [23] в структуре расходов консолидированного бюджета. Наибольшая доля расходов приходится на среднее образование.

В 2011 г. в Армении доля расходов на образование в общем объеме расходов сектора государственного управления превысила докризисный уровень, достигнув 10,8% от общих расходов консолидированного бюджета [24]. Около 80% расходов на образование финансируется из местных бюджетов. С 2010 по 2015 г. расходы на образование планомерно увеличиваются (табл. 5).

Таблица 5/ Table 5

Расходы на образование Республики Армения (без учета резервных фондов)
Expenditure for education of the Republic of Armenia (excluding reserve funds)

Годы	Расходы бюджета на образование	
	всего, млн драмов	в % к ВВП
2010	97 790,1	2,8
2011	106 085,0	2,8
2012	102 783,5	2,4
2013	103 094,7	2,3
2014	115 806,0	2,4
2015	122 280,0	2,4

Сост. по [24].

С 2010 по 2015 г. расходы на образование в Армении не превышали 2,8% ВВП. На фоне роста абсолютных показателей относительные показатели сокращаются. В 2016 г. в Армении расходы на образование запланированы в 2,4% прогнозного ВВП. Это обговаривается в проекте госбюджета Армении, обсуждения по которому завершились в парламенте 19 ноября 2015 г. Всего должно быть ассигновано 131,9 млрд драмов (274 млн долл. по текущему курсу) [25]. Наибольшая доля будет направлена на общее образование – 76,7 млн драмов, на 3% больше, чем в 2015 г.

В Кыргызстане за последние пять лет доля расходов, направляемых на образование, по отношению к общим расходам государственного бюджета была весьма значительной – от 18,6 до 23,1%. При этом если в 2010–2013 гг. доля таких расходов увеличивалась, то в 2014–2015 гг. доля несколько сократилась и вернулась к уровню 2010–2012 гг. (табл. 6). В абсолютном выражении наблюдается положительная динамика расходов. Такая высокая доля расходов свидетельствует о значительном внимании государства к сфере образования и вкладу в развитие экономики страны. Наибольшая доля средств, выделяемых на образование (более 55%), направляется на общее образование (начальное, основное и среднее (полное)). За I–II кв. 2016 г. расходы государственного бюджета на образование составили 18 604,8 млн сом, или 7,1% ВВП [26].

В Кыргызстане наблюдается наибольшая доля расходов на образование, по сравнению со всеми государствами-членами ЕАЭС за исследуемый период, превосходя отдельные показатели более чем в два раза.

В странах Союза уровень государственных расходов на образование существенно дифференцирован по странам и в абсолютных, и в

Таблица 6/Table 6

Основные показатели расходов на образование в Кыргызской Республике [26; 27, с. 53]
Main indicators of education expenditure in the Kyrgyz Republic

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Расходы на образование, млн. сомов	12 823	19 420	22 926	24 090	25 915	25 453
В % от ВВП	5,8	6,8	7,4	6,8	6,5	6,0
В % к общим расходам	18,6	21,2	21,4	23,1	21,4	18,9

относительных показателях. В 2015 г. этот показатель варьировался от 2,4% ВВП в Армении и до 6,0% в Кыргызстане. Нестабильная ситуация в мире отражается на расходах на образование в сторону сокращения.

Однако стоит отметить, что количественные показатели расходов на образование не отображают эффективности использования выделенных средств. Чтобы глубже проанализировать эти показатели, сопоставим количественные показатели расходов на образование с качественной оценкой уровня образования в государствах-членах ЕАЭС.

В качестве количественного показателя рассмотрим сумму государственных и частных расходов на образование, выраженную в процентах от ВВП, опубликованную в рейтинге Всемирного банка [28]. В роли качественного – индекс уровня образования в странах мира (Education Index) – комбинированный показатель Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), рассчитываемый как индекс грамотности взрослого населения и индекс совокупной

доли учащихся, получающих образование [29]. Это один из ключевых показателей социального развития, который также используется для расчета индекса человеческого развития. Показатель измеряет достижения страны с точки зрения достигнутого уровня образования населения страны. Этот показатель достаточно универсален, однако не отражает полностью качества образования в стране, так как не учитывает разницу в доступности образования, длительность обучения, а также не учитывает студентов, обучающихся за рубежом. В табл. 7 приведено сравнение количественных и качественных показателей образования в государствах-членах ЕАЭС.

Между Россией, Беларусью и Казахстаном наблюдается незначительный разрыв в уровне образования, наибольший же в настоящее время присущ индексам образования Беларуси и Кыргызстана. При сравнении показателей наблюдается *положительная корреляция между уровнем расходов на образование и индексом уровня образования в государствах-членах ЕАЭС.*

Таблица 7/Table 7

Взаимосвязь расходов на образование и уровня образования в государствах-членах ЕАЭС
The relationship between expenditure for education and education index in the member states of the Eurasian economic Union (EAEU)

Страна	Уровень образования			Расходы на образование		
	Индекс			Место в рейтинге (из 188)	% ВВП	Место в рейтинге (из 153)
	2014	$\Delta_{(2014-2005)}$	$\Delta_{(2014-2010)}$			
Беларусь	0,834	0,117	0,017	20	4,5	83
Россия	0,806	0,042	0,026	32	4,1	98
Казахстан	0,798	0,011	0,044	37	3,1	125
Армения	0,705	0,052	0,04	68	3,2	121
Кыргызстан	0,700	0,044	0,049	72	6,2	25

Сост. по: [28, 29].

Однако Кыргызстан как страна с самыми высокими расходами на образование, выраженными в процентах к ВВП и к консолидированным расходам бюджета среди государств-членов ЕАЭС, занимает самое низкое место в рейтинге относительно стран Союза. Учитывая специфику

инвестиций в образование, которая выражается в отложенном проявлении результата, и качественных изменений в системе образования, можно ожидать изменения индекса образования в Кыргызстане в течение нескольких лет. Это подтверждается положительной динамикой

индекса уровня образования: по сравнению с 2005 г. показатель увеличился на 0,44 ед., а по сравнению с 2010 г. – на 0,49 ед. Таким образом, можно сделать вывод, что уровень расходов на образование оказывает значительное влияние на развитие системы образования при условии эффективного использования выделенных средств и развития образовательной инфраструктуры.

Результаты

В настоящее время образование выступает основной обеспечением высокого уровня конкурентоспособности национальных экономик. Инвестиции в образование имеют особое значение для развития потенциала долгосрочного роста и реагирования на технологические и демографические изменения, создают основу для развития рынка труда и экономики в целом. Поэтому даже в периоды кризиса государствам нежелательно сокращать расходы на образование, так как последующие негативные эффекты могут проявляться в течение длительного времени.

Однако увеличение расходов на образование не всегда сопровождается повышением качества образовательных услуг. Вследствие этого важно оценивать не только количественные расходы на образование, но и качественные результаты, а также их влияние на экономический и социальный прогресс. При оценке эффективности расходов на образование важно учитывать не только долю расходов от ВВП и от консолидированного бюджета, а также абсолютные значения расходов, но и ряд других факторов: численность и доля обучающихся; охват молодежи программами среднего профессионального и высшего профессионального образования; количество образовательных учреждений среднего и высшего профессионального образования; коэффициент выпуска специалистов, уровень грамотности и проч.

В условиях глобализации и интеграции приоритетную роль в развитии экономик стран играют вопросы подготовки высококвалифицированных специалистов. В государствах-членах ЕАЭС расходы на образование напрямую влияют на уровень развития систем образования. В целом в последнее время в странах Союза наблюдается положительная динамика расходов, что благоприятно отражается на индексе уровня образования. Однако уровень расходов на образование в государствах-членах ЕАЭС значительно дифференцирован. Отставание Кыргызстана и Армении по индексу уровня образования может быть в дальнейшем компенсировано за счет синергетического эффекта при формировании единого образовательного пространства в государствах-членах ЕАЭС.

Практическая реализация роста уровня образования в государствах-членах ЕАЭС должна осуществляться по следующим основным направлениям, охватывающим комплекс мероприятий:

– разработка и реализация совместных образовательных программ на различных уровнях образования и учреждение совместных образовательных структур;

– модернизация содержания и технологий профессионального образования для обеспечения их соответствия требованиям современной экономики и изменяющимся запросам населения;

– организация взаимодействия между бизнесом, образованием и наукой, что будет способствовать сближению программ профессионального образования с реальными потребностями рынка труда, посредством внедрения программ прикладного бакалавриата и реализации программ повышения квалификации инженерных кадров.

В перспективе системе высшего образования государств-членов ЕАЭС следует руководствоваться рыночными принципами с применением механизма государственных заказов. Такой механизм должен быть основан на исследованиях, определяющих состояние рынка труда и системы образования, отслеживать тенденции социально-экономического развития для своевременного, адекватного реагирования и внесения изменений в систему образования с учетом перспектив развития национальных экономик и Союза в целом.

Список литературы

1. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) : [сайт]. URL: <http://www.eaunion.org/> (дата обращения: 10.10.2016).
2. *Becker G.* Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with special reference to education. 3rd ed. Chicago : University of Chicago Press, 1964. 412 p.
3. *Денисон Э. Ф.* Вклад знаний в экономический рост : межстрановой анализ // *Вопр. экономики.* 1976. № 11. С. 153–158.
4. *Schultz T. W.* Investment in Human Capital : The Role of Education and of Research. N. Y. : Free Press, 1971. 272 p.
5. *Айдрус И. А., Горшкова Л. Ю.* Особенности развития мирового рынка образовательных услуг на современном этапе. М. : Изд-во РУДН, 2016. 316 с.
6. *Вессман Л., Ханушек Э.* Роль качества образования в экономическом росте (продолжение, часть 2) / пер. с англ. Е. Покатович // *Вопр. образования.* 2007. № 3. С. 115–185.
7. *Логвин Н. В.* Роль государства в повышении экономической эффективности системы образования // *Вестн. Поволж. ин-та управления.* 2012. № 4 (33). С. 24–30.

8. Лукичев Г. А., Филиппов В. М. Системы финансирования высшего образования в зарубежных странах : учеб. пособие. М. : Изд-во РУДН, 2008. 194 с.
9. Марков С. Н. Показатели эффективности бюджетных расходов на образование // Наука о человеке : гуманитарные исследования. 2013. № 4. С. 43–52.
10. Ростовский Р. В. Государственное финансирование системы высшего образования : опыт экономически развитых стран // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. Экономика и право. 2012. Вып. 2. С. 57–63.
11. Семionova E. A. Оценка эффективности бюджетных расходов в сфере общего образования // Вопр. статистики. 2007. № 1. С. 58–61.
12. Финансирование образования. URL: <http://ecsocman.hse.ru/> (дата обращения: 16.10.2016).
13. Education at a Glance 2010 OECD indicators. OECD. URL: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/45926093.pdf> (дата обращения: 18.11.2016).
14. Казначейство России : [сайт]. URL: <http://www.goskazna.ru/> (дата обращения: 16.10.2016).
15. Об утверждении государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. : распоряжение Правительства РФ от 22 ноября 2012 г. № 2148-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. Ежеквартальная информация об исполнении консолидированного бюджета Российской Федерации // Министерство финансов Российской Федерации : [сайт]. URL <http://minfin.ru/ru/statistics/conbud/> (дата обращения: 18.11.2016).
17. Об образовании : закон Республики Беларусь от 29 октября 1991 г. № 1202-ХІІ // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/> (дата обращения: 16.10.2016).
18. Кодекс Республики Беларусь «Об образовании». 13 января 2011 г. № 243-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/> (дата обращения: 16.10.2016) (дата обращения: 16.10.2016).
19. Образование в Республике Беларусь. Стат. сб., 2015. URL: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/obrazovanie/publikatsii_8/index_683/ (дата обращения: 16.11.2016).
20. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера Нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Социально-экономическая модернизация – главный вектор развития Казахстана». Январь, 2012. URL: <http://www.parlam.kz/%E2%80%8E/president-speech/29> (дата обращения: 25.10.2016).
21. О мерах по реализации Послания Главы государства народу Казахстана от 14 декабря 2012 года «Стратегия "Казахстан-2050"» : указ Президента Республики Казахстан от 18 декабря 2012 г. № 449. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1200000449> (дата обращения: 25.10.2016).
22. Комитет по статистике Республики Казахстан. URL: <http://stat.gov.kz/> (дата обращения: 25.11.2016).
23. Об утверждении Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы : указ Президента Республики Казахстан от 7 декабря 2010 г. № 1118. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30906915 (дата обращения: 25.11.2016).
24. Статистика финансов Армении, 2016. URL: <http://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=1703> (дата обращения: 25.11.2016).
25. Информационно-аналитическое агентство Де-Факто. URL: <http://defacto.am/123670.html#VrxvsHmHyUF> (дата обращения: 16.10.2016).
26. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. Январь-сентябрь 2016. URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/e1ea9de2-8403-4925-bfed-9b8d19b544dc.pdf> (дата обращения: 25.11.2016).
27. Социальные тенденции Кыргызской Республики : 2010–2014. Вып. 11. Бишкек : Национальный статистический комитет Кыргызской Республики, 2015. URL: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/66bd4835-30f0-4dcc-b321-694e9b12e336.pdf> (дата обращения: 25.10.2016).
28. World Development Indicators 2014. Washington, DC : World Bank. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/752121468182353172/World-development-indicators-2014> (дата обращения: 25.11.2016).
29. Education index // Human Development Reports. URL: <http://hdr.undp.org/en/content/education-index> (дата обращения: 25.11.2016).

Образец для цитирования:

Мизинцева М. Ф., Чавыкина М. А. Динамика расходов на образование в государствах-членах ЕАЭС // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 247–256. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-247-256.

Dynamics of Expenditure for Education in Member States of the EAEU

Mariya F. Mizintseva

ORCID 0000-0002-1276-2753,

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia; Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences, 20, Usievicha str., Moscow, 125190, Russia. E-mail: mfmizin@mail.ru

Mariya A. Chavykina

ORCID 0000-0002-2260-5663, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia. E-mail: mariya-chavykina@mail.ru

Introduction. Socio-economic development of the society due to the relationship between economic and educational components of national systems that define the conditions for the accumulation of intellectual potential of the country. The stable and progressive development of countries is largely determined by the state

education system. **Theoretical analysis.** Public expenditure for education contribute to the economic growth of the country through the development of human capital. The potential benefits of education can be divided into economic and social, public and private. **Empirical analysis.** In the countries of the EAEU public expenditure on education significantly differentiated both in absolute and in relative indicators. The level of spending on education positively correlated with the Education index in the Member States EAEU. **Results.** The considerable differentiation of the absolute and relative indicators of education expenditure in the Union leads to the need to consider in evaluation of education cost effectiveness not only the share of costs in GDP and consolidation budget, along with absolute value of costs, but also other factors such as: number and percentage of students, coverage of youth by programs of secondary and higher education, the number of educational institutions of secondary and higher education, the ratio of graduates, literacy rate, etc.

Key words: public expenditure, expenditure for education, global economy, integration, Eurasian economic Union (EAEU), human capital, socio-economic development, Education Index.

References

1. Evraziiskii ekonomicheskii soiuz (The official website of the Eurasian Economic Union). Available at: <http://www.eaeunion.org/> (accessed 10 October 2016) (in Russian).
2. Becker G. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with special reference to education, 3rd ed. Chicago, University of Chicago Press, 1964. 412 p.
3. Denison E. F. The contribution of knowledge to economic growth: cross-country analysis. *Voprosy ekonomiki*, 1976, no. 11, pp. 153–158 (in Russian).
4. Schultz T.W. Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research. New York, Free Press, 1971. 272 p.
5. Aidrus I. A. Gorshkova L. Yu. Osobennosti razvitiia mirovogo rynka obrazovatel'nykh uslug na sovremennom etape [Features of development of the world educational market at the present stage]. Moscow, RUDN Publ., 2016. 316 p. (in Russian).
6. Hanushek E. A. Wößmann L. The Role of Education Quality in Economic Growth (Part II). Transl. from engl. E. Pokatovich. *Voprosy obrazovaniia* [Education issues], 2007, no. 3, pp. 115–185 (in Russian).
7. Logvin N. V. The state's role in improving the economic efficiency of the education system. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniia* [Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2012, no. 4 (33), pp. 24–30 (in Russian).
8. Lukichev G. A., Filippov V. M. Sistemy finansirovaniia vysshego obrazovaniia v zarubezhnykh stranakh [System of financing higher education in foreign countries]. Moscow, RUDN Publ., 2008. 194 p. (in Russian).
9. Markov S. N. Indicators of efficiency of budget spending on education. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniia* [Science about human: humanitarian studies], 2013, no. 4, pp. 43–52 (in Russian).
10. Rostovskii R. V. Public funding of higher education: the experience of economically developed countries. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo* [Bulletin of Udmurt University. Series of Economics and Law.], 2012, iss. 2, pp. 57–63 (in Russian).
11. Semionova E.A. Evaluating the effectiveness of budget expenditures in the field of general education. *Voprosy statistiki* [Statistical Studies], 2007, no. 1, pp. 58–61 (in Russian).
12. Finansirovanie obrazovaniia (Financing of education). Available at: <http://ecsocman.hse.ru/> (accessed 10 October 2016) (in Russian).
13. Education at a Glance 2010 OECD indicators. OECD. Available at: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/45926093.pdf> (accessed 18 November 2016).
14. Kaznacheistvo Rossii (Russian Exchequer. Site). Available at: <http://www.roskazna.ru/> (accessed 10 October 2016) (in Russian).
15. On Approval of State Program “Development of Education” on 2013–2020. RF Government Order of 22 November, 2012 № 2148-p. *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
16. Quarterly information on the performance of the consolidated budget of the Russian Federation. *Ministerstvo finansov Rossiiskoi Federatsii* (Ministry of Finance of the Russian Federation. Site). Available at: <http://minfin.ru/ru/statistics/conbud/> (accessed 18 November 2016) (in Russian).
17. On education. Law of the Republic of Belarus of October 29, 1991 № 1202-XII. *Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'* (National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus). Available at: <http://www.pravo.by/> (accessed 10 October 2016) (in Russian).
18. Code of the Republic of Belarus “On education”. January 13, 2011 № 243-3. *Natsional'nyi pravovoi Internet-portal Respubliki Belarus'* (National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus). Available at: <http://www.pravo.by/> (accessed 10 October 2016) (in Russian).
19. *Obrazovanie v Respublike Belarus'*. Statisticheskii sbornik (Education in the Republic of Belarus. Statistical Yearbook), 2015. Available at: http://belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/otrasli-statistiki/naselenie/obrazovanie/publikatsii_8/index_683/ (accessed 10 November 2016) (in Russian).
20. Message from the President of the Republic of Kazakhstan – Leader of the Nation Nursultan Nazarbayev to people of Kazakhstan “Socio-economic modernization – main direction of development of Kazakhstan”. January, 2012. Available at: <http://www.parlam.kz/%E2%80%8E/president-speech/29> (accessed 25 October 2016) (in Russian).
21. On measures to implement the President's Address to the people of Kazakhstan of December 14, 2012 “Strategy “Kazakhstan-2050”. Available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1200000449> (accessed 25 October 2016) (in Russian).

22. Komitet po statistike respubliky Kazakhstan (Committee on Statistics of the Republic of Kazakhstan). Available at: <http://stat.gov.kz/> (accessed 25 November 2016) (in Russian).
23. On approval of the State Program of Development of Education of the Republic of Kazakhstan for 2011–2020. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 7, 2010 № 1118. Available at: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30906915 (accessed 25 November 2016) (in Russian).
24. Statistika finansov Armenii (Finance Statistics of Armenia), 2016. Available at: <http://www.armstat.am/ru/?nid=82&id=1703> (accessed 25 November 2016) (in Russian).
25. Informatsionno-analiticheskoe agentstvo De-Fakto (The information-analytical agency De-Fakto). Available at: <http://defacto.am/123670.html#.VrxvsHmHyUF> (accessed 10 October 2016) (in Russian).
26. Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Kyrgyzskoi Respubliki. Ianvar'-sentiabr' 2016 (Socio-economic situation of the Kyrgyz Republic. January-September 2016). Available at: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/e1ea9de2-8403-4925-bfed-9b8d19b-544dc.pdf> (accessed 25 November 2016) (in Russian).
27. Sotsial'nye tendentsii Kyrgyzskoi Respubliki (Social Trends of the Kyrgyz Republic): 2010-2014. Issue 11. Bishkek: National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic Publ., 2015. Available at: <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/66bd4835-30f0-4dcc-b321-694e9b12e336.pdf> (accessed 25 October 2016) (in Russian).
28. World Development Indicators 2014. Washington, DC: World Bank. Available at: <http://documents.worldbank.org/curated/en/752121468182353172/World-development-indicators-2014> (accessed 25 November 2016).
29. Education index. *Human Development Reports*. Available at: <http://hdr.undp.org/en/content/education-index> (accessed 25 November 2016).

Cite this article as:

Mizintseva M. F., Chavykina M. A. Dynamics of Expenditure for Education in Member States of the EAEU. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 247–256 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-247-256.

УДК 330.342.2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПРИРОДЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ДИСФУНКЦИЙ НОВОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

М. А. Каткова

кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика труда и производственных комплексов», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: mkatkova@mail.ru

А. В. Лаврентьева

кандидат экономических наук, заведующий отделом сопровождения НИР, Волгоградский государственный университет. E-mail: lavra.ne@mail.ru; oponir@volsu.ru

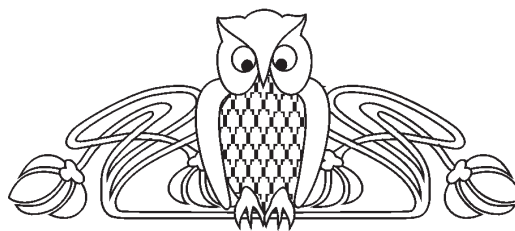
Введение. Актуальность исследования проблемы институциональных дисфункций связана с появлением их новых форм, широким распространением в институциональной системе и необходимостью выработки адекватного механизма противодействия аномальных институциональных форм. **Теоретический анализ.** В статье проанализирован генезис институциональных дисфункций нового технологического уклада, продемонстрированы роль и место технологий широкого применения в данном процессе. Авторы проследили этапы институционализации дисфункций и их проявлений в институциональных системах различных уровней. **Результаты.** В ходе научного анализа было выявлено, что институционализация технологий, являющихся основой нового технологического уклада, включает ряд этапов, с каждым из которых связаны достаточно типичные дисфункции и аномалии институционального характера: неформальная институционализация, распознавание, активная государственная поддержка, комплексная формальная институционализация и экспансия новых технологий, подключение крупного частного капитала, социальная институционализация.

Ключевые слова: институциональные дисфункции, институциональные аномалии, нанотехнологии, новый технологический уклад.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-257-265

Введение

Современная российская экономика представляет собой неоднородную институциональную систему, характеризующуюся низкой эффективностью и наличием широкого спектра аномальных форм институционализации, включая «провалы» рынка и государства, деформализацию правил, дисфункцию целого ряда институтов (в том числе институтов развития), институциональные «ловушки» и «разрывы», системную коррупцию и т.д. Институциональные дисфункции формируются не только поступательно, медленно «подтачивая» действующие институты и закрепляя различные формы выхода регулярностей поведения агентов за пределы социальных норм, но и революционным об-

разом, сопровождая радикальные инновации. Становление нового технологического уклада в начале XXI в. является, на наш взгляд, примером отставания темпов институционализации от темпов прогресса «прорывных» технологий, что привело к быстрому возникновению комплекса разнообразных институциональных дисфункций и аномалий.

Теоретический анализ

Под дисфункцией в данной статье мы будем понимать нарушение, расстройство функций какого-либо органа, системы, экономического института, преимущественно качественного характера – по аналогии с дисфункцией организма в биологии [1, 2].

Наноиндустрия, по мнению большинства экспертов, может стать межотраслевым базисом нового уклада [3], поэтому анализ аномальных форм ее институционализации имеет как теоретическую, так и практическую значимость, тем более что изучение негативных форм и эффектов институционального развития наноиндустрии является предметом пока немногочисленных работ.

«Нанотехнологии» – крайне широкий термин, относящийся ко многим высоким технологиям, оперирующим с предельно малыми объектами, размеры которых варьируют в диапазоне нескольких сотен нанометров. Суть нанотехнологий состоит в том, что в наномасштабе классические законы физики уступают место квантовым законам, действие которых часто приводит к появлению у материалов совершенно новых, часто уникальных свойств. Нанотехнологии, как полагают многие эксперты, способны стать основной технологией широкого применения (ТШП), подобно электричеству, паровому двигателю и компьютерам [4–6]. Специфика такого рода технологий связана с их применимостью во множестве отраслей экономики (промышленности, сельском хозяйстве, торговле, связи, транспорте, здравоохранении, образовании и др.), что создает мультипликативный эффект воздействия на другие технологии, способствуя повышению производительности труда и ведя к значительным

социальным изменениям. При этом, будучи продуктивными в долгосрочном периоде, в кратко- и среднесрочном периодах ТШП могут привести к болезненным структурным сдвигам в экономике и предполагают крупные капиталовложения, прежде всего в инфраструктуру.

Наноиндустрия, по определению О. Иншакова, представляет собой «институционально специфицированное, масштабно организованное, массовое производство стандартизированных товаров и услуг с нанопризнаками практически во всех сферах жизни людей» [7, с. 28]. Таким образом, институционализация наноиндустрии является одним из ключевых факторов ее успешного утверждения в качестве «ядра» нового уклада.

Институционализация ТШП и индустрий, базирующихся на их основе, является многоэтапным процессом и включает ряд этапов [8], с каждым из которых связаны достаточно типичные дисфункции и аномалии институционального характера.

1. *Этап неформальной, стохастичной институционализации ТШП* включает определение направления научного поиска, проведение фундаментальных исследований, осуществление изобретений, создание научных коллективов, расширение присутствия в информационном пространстве. Коллаборация (творческое сотрудничество) носит на этом этапе неформальный характер, ресурсная база исследований нестабильна, цели и перспективы их нечетки и неочевидны. Для данного этапа характерны, прежде всего, ментальные аномалии, порожаемые инерцией общественных в целом и внутринаучных стереотипов, связанных с приоритетными направлениями исследований, а также оценкой перспектив новых открытий и изобретений. Показателен в этом смысле пример нанотехнологий: хотя основополагающая концепция сканирующего туннельного микроскопа – основного инструмента изучения наночастиц – была разработана в 1981 г., в середине 1990-х гг. данной проблематикой во всем мире занимались лишь несколько научных групп [8].

2. *Этап распознавания, первого признания и начала лоббирования ТШП* связан с проведением фундаментальных и прикладных исследований, опытно-конструкторских работ, продвижением их результатов, привлечением влиятельных лоббистов и созданием групп влияния, разработкой прогнозов и докладов о потенциале и перспективах новой ТШП. На этом этапе уже возникают различные формы гетерономии, т.е. существования институтов предшествующего и нового укладов, в том числе институциональные

«дыры», «пустоты», «разломы» и т.д. Кроме того, для данного этапа характерна гипогенезия (недостаточное развитие) институтов, поддерживающих новый технологический уклад: отсутствуют коалиции и группы интересов, программы исследований и стратегии государственной поддержки и т.д. При этом высоки риски формирования нечетких институтов: в частности, в процессе разработки Национальной нанотехнологической инициативы США понятие нанотехнологий все больше и больше размывалось с целью повышения бюджетного финансирования максимально широкого круга прорывных исследований [8].

3. *Этап активной государственной поддержки, комплексной формальной институционализации и экспансии ТШП* включает разработку стратегических документов (инициатив, стратегий, программ) исследований и инфраструктурного развития, включение новой ТШП в состав приоритетов научно-технического развития и соответствующие изменения политики бюджетного и внебюджетного (грантового и венчурного) финансирования, формирование специализированных структур (центров, институтов, кафедр и др.) и институтов развития [9]. Данный этап характеризуется рисками развития «провалов» государства, в том числе некорректным определением состава приоритетных направлений бюджетной поддержки. Даже форсайт-прогнозы, создаваемые на основе привлечения широкого круга экспертов, не способны реалистично предвидеть будущее зарождающихся технологий в связи с фундаментальной неопределенностью перспектив их развития, областей практического применения и коммерциализации. Отмечается, что форсайты часто становятся своего рода «трансляторами интеллектуальной моды», т.е. актуального набора завышенных ожиданий в отношении наиболее быстро развивающихся технологий («массовой технологической мифологии») [10, с. 20]. Так, в 1960-х гг. массовый характер носили ожидания быстрого освоения космоса, колонизации Луны и создания орбитальных производств, а также хозяйственного освоения дна Мирового океана, развития сверхзвуковых пассажирских авиаперевозок и др. В 1970-х гг. преобладали ожидания, связанные с интенсивной «зеленой революцией» и решением проблемы голода на планете [10]. В 1980-х гг. массовые ожидания связывались с созданием искусственного интеллекта и масштабного применения робототехники как в сфере производства, так и в сервисе и быту. Эти завышенные ожидания как иррациональные стереотипы общественного сознания закрепляются в устойчивых аномальных формах ментальных институтов. Кроме того,

различные заинтересованные группы, связанные с новой ТШП, зачастую лоббируют специфичные направления исследований и разработок, в которых они имеют конкурентные преимущества, а не стремятся создать объективную картину технологического развития в ходе форсайта. Как подчеркивает В. Мау, отсутствие объективных критериев идентификации технологических и отраслевых приоритетов государственной поддержки «может привести лишь к тому, что в качестве приоритетных будут выделены сектора, обладающие максимальными лоббистскими возможностями» [11, с. 74], что исказит траекторию технологического развития экономики под влиянием рентаориентированного поведения отраслевых лобби.

Данный этап также характеризуется высокой вероятностью нецелевого использования институтов, в том числе манипулирования и маскировки ими научно-исследовательской и бизнес-деятельности, имеющей достаточно опосредованное отношение к новой ТШП. Это объективно связано с тем, что любые инновационные технологии являются результатом технологической эволюции и обычно имеют многопоколенческую структуру. Недостаточный учет этого обстоятельства на этапе формальной институционализации ТШП приводит к нечеткости институтов (в том числе законов, стратегий и т.д.), позволяя оппортунистически манипулировать ими и получать бюджетную поддержку исследований и разработок достаточно традиционного характера. Глубина и ширина форм проявления экзаптации институтов развития могут варьироваться в зависимости от уровня консерватизма формальных и неформальных институтов, организационной гибкости экономики. Однако значительное влияние на институциональную динамику оказывает следующее: какое именно институциональное изменение вызвало институциональные сдвиги и каков характер (эволюционный или революционный) произошедшего изменения.

Значительное влияние на глубину и ширину процессов экзаптации институтов развития оказывает взаимодействие между нормативными и организационными институтами, поскольку от его характера зависят закрепляемые в процессе многократного осуществления стереотипы экономического и технологического поведения хозяйствующих субъектов (рутины).

Выделяют две формы проявления экзаптации: институциональную и организационно-техническую. Организационно-техническая форма экзаптации влечет за собой техническую неоднородность осуществляемых функций, которая предопределяется степенью совпадения

стадии результата деятельности и стадии развития используемой в ней технологии и может повлечь за собой следующие явления: общую неустойчивость организационных институтов, нарастание преопределенности развития процесса, несинхронность изменений институтов развития в сферах их практической реализации

Динамика транзакционной результативности, предполагающей поддержание как неизменного, так и изменяющегося в большую сторону объема взаимодействий в экономике является демаркационной линией выявления феномена экзаптации институтов развития. Однако положительные транзакционные изменения с участием институтов развития должны сопровождаться такими изменениями, которые соотносят равенство цены издержек общества его ресурсным возможностям. Невыполнение этого условия может повлечь за собой дестабилизацию в развитии экономической системы, выражающуюся в разбалансировке ее формальных и неформальных компонент, и, что наименее желательно, увеличение общего объема ресурсов, необходимых для обеспечения экономических взаимодействий в расчете на единицу транзакций. Внешне это может выразиться в увеличении доли ВВП, потребляемого транзакционным сектором. Удорожание транзакций способствует выбыванию из хозяйственного оборота все большей части располагаемых ресурсов из-за экономической нецелесообразности их использования.

Институциональная форма продуцирует ухудшение деятельности институционального механизма их реализации. В случае невыполнения части запланированных функций на смену единству группового стереотипа приходит их разнообразие, возникающее вследствие неодинаковой ориентации членов функциональной группы на соблюдение формальных и неформальных норм [12]. Возникающая дисгармония в сфере обмена переводит контрактные отношения в односторонние, асимметричные, создавая феномен вынужденного обмена, который можно рассматривать как форму проявления оппортунизма со стороны государства [13]. Угроза такого обмена вызывает защитную реакцию со стороны побуждаемого к нему субъекта и влечет рост затрат на защиту и выполнение контрактов и дополнительное отвлечение ограниченных ресурсов на производство альтернативных благ, что в дальнейшем создает условия для снижения эффективности обмена и может привести к сужению и дисфункциям в отдельных сегментах рынков.

В частности, применяемая в КНР классификация биоиндустрии учитывает биотехнологии

разных поколений – традиционные, современные и будущие: например, к традиционным относятся технологии зимолита (ферменты), традиционной китайской медицины (экстракты, мази и др.) и биологически активные добавки (нутриенты, функциональные пищевые продукты и т.д.), тогда как в состав перспективных (будущих) биотехнологий включены биочипирование, клонирование, геномные технологии, нанобиотехнологии, биоэнергетика, разработка биокомпьютеров и т.д. [14, р. 32]. Очевидно, что объемы и формы государственной поддержки соответствующих индустрий значимо различаются. Напротив, в Комплексной программе развития биотехнологий в Российской Федерации на период до 2020 г. биоиндустрия и биотехнологии дифференцированы только в отраслевом аспекте, что заведомо создает риск распыления бюджетных средств на поддержку принципиально разных поколений биотехнологий. Аналогично в сфере нанотехнологий только начинается процесс их дифференциации в ходе учета, прогнозирования и поддержки. Эксперты подчеркивают, что большинство прогнозов развития нанотехнологий обращено в основном на эволюционные нанотехнологии, связанные с миниатюризацией [15, с. 14]. Таковы, например, технологии производства полупроводников, нанопорошков и другие, исследования в области которых ведутся начиная с 1950-х гг. Революционные же нанотехнологии связаны с реализацией молекулярной самосборки и конструирования объектов на атомарном уровне («атом-за-атомом»). Таким образом, даже при упрощенной бинарной (двоичной) классификации обнаруживается необходимость более детализированного подхода к регулированию nanoиндустрии. Кроме того, на этапе ранней институционализации утвержденные стандарты и стратегии с излишне жесткими направлениями и целями развития ТШП влекут рост риска замыкания (lockin) технологической эволюции на субоптимальной траектории; другими словами, излишняя конкретизация на данном этапе губительна и может привести к аномальной институционализации ТШП.

Кроме того, следует акцентировать риск возникновения специфического межинституционального «разрыва» на рассматриваемом этапе эволюции ТШП. Как заметил Я. Сергиенко, на этапе зарождения технологического уклада (и соответствующей ТШП) новаторы действуют в условиях жестких ресурсных и, в частности, финансовых ограничений, что становится мотивом их кооперации, создания неформальных групп и институтов. С расширением информационного поля новой ТШП и началом ее широкой

государственной поддержки кредиторы (банки, венчурные фонды и т.д.) все чаще обращают свое внимание на новаторов и активнее поддерживают их проекты. В результате потребность новаторов в институтах неформальной кооперации отпадает, и они переходят к конкурентной борьбе в формально-правовом поле [16]. От уровня издержек перехода от доминирования неформальных институтов к превалированию формальных в значительной степени зависит успешность рассматриваемого этапа институционализации новой ТШП.

Изначально институты развития были задуманы как системные (внешние), определяющие тип экономического порядка и включающие экономические, политические и этические правила и нормы, комплексно содействующие эффективному функционированию всей экономической системы. Исходя из изложенного, институты развития по функционалу должны определять порядок принятий и изменения экономических решений, нормы хозяйственной этики.

Однако на современном этапе классифицировать институты развития как системные не представляется возможным, поскольку проблемами их формирования и развития стали:

- отсутствие системного подхода при совмещении нескольких функций одним из элементов системы институтов развития;
- отсутствие координирующих и информационных структур;
- принятие государством части рисков реализуемых проектов, облегчение налоговых и экономических условий предпринимательства;
- избирательность при принятии решений и их непрозрачность по выбору объектов инвестирования и поддержки свели институты развития из системных в разряд локально-организационных.

К локально-организационным относятся институты, структурирующие взаимодействия, связанные с заключением сделок, как на открытом рынке, так и внутри организационных структур. Данный вид институтов не только способствует расширению возможностей для заключения сделок между различными экономическими субъектами, но и снижает степень неопределенности и риска в экономике в целом. При этом следует учитывать, что функционирование подобных институтов связано с деятельностью сопряженных организаций, что создает предпосылки для дихотомии и экзаптации.

Еще одним весьма значимым аргументом в пользу институциональной экзаптации институтов развития является тот факт, что изначально на них была возложена задача по сокращению трансакционных издержек в их интегральном

понимании, предложенном Р. Коузом в работе «Природа фирмы» (1937 г.), т.е. снижение издержек функционирования экономической системы (трения).

Однако к настоящему моменту институтам развития, обладающим локальным влиянием в масштабе российской экономической системы, удалось только частично снизить издержки, связанные с физическим превращением сырья в готовую продукцию, обладающую определенной ценностью: на обработку материала, на планирование и координацию процесса производства и преимущественно его технологической стороны, некоторых видов издержек перемещения в пространстве и времени, т.е. речь идет о трансформационных, а не о транзакционных издержках. Трансформационные издержки, наделенные производственной функцией, лишаются социальных характеристик. «...Процесс согласования экономических интересов внутри фирмы требует определенных затрат, которые по своей экономической природе относятся к категории транзакционных» [17, с. 680]. Таким образом, внедряемые институциональные формы, предполагающие выполнение новых функций, не учли недоразвитости технологической и технической базы, отсюда возник феномен экзаптации, появление которого свидетельствует о противоречивости (рассогласованности) внешних и внутренних стимулов и мотивов поведения институтов развития в рыночной среде, необходимости обеспечения на новом уровне единства организационно-технических институтов в ходе их общей трансформации.

4. *Этап подключения крупного частного капитала, «технопурги» и «стадного эффекта»* предполагает качественное повышение инвестиционной активности частного бизнеса на фоне сверхоптимистичных прогнозов развития ТШП, резкого роста количества стейкхолдеров (от исследователей до спекулянтов), «бума» стартапов, формирования новых рынков и углубления их нишевой структуры – с выходом на переоценку потенциала ТШП, реалистичную корректировку прогнозов и рационализацию объемов и структуры инвестиций. Основной институциональной аномалией на данном этапе является «провал» рынка, в частности, рынка венчурных инвестиций и фондового рынка. Так, в конце 1990-х гг. под влиянием всеобщей эйфории в преддверии наступления «новой экономики», предвещавшейся множеством экспертов, начался бурный рост курсов акций интернет-компаний (доткомов), завершившийся в 2000 г. обвалом индекса NASDAQ. При этом инвесторы были готовы вкладывать средства фактически в любые проек-

ты, связанные с информационными технологиями (ИТ) [18] и электронной коммерцией, а стартапы направляли большую часть привлеченных инвестиций в рекламу и продвижение брендов. По мнению К. Перес, данная тенденция характерна не только для ИТ, но и для любых развивающихся технологий, претендующих на роль ТШП [19, с. 151–166]. Завышенные ожидания, основанные на безоглядной вере в непрерывный технологический прогресс [20, с. 9], кумулятивно усиливаются и ведут к раздуванию финансовых «пузырей», что впоследствии негативно отражается на темпах и направлениях развития ТШП. Кроме того, на данном этапе высок риск дисфункций механизма коммерциализации инноваций, базирующихся на новой ТШП, в основе которых лежит «эффект перелета» (overshooting effect). Суть этого эффекта состоит в предложении рынку товаров, технологические параметры которых значительно превышают потребности целевых аудиторий [21]. На взгляд Н. Карра, в частности, в сфере ИТ потребности пользователей не подчиняются закону Мура, согласно которому производительность компьютеров растет экспоненциально и удваивается каждые два года [22, с. 54]. В результате такого расхождения возникает момент, когда излишние функциональные модели компьютерной техники становятся невостребованными и вытесняются с рынка более дешевыми аналогами.

На данном этапе могут проявиться дефекты и нечеткость нормативно-правовой базы и дисфункции институтов развития, что связано с высокой инертностью и, соответственно, низкой адаптивностью институциональной структуры по сравнению с технологической структурой хозяйственного уклада. Например, в случае нанотехнологий дефекты и дисфункции системы регулирования обусловлены отсутствием общепринятых и точных определений нанотехнологических компаний и продукции, что затрудняет сбор информации и приводит к неадекватным стратегическим решениям. В связи с быстрым развитием нанотехнологий регулятивные меры осуществляются в режиме перманентного отставания, при этом не успевают накопиться эмпирическая база по рискам наноинноваций, в частности, их токсичности, экологической опасности, канцерогенным и тератогенным эффектам и т.д. Проблема состоит в том, что многие из действующих правовых актов и регулирующих документов в области пищевой продукции, химикатов, косметических средств и других, в принципе, применимы к наноматериалам, однако не ясно, насколько эффективным будет их применение и нуждаются ли они в адаптации. Результатом может стать рост нечеткости регу-

лятивных институтов и повышение издержек рыночной адаптации нанотехнологий.

На современном этапе развития системы регулирования основные усилия и решения сфокусированы на национальном и региональном уровнях, тогда как международные аспекты координации и регламентации нанотехнологического развития крайне редко оказываются в центре международного сотрудничества. Тем самым закладывается основа будущего институционального «разрыва» [23], поскольку глобализация нанонауки и быстрый рост международной торговли нанопродукцией в среднесрочной перспективе потребуют транснациональной координации и гармонизации существующих правовых режимов в направлении выработки единого глобального режима регулирования nanoиндустрии. Несмотря на наличие общих (универсальных) черт, подходы к регулированию нанотехнологий и конкретные правовые режимы в разных странах (в частности странах ЕС и США) существенно различаются, что повышает риск проявления эффекта path dependence, который будет препятствовать международной конвергенции (сближению) систем регулирования. Поскольку новые риски нанотехнологий могут быть выявлены уже в процессе их широкого использования, регулятивные институты будут постоянно меняться [24]. Вполне вероятно, что уже в среднесрочной перспективе потребуются принятие рамочной международной конвенции, подобной Венской конвенции об охране озонового слоя и Монреальскому протоколу по веществам, разрушающим озоновый слой.

5. *Этап социальной институционализации* связан с общественным признанием и «укоренением» ТШП или ее отторжением и выживанием. На данном этапе институционализации новой ТШП ключевую роль играет ее соответствие общественным ожиданиям, представлениям, убеждениям и ценностям, в связи с чем трудно переоценить значение имиджа, репутации и социального капитала (т.е. ресурса поддержки лояльной социальной базы). В случае новой ТШП на этапе ее широкомасштабного внедрения и применения в разнообразных сферах жизнедеятельности люди сталкиваются (как и в случае любого кардинально нового явления) с тотальной неопределенностью, которая стимулирует возникновение ментальных аномалий: иррациональных убеждений, негативных стереотипов и технофобий. В частности, в 1980-х гг. массовый характер приобрели «радиофобия» и ожидания «сворачивания» исследований и проектов в области энергетики [10], в 1990-х гг. деструктивные стереотипы сформировались в отношении генной

инженерии и генетически модифицированных организмов, что существенно затормозило прогресс биотехнологий.

Результаты

Заблуждения относительно новой ТШП имеют тенденцию достаточно быстро перерастать в массовые стереотипы, изменение которых представляет собой крайне сложную задачу. Поэтому Т. Эггертссон считает принципиально важным, хотя и наиболее часто игнорируемым инструментом институционализации инновационных технологий убеждение, направленное на создание новых и изменение сложившихся общественных убеждений и представлений [25, с. 12]. Социальная легитимизация (признание и одобрение) ТШП означает наличие у нее мощной социальной базы, которая, с одной стороны, позволяет осуществлять массовое производство востребованных рынков высокотехнологичных товаров потребительского назначения, высокий спрос на которые будет обеспечен формированием новых норм, моделей и стандартов потребления. С другой стороны, «укоренение» ТШП в обществе означает расширение базирующихся на ней или связанных с ней видов и способов деятельности (профессий, моделей потребления и проведения досуга, видов бизнеса и т.д.), т.е. институций. Например, успех интернет-технологий в значительной степени связан с их глубокой интеграцией в систему общественного разделения и кооперации жизнедеятельности, что привело не только к широкому спектру специальностей и профессий, видов электронного бизнеса и сервиса, но и к формированию многочисленных форм поведения, связанных с Интернетом (вебсерфинг, покупки в интернет-магазинах, онлайн-банкинг, блоггинг, ролевые онлайн-игры, общение в социальных сетях, использование мобильных приложений для саморазвития и т.д.), благодаря чему эти технологии стали основой рутинизированных (опривыченных) практик повседневной жизни массы людей.

Вместе с тем новые ТШП часто генерируют деструктивные модели поведения. Так, «Сеть может подчеркивать и негативные поведенческие схемы или даже создавать непредвиденные социальные патологии» [26, с. 107], такие как граббинг (перехват интернет-трафика), спаминг (массовая рассылка рекламных сообщений), фишинг (незаконное получение логинов и паролей), троллинг (размещение провокационных сообщений), кардинг (хищение средств с электронных счетов и банковских карт) и др. Нанотехнологии, в свою очередь, могут привести к появлению новых видов мошенничества, незаконного сбо-

ра информации и даже терроризма. Широкое применение био- и нанотехнологий охватывает значительный круг экологических и этических проблем, игнорирование которых способно стать в перспективе фактором торможения развития nanoиндустрии [27]. Например, наноматериалы являются «невидимым» компонентом множества потребительских товаров, уже предлагающихся на рынке (от спортивного оборудования и бытовой техники до строительных материалов и косметики), поэтому обнаружение значимых рисков, присущих какой-либо отдельной нанотехнологии или даже конкретному наноматериалу, может перенестись в массовом сознании на все нанотехнологии и nanoиндустрию в целом, что способно привести к резкому падению спроса и сжатию рынков сбыта. Тем не менее, прогнозы и доклады, стратегии и программы развития нанотехнологий практически не затрагивают проблемы их одобрения обществом [28, с. 33] и, шире, их социальной институционализации, что может с высокой вероятностью выразиться в развитии ментальных аномалий и патологий (технофобий).

Содержательные коммуникации, формирующие взаимоотношения и обмен мнениями стейкхолдеров, представляются особенно необходимыми для социальной институционализации нанотехнологий, к которым общественность относится крайне скептически. Традиционный подход к взаимодействию науки и общества, основанный на донесении до общества результатов научного прогресса, становится все менее предпочтительным. Общественность негативно воспринимает снисходительно-объясняющий тон ученых, поэтому требуется более тонкий подход, основанный на понимании наукой потребностей и представлений общества, в том числе его иллюзий и фобий. Необходим интерактивный диалог с различными социальными группами, предполагающий их заинтересованное вовлечение в поле нанонауки. Кроме того, если печатные СМИ склонны подчеркивать положительные стороны нанотехнологий и связанные с ними сенсационные открытия, то население в большей степени беспокоят порождаемые ими риски. Очевидно, что фактор риска является важнейшей коммуникационной проблемой, в частности, связанной с субъективным восприятием и оценкой реальных рисков нанотехнологий. Доказательная эмпирическая база, подтверждающая их наличие и особенности для разных нанотехнологий и наноматериалов, все еще находится в стадии формирования. Поэтому обществу нужны веские доводы и честное обсуждение негативных аспектов нанотехнологического прогресса.

Список литературы

1. Сухарев О. С. Теория экономической дисфункции. М., 2001. 483 с.
2. Сухарев О. Российская экономика : опыт системной диагностики и лечения // Инвестиции в России. 1999. № 9. С. 28–37.
3. Устинова Н. Г. О подготовке кадров для nanoиндустрии // Вестн. СГСЭУ. 2011. № 5. С. 64–68.
4. Глазьев С. Ю. Новый технологический уклад в современной мировой экономике // Международная экономика. 2010. № 5. С. 5–27.
5. Иншаков О. В. Стратегия и тактика государственной политики развития nanoиндустрии в России : материалы к докл. на Общ. собрании Отд-ния обществ. наук РАН, 13 дек. 2010 г. М. ; Волгоград, 2010. 36 с.
6. Дементьев В. Е. Длинные волны экономического развития и финансовые пузыри : препринт # WP/2009/252. М., 2009. 88 с.
7. Иншаков О. В., Фесюн А. В. Формирование категориального аппарата исследования nanoиндустрии // Вестн. ВолГУ. Сер. 7. Философия. 2013. № 1. С. 26–35.
8. Фролов Д. П. Институциональная логика технологического прогресса (случай нанотехнологий) // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2012. Т. 4, № 1. С. 49–64.
9. Ромашкин Т. В. Кластерная активность российского общества // Экономические, институциональные и технологические проблемы повышения конкурентоспособности национальной экономики в условиях внешних вызовов : материалы междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 23 октября 2015 г.) / под ред. А. А. Сытник. Саратов, 2015. С. 173–175.
10. Белоусов Д. Р., Солнцев О. Г., Хромов М. Ю. Построение долгосрочного научно-технологического прогноза для России методом «форсайт» // Проблемы прогнозирования. 2008. № 1. С. 18–33.
11. Мау В. А. Экономические реформы в России : итог и перспективы // Куда пришла Россия?.. Итоги социальной трансформации / под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 2003. С. 63–75.
12. Колядин А. П. Воспроизводство человеческого капитала для инновационного экономического развития России // Сегодня и завтра Российской экономики. 2016. № 77. С. 45–48.
13. Каткова М. А. Государство как принципал // Вестн. СГСЭУ. 2011. № 4. С. 22–26.
14. Zhe L., Lifeng G., Xinghua Z. Definitions, R&D Activities and Industrialization of Biotechnology in China // Asian Biotechnology and Development Review. 2009. Vol. 11, № 2. P. 29–43.
15. Рынок нано : от нанотехнологий – к нанопродуктам / под ред. Г. Л. Азоева. М., 2011. 319 с.
16. Серуенко Я. О финансовом механизме длинноволновых технико-экономических изменений // Вопр. экономики. 2004. № 1. С. 66–73.
17. Половинкина Н. В. Методологические основы анализа транзакционных издержек // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2005. № 1. С. 677–682.

18. Каткова М. А. Влияние глобализации на развитие институциональной структуры рынка информационных технологий : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Саратов, 2006. 23 с.
19. Перес К. Технологические революции и финансовый капитал. Динамика пузырей и периодов процветания. М., 2011. 232 с.
20. Полтерович В. Гипотеза об инновационной паузе и стратегия модернизации // Вопр. экономики. 2009. № 6. С. 4–23.
21. Christensen C. M. The Innovator's Dilemma : When New Technologies Cause Great Firms to Fail. Boston, MA : Harvard Business School Press, 1997. 225 p.
22. Карп Н. Дж. Блеск и нищета информационных технологий : Почему ИТ не являются конкурентным преимуществом. М., 2005. 176 с.
23. Falkner R., Jaspers N. Regulating Nanotechnologies : Risk, Uncertainty and the Global Governance Gap // Global Environmental Politics. 2012. Vol. 12, № 1. P. 30–55.
24. Фролов Д. П., Лаврентьева А. В. «Искусство войны» с институциональными аномалиями : обзор основных методов // Журнал экономической теории. 2016. № 3. С. 138–152.
25. Эггертссон Т. Знания и теория институциональных изменений // Вопр. экономики. 2011. № 7. С. 4–16.
26. Ланир Дж. Вы не гаджет : Манифест. М., 2011. 320 с.
27. Allhoff F. On the Autonomy and Justification of Nanoethics // Nanoethics : The Ethics of Technologies that Converge at the Nanoscale. 2007. Vol. 1, № 3. P. 185–210.
28. Хульман А. Экономическое развитие нанотехнологий : обзор индикаторов // Форсайт. 2009. Т. 3, № 1. С. 30–47.

Образец для цитирования:

Каткова М. А., Лаврентьева А. В. Теоретический анализ природы институциональных дисфункций нового технологического уклада // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 257–265. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-257-265.

Theoretical Analysis of the Nature of Institutional Dysfunctions of New Technological Way

Marina A. Katkova

ORCID 0000-0002-3437-2369,

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,

77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia

E-mail: mkatkova@mail.ru

Anna V. Lavrentyeva

ORCID 0000-0002-9505-9819,

Volgograd State University, 100, prospect Universitetskii,

Volgograd, 400062, Russia

E-mail: lavra.ne@mail.ru; oponir@volsu.ru

Introduction. Relevance of research of a problem of institutional dysfunctions is connected with emergence of their new forms, a wide circulation in institutional system and need of development of the adequate mechanism of counteraction of abnormal institutional forms. **Theoretical analysis.** Article purpose – to analyse genesis of institutional dysfunctions of new technological way, to show a role and a place of technologies of broad application in this process. To track stages of an institutionalization of dysfunctions and their manifestations in institutional systems of various levels. **Results.** During the scientific analysis it was revealed that the institutionalization of the technologies which are a basis of new technological way includes a number of stages, rather typical dysfunctions and anomalies of institutional character are connected with each of which: informal institutionalization, recognition, active state support, complex formal institutionalization and expansion of new technologies, connection of the large private capital, social institutionalization.

Key words: institutional dysfunctions, institutional anomalies, nanotechnologies, new technological way.

References

1. Sukharev O. S. Teoriya ekonomicheskoi disfunktsii [The theory of economic dysfunction]. Moscow, 2001. 483 p. (in Russian).
2. Sukharev O. The Russian economy: the experience of the system of diagnosis and treatment. *Investitsii v Rossii* [Investments in Russia], 1999, no. 9, pp. 28–37 (in Russian).
3. Ustinova N. G. On training for nanoindustry. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University], 2011, no. 5, pp. 64–68 (in Russian).
4. Glaz'ev S. Yu. New technological way in the modern world economy. *Mezhdunarodnaia ekonomika* [The World Economics], 2010, no. 5, pp. 5–27 (in Russian).
5. Inshakov O. V. Strategii i taktika gosudarstvennoi politiki razvitiia nanoindustrii v Rossii [The strategy and tactics of the state policy of development of the nanotechnology industry in Russia]. Moscow, Volgograd, 2010. 36 p. (in Russian).
6. Dement'ev V. E. Dlinnye volny ekonomicheskogo razvitiia i finansovye puzyri [Long waves of economic development and financial bubbles] : preprint # WP/2009/252. Moscow, 2009. 88 p. (in Russian).
7. Inshakov O. V., Fesjun A. V. Formation of categorical apparatus studies the nanotechnology industry. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta* [Science Journal of VolSU]. Ser. 7. Philosophy, 2013, no. 1, pp. 26–35 (in Russian).
8. Frolov D. P. Institutional logic of technological progress (nanotechnology case). *Journal of Institutional Studies*, 2012, vol. 4, no. 1, pp. 49–64 (in Russian).

9. Romashkin T. V. Cluster activity of Russian society. In: *Ekonomicheskie, institucional'nye i tekhnologicheskie problemy povysheniia konkurentosposobnosti natsional'noekonomiki v usloviakh vneshnikh vyzovov* [Economic, institutional and technological issues of the improving competitiveness of the national economy under the conditions of external challenges. Materials Int. sci. and pract. conf. Ed. by A. A. Sytnik]. Saratov, 2015, pp. 173–175 (in Russian).
10. Belousov D. R., Solncev O. G., Hromov M. Yu. Building long-term scientific and technological forecast for Russia by the “foresight”. *Problemy prognozirovaniia* [Studies on Russian Economic Development], 2008, no. 1, pp. 18–33 (in Russian).
11. Mau V. A. Ekonomicheskie reformy v Rossii: itog i perspektivy [Economic reforms in Russia: results and prospects]. *Kuda prishla Rossiya?.. Itogi sotsietal'noi transformatsii* [Where has Russia come? Results of sotsiyetalny transformation. By total ed. T. I. Zaslavskaiia]. Moscow, 2003, pp. 63–75 (in Russian).
12. Koljadin A. P. Reproduction of human capital for innovative economic development of Russia. *Segodnia i zavtra Rossiiskoi ekonomiki* [Today and tomorrow Russian economy], 2016, no. 77, pp. 45–48 (in Russian).
13. Katkova M. A. The state as a principal. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University], 2011, no. 4, pp. 22–26 (in Russian).
14. Zhe L., Lifeng G., Xinghua Z. Definitions, R&D Activities and Industrialization of Biotechnology in China. *Asian Biotechnology and Development Review*, 2009, vol. 11, no. 2, pp. 29–43.
15. Rynok nano : ot nanotekhnologiy – k nanoproductam [Market nano from nanotechnology – to nanoproducts. Ed. by G. L. Azoev]. Moscow, 2011. 319 p. (in Russian).
16. Sergienko Ya. On the financial mechanism of long-techno-economic changes. *Voprosy ekonomiki*, 2004, no. 1, pp. 66–73 (in Russian).
17. Polovinkina N.V. The methodological framework for the analysis of transaction costs. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2005, no. 1, pp. 677–682 (in Russian).
18. Katkova M. A. Vliianie globalizatsii na razvitie institutsional'noi struktury rynka informatsionnykh tekhnologii [The impact of globalization on the development of the institutional structure of the IT market]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Econ.). Saratov, 2006. 23 p. (in Russian).
19. Peres K. Tekhnologicheskie revoliutsii i finansovyi kapital. Dinamika puzyrei i periodov protsvetaniia [Technological revolutions and financial capital. Dynamics of Bubbles and prosperity periods]. Moscow, 2011. 232 p. (in Russian).
20. Polterovich V. The innovation pause hypothesis and strategy of modernization. *Voprosy ekonomiki*, 2009, no. 6, pp. 4–23 (in Russian).
21. Christensen C. M. The Innovator's Dilemma: When New Technologies Cause Great Firms to Fail. Boston, MA : Harvard Business School Press, 1997. 225 p.
22. Karr N. Dzh. Blesk i nischeta informatsionnykh tekhnologii: Pochemu IT ne iavliaiutsia konkurentnym preimuschestvom [Shine and poverty of information technology: Why IT is not a competitive advantage]. Moscow, 2005. 176 p. (in Russian).
23. Falkner R., Jaspers N. Regulating Nanotechnologies: Risk, Uncertainty and the Global Governance Gap. *Global Environmental Politics*, 2012, vol. 12, no. 1, pp. 30–55.
24. Frolov D. P., Lavrentyeva A. V. “The art of war” institutional anomalies: a review of the basic methods. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2016, no. 3, pp. 138–152 (in Russian).
25. Jeggertsson T. Knowledge and institutional change theory. *Voprosy ekonomiki*, 2011, no. 7, pp. 4–16 (in Russian).
26. Lanir Dzh. Vy ne gadzhet: Manifest [You are not a gadget: Manifest]. Moscow, 2011. 320 p. (in Russian).
27. Allhoff F. On the Autonomy and Justification of Nanoethics. *Nanoethics: The Ethics of Technologies that Converge at the Nanoscale*, 2007, vol. 1, no. 3, pp. 185–210.
28. Hul'man A. The economic development of nanotechnology: an overview of the indicators. *Forsait* [Foresight and STI Governance], 2009, vol. 3, no. 1, pp. 30–47 (in Russian).

Cite this article as:

Katkova M. A., Lavrentyeva A. V. Theoretical Analysis of the Nature of Institutional Dysfunctions of New Technological Way. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 257–265 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-257-265.

УДК 332.1+303.71

К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СРЕДНЕДУШЕВЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ

М. Н. Толмачев

доктор экономических наук, заведующий кафедрой статистики, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова. E-mail: tolmachev-mike@yandex.ru

Н. Г. Барашов

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова. E-mail: barashov@mail.ru

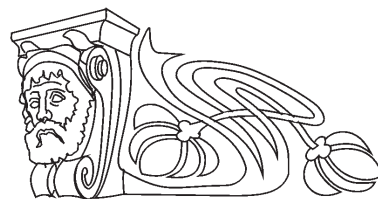
А. В. Латков

доктор экономических наук, профессор кафедры экономической психологии и психологии государственной службы, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: latcov-av@yandex.ru

Введение. Проблемы адекватной оценки дифференциации российских регионов актуальны постольку, поскольку для обеспечения устойчивости экономического роста и социально-экономического развития необходимо смягчить экономические и социальные диспропорции между субъектами Федерации. Статья посвящена методологическим аспектам сравнительного анализа среднедушевых доходов населения в российских регионах. Этот показатель можно рассматривать и как условие формирования стратегий поведения экономических агентов, и как ориентир реализации моделей экономического поведения. **Теоретический анализ.** При исследовании межрегионального неравенства особенно остро стоит проблема взвешивания среднедушевых региональных показателей на долю населения региона в населении страны. Номинальные денежные доходы населения не учитывают неоднородности российских регионов по уровню цен. Рассмотрены преимущества и недостатки взвешенных и невзвешенных оценок при исследовании межрегионального неравенства. **Эмпирический анализ.** Полученные результаты базируются на данных Федеральной службы государственной статистики РФ. Для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения предложен модифицированный индекс стоимости жизни. Приведена динамика коэффициента вариации среднедушевых и скорректированных на модифицированный индекс стоимости жизни среднедушевых денежных доходов населения. Произведена группировка регионов РФ по уровню скорректированного среднедушевого денежного дохода населения. **Результаты.** Сделан вывод об оправданности перехода к сопоставимым по покупательной способности доходам. Подтверждена тенденция сокращения разброса среднедушевых доходов населения, т.е. сигма-конвергенция российских регионов. Дополнительно подтвержден вывод о выравнивании неравенства, главным образом, за счет ускоренного роста доходов населения «бедных» регионов.

Ключевые слова: социально-экономические диспропорции, дифференциация регионов, среднедушевые доходы, коэффициент вариации, сигма-конвергенция.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-266-273

Введение

Вопрос о пропорциональности развития национальных и региональных экономических систем традиционно является одним из важнейших в аспекте обеспечения устойчивости экономического роста и социально-экономического развития. Особую актуальность проблема диспропорциональности экономического развития регионов приобрела в России, как и в целом ряде других государств, претерпевших переход от командно-административной системы управления экономикой к рыночному хозяйству, а также во многих странах «третьего мира». В связи с этим особую значимость приобретают проблемы адекватной оценки дифференциации российских регионов. Этой проблемой занимаются многие исследователи; систематическую научно-аналитическую работу в данном направлении осуществляют в Институте экономики РАН и в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Для осуществления объективной оценки динамики межрегиональной дифференциации в настоящее время, как правило, подвергают анализу следующие экономические показатели: 1) показатели, характеризующие эффективность экономики регионов и потенциал ее дальнейшего развития (валовой региональный продукт на душу населения; инвестиции в основной капитал на душу населения); 2) показатели, относящиеся к социальным характеристикам регионов (среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций; среднедушевые денежные доходы населения) [1]. Можно согласиться с мнением, что последние два из перечисленных показателей следует рассматривать двояко: с одной стороны, как индикаторы социальных условий формирования траекторий и стратегий поведения экономических агентов; с другой стороны, как целевые социальные ориентиры реализации моделей экономического поведения индивидов и домохозяйств в субъектах Российской Федерации [2]. Данная статья посвящена методологическим аспектам сравнительного анализа среднедушевых денежных доходов населения в российских регионах.

Теоретический анализ

Современная статистика обладает обширным инструментарием для анализа параметров неравномерности как в статике, так и в динамике. В первом случае выделяют показатели дифференциации, концентрации, поляризации, локализации, аккумуляции и т.п., в самом широком понимании являющихся частными случаями мер энтропии (неравенства), во втором – методы и показатели анализа конвергенции и дивергенции [3, с. 15].

Для определения уровня неравенства наиболее часто применяют коэффициент вариации, коэффициент Джини, индексы Тейла, индекс Аткинсона и др. Данные показатели достаточно хорошо известны, их обзор приведен во многих работах [3–6 и др.] и поэтому формулы их расчета здесь не приводятся.

При исследовании межрегионального неравенства особенно остро стоит проблема взвешивания среднелюдских региональных показателей на долю (численность) населения региона в населении страны. В последнее время данная проблема детально обсуждалась в ряде публикаций. У обоих подходов есть свои достоинства и недостатки.

При использовании невзвешенных оценок неравенство определяется между регионами. Взвешенные оценки, по мнению К. П. Глущенко, характеризуют не межрегиональное неравенство, а неравенство населения страны (межличностное неравенство), причем искаженное, грубое, поскольку не учитывает внутрирегионального неравенства (предполагается, что все жители региона получают одинаковый доход). Как отмечает этот автор, при оценке межрегионального неравенства сравниваются между собой «средние» (т.е. получающие доход, равный среднему по региону) жители регионов, и все они равноправны, вне зависимости от численности населения региона [7, с. 42–44]. Поэтому при расчете показателей неравенства сравниваются среднелюдские доходы регионов не со средним доходом по России, а с условной величиной – средней арифметической простой из среднелюдских доходов всех регионов. По нашим расчетам, этот условный доход меньше среднелюдского денежного дохода населения РФ на 7,1–11,9% за счет устранения влияния структуры населения. В то же время взвешенные на долю (численность) населения скорректированные среднелюдские денежные доходы населения отличаются от среднелюдских денежных доходов в целом по РФ.

В работе М. Ю. Малкиной приводится аргументация в пользу взвешенного подхода и

отмечается, что, в отличие от невзвешенного, взвешенный подход оценивает не неравенство, а неравномерность, т.е. несоответствие одной структуры распределения (доходов) другой структуре (населения). М. Ю. Малкина характеризует взвешенные оценки как вклад межрегионального неравенства в межличностное неравенство. Взвешенный подход полезен тогда, когда нужно не просто констатировать проблему, а оценить ее масштаб [4, с. 168, 179].

В пользу взвешенного подхода говорит тот факт, что при исследовании некоторых явлений невзвешенные оценки более подвержены влиянию небольших регионов, что искажает масштаб явления в этих регионах. Например, при исследовании сельскохозяйственного производства взвешенные оценки позволяют снизить влияние северных, несельскохозяйственных регионов [8, с. 196].

Номинальные денежные доходы населения не учитывают неоднородности российских регионов по уровню цен, поэтому большинство исследователей приводят среднелюдские региональные показатели к сопоставимому виду. В качестве индикатора покупательной способности денежных доходов можно использовать величину прожиточного минимума, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг в регионе или их соотношение с аналогичным показателем в РФ. Недостатком величины прожиточного минимума является небольшая представительность потребительских товаров и услуг и различие состава прожиточного минимума с реальным потреблением населением товаров и услуг.

Стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг разрабатывается Росстатом специально для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения и поэтому является более предпочтительным индикатором, чем величина прожиточного минимума. В состав фиксированного набора потребительских товаров и услуг входит 30 разновидностей продовольственных товаров, 41 – непродовольственных и 12 видов услуг [9]. Однако приведенные в фиксированном наборе веса (количества) товаров и услуг являются условными и не отражают реального их потребления населением.

Эмпирический анализ

Полученные результаты базируются на данных Федеральной службы государственной статистики РФ. В исследовании принимали участие 83 региона РФ (кроме Республики Крым и г. Севастополя, за 2005–2009 гг. без Чеченской

Республики в связи с отсутствием данных). Результаты, полученные в работах [5, 7, 10], свидетельствуют, что 2005 г. – год смены тенденции усиления межрегионального неравенства его спадом, в связи с чем эмпирический анализ проводится за 2005–2015 гг. Некоторые данные по Архангельской и Тюменской областям без автономных округов получены расчетным путем и могут содержать небольшую погрешность. Так, стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг за 2005–2013 гг. определены исходя из его соотношения по субъектам без автономных округов и в целом по субъекту РФ более высокого уровня за 2014–2015 гг.; индек-

сы реальных располагаемых денежных доходов населения за 2005–2012 гг. получены на основе индексов по субъектам и доли общих доходов населения (скорректированных на изменение численности населения) субъектов в субъекте более высокого уровня.

Форма распределения регионов РФ по уровню среднедушевых денежных доходов (в том числе и скорректированных на покупательную способность регионов) позволяет судить о принципиальном приближении фактического распределения к логарифмически нормальному (на рис. 1 для примера приведено распределение регионов в 2015 г.).

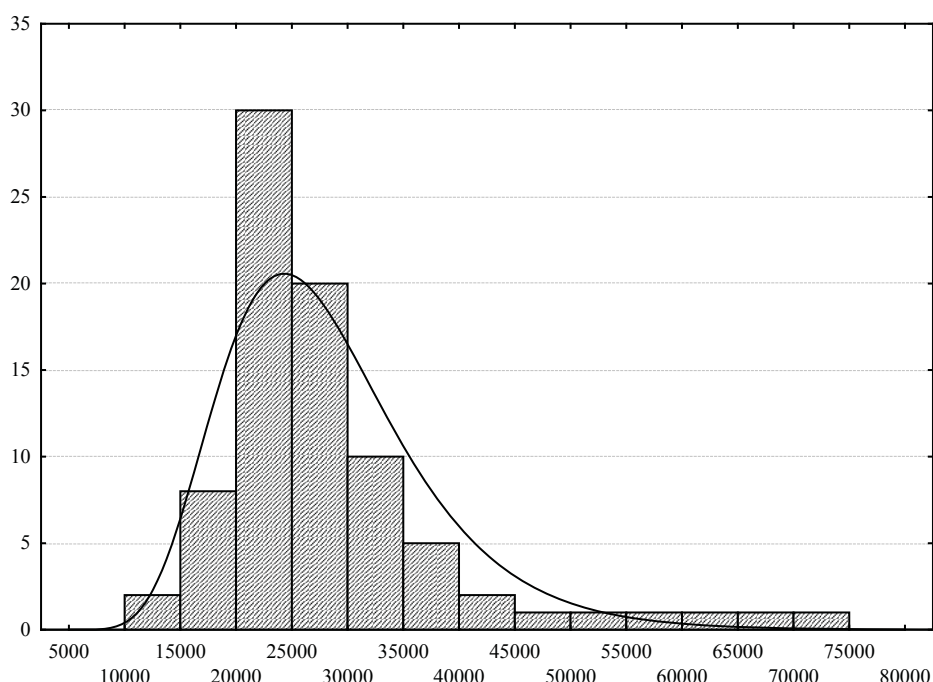

Рис. 1. Распределение регионов РФ по среднедушевым денежным доходам населения в 2015 г. (руб.)

Fig. 1. Russian regions distribution by monetary incomes per capita in 2015

Отличие формы распределения от нормального является необходимым условием для наличия неравенства. Распределение регионов по среднедушевым доходам населения за 2005–2015 гг. является унимодальным, что должно свидетельствовать о наличии конвергенции [11, с. 115].

Соотношение региональных индикаторов с общероссийским уровнем свидетельствует о том, что колеблемость величины прожиточного минимума выше, чем стоимости фиксированного набора – размах вариации составляет 112,2 п.п. против 83,2 п.п. в 2015 г.

Любопытным является тот факт, что соотношение стоимости фиксированного набора

потребительских товаров и услуг с величиной прожиточного минимума снижается (табл. 1) за счет опережающего роста величины прожиточного минимума. Его величина в 2015 г. выросла в 3,21 раза по сравнению с 2005 г. при росте стоимости фиксированного набора в 2,87 раза. Причем наибольшая разница в динамике данных показателей наблюдалась в 2015 г. В то же время наблюдается снижение вариации как величины прожиточного минимума (с 30,1 до 25,1%), так и стоимости фиксированного набора (с 23,7 до 16,8%) на всем исследуемом периоде, что свидетельствует о тенденции выравнивания уровня цен по регионам РФ.

Таблица 1/ Table 1

Соотношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг с величиной прожиточного минимума, %

The ratio of consumer goods and services cost fixed set to the subsistence level, %

Соотношение стоимости	Год										
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
РФ	150,5	149,3	149,4	146,6	147,1	146,3	144,2	146,2	142,6	142,3	134,3
Минимум	131,9	129,0	128,3	120,7	119,7	120,5	119,6	118,9	103,8	100,9	98,4
Максимум	180,0	173,2	170,1	173,9	184,0	182,9	186,0	181,6	184,4	177,0	160,7

Данные табл. 1 показывают, что минимальное и максимальное соотношение стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг с величиной прожиточного минимума регионов также уменьшилось, причем более быстрыми темпами снижается минимальное значение. Наиболее сильное снижение наблюдается в Алтайском крае, Ненецком автономном округе, Псковской области, Республиках Дагестан и Северная Осетия – на 40,1–47,1 п.п., наименьшее – в Республиках Алтай, Татарстан, Ленинградской области. Республика Алтай является единственным регионом, в котором соотношение стоимости фиксированного набора с величиной прожиточного минимума выросло – на 2,8 п.п., а Ненецкий автономный округ – в котором сто-

имость фиксированного набора ниже величины прожиточного минимума – на 1,6%.

Исходя из сложившихся тенденций изменения региональных индикаторов, мы предлагаем для межрегиональных сопоставлений покупательной способности населения модифицированный индекс стоимости жизни, рассчитываемый как средняя геометрическая из соотношений стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг и величины прожиточного минимума в регионе с аналогичным показателем на общероссийском уровне.

На рис. 2 приведена динамика коэффициента вариации среднедушевых и скорректированных на модифицированный индекс стоимости жизни среднедушевых денежных доходов населения.

Рис. 2. Динамика коэффициента вариации среднедушевых денежных доходов населения по регионам России за 2005–2015 гг.

Fig. 2. Dynamics of the variation coefficient of monetary income per capita by Russian regions for 2005–2015

Переход к сопоставимым доходам ведет к тому, что среднедушевые сопоставимые денежные доходы, рассчитанные по формуле средней арифметической взвешенной, где в

качестве весов выступают доли численности населения регионов, отличаются от среднедушевых денежных доходов в целом по РФ (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

Расхождения между среднедушевыми денежными и сопоставимыми денежными доходами населения РФ
Differences between monetary incomes per capita and comparable monetary incomes for the Russian population

Годы	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Среднедушевые сопоставимые денежные доходы, руб.	Расхождение, %
2005	8088,3	7809,7	3,4
2006	10 154,8	9683,8	4,6
2007	12 540,2	11 882,2	5,2
2008	14 863,6	14 329,3	3,6
2009	16 895,0	16 172,8	4,3
2010	18 958,4	18 243,3	3,8
2011	20 780,0	20 052,6	3,5
2012	23 221,1	22 431,0	3,4
2013	25 928,2	25 056,9	3,4
2014	27 794,2	26 700,8	3,9
2015	30 746,5	29 518,5	4,0

Расхождения составляют 3,4–5,2% и связаны с методикой Росстата расчета средних цен. В соответствии с [12], при расчете средних цен на отдельные виды товаров-представителей по регионам РФ в качестве весов используется доля численности населения обследуемых городов

региона, а по РФ в целом – доля объема потребления товара-представителя регионов РФ в общем объеме его потребления в России.

На рис. 3 показана динамика коэффициента вариации скорректированных среднедушевых денежных доходов населения.

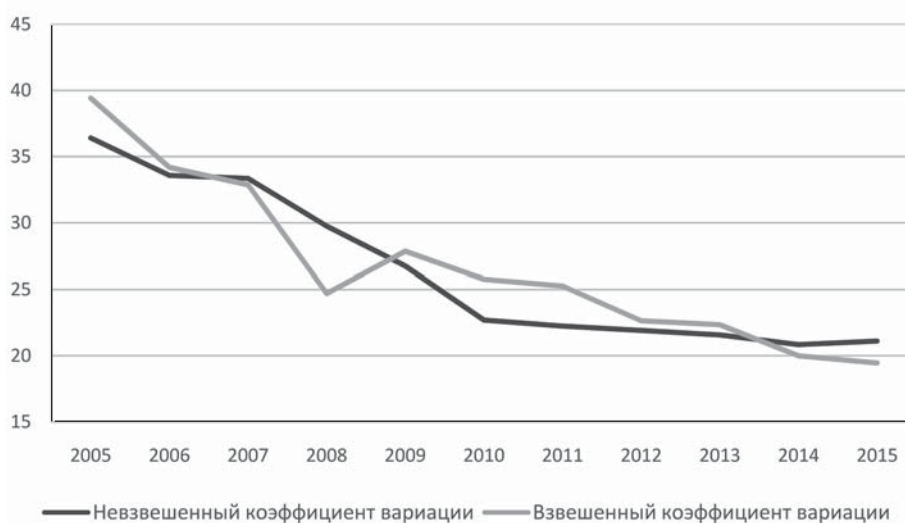

Рис. 3. Динамика коэффициента вариации скорректированных среднедушевых денежных доходов населения по регионам России за 2005–2015 гг.

Fig. 3. Dynamics of the variation coefficient for adjusted monetary incomes per capita of the population by Russian regions for 2005–2015

Динамика как взвешенного, так и невзвешенного коэффициентов вариации схожа. Наблюдается устойчивая тенденция снижения вариации среднедушевых доходов населения, что подтверждает наличие сигма-конвергенции российских регионов.

В табл. 3 представлена группировка регионов РФ по уровню скорректированного среднедушевого денежного дохода населения.

Регионы сгруппированы в три группы: в первую группу вошли 22 региона с самыми высокими доходами, во вторую – 27 регионов

Таблица 3/Table 3

Группировка регионов РФ по уровню скорректированного среднедушевого денежного дохода населения
Russian regions grouping by adjusted monetary incomes per capita

Группа	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Реальные располагаемые денежные доходы населения, % к предыдущему году											
1	112,9	110,6	111,6	101,1	103,5	105,0	100,2	104,7	104,4	98,9	96,6
2	112,7	117,9	113,8	105,6	101,8	106,7	100,9	106,1	103,3	101,8	97,5
3	112,3	116,9	112,0	108,1	98,7	110,6	100,0	104,7	103,2	99,8	97,1
Удельный вес населения в общей численности населения, %											
1	33,4	37,4	40,6	39,5	43,3	41,8	41,4	40,2	42,8	43,9	44,2
2	34,7	32,2	32,0	29,8	30,0	30,0	30,4	31,8	32,1	29,1	29,7
3	31,9	30,4	27,4	30,7	26,7	28,2	28,2	28,0	25,1	27,0	26,1

со средними доходами и в третью группу – 34 региона (33 региона для 2005–2010 гг. из-за отсутствия данных по Чеченской Республике) с самыми низкими доходами. Выбор количества (не состава) регионов в каждой группе был определен по данным 2005 г. так, чтобы доля населения в группах была приблизительно одинаковой. Небольшая неравномерность второй и третьей групп объясняется тем, что последним регионом, входящим во вторую группу, была Московская область с численностью населения 6760,3 тыс. чел.

В результате изменения среднедушевых доходов меняется состав регионов в группах и удельный вес населения первой группы регионов возрастает за счет групп со средними и низкими среднедушевыми доходами, что свидетельствует о концентрации населения в богатых регионах. Взвешенный коэффициент вариации оказывается меньше невзвешенного.

Результаты

Переход к сопоставимым по покупательной способности доходам оказывается оправданным – наблюдается значительное уменьшение вариации (на 38,5–45,9%) по уровню среднедушевых доходов населения. За рассматриваемый период явно наблюдается тенденция сокращения разброса среднедушевых доходов населения, т.е. сигма-конвергенция.

Полученные результаты согласуются с работой М. Ю. Малкиной [4] относительно значений взвешенного и невзвешенного коэффициента вариации при изменении доли населения в группах. Этот факт дает возможность не абстрагироваться от одного из подходов расчета показателей вариации, а сравнивать взвешенные и невзвешенные коэффициенты вариации с целью определения поляризации населения в низко- или высокодоходных группах.

Снижение межрегионального неравенства было обусловлено, прежде всего, ускоренным ростом реальных доходов населения в низкодоходной группе регионов. Особенно наглядно это проявляется в уровнях 2008–2009 гг., когда резкое снижение взвешенного коэффициента вариации в 2008 г. объясняется более высоким ростом реальных доходов населения в третьей группе регионов по сравнению с первой, а рост коэффициента вариации в 2009 г. – наоборот, ростом реальных доходов в высокодоходной группе регионов.

В работе также рассчитывались индексы Тейла (собственно индекс Тейла и среднее логарифмическое отклонение), тенденция изменения которых аналогична коэффициенту вариации. Если до 2012 г. значения индекса Тейла были несколько выше среднего логарифмического отклонения, что свидетельствует о большем вкладе в неравенство высокодоходных регионов, то начиная с 2012 г. значения двух индексов Тейла практически совпадают. Это подтверждает полученный вывод о выравнивании неравенства, главным образом, за счет ускоренного роста доходов населения «бедных» регионов.

Список литературы

1. Приоритеты модернизации и усиление роли субфедерального звена управления / отв. ред. Е. М. Бухвальд. М., 2015. 290 с.
2. Латков А. В., Маркелов А. Ю. Социально-экономическая дифференциация российских регионов в контексте факторов и последствий экономического поведения // Экономическая психология : прошлое, настоящее, будущее. Вып. 3. Материалы III междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 26–28 мая 2016 г.) : в 2 ч. / под ред. А. Н. Неверова, А. В. Латкова. Саратов, 2016. Ч. 2. С. 261–269.
3. Марков В. А. Пространственная неоднородность развития региональных рынков труда : статистические методы и модели. Саратов, 2015. 220 с.

4. Малкина М. Ю. К вопросу о необходимости взвешивания в межрегиональных исследованиях (ответ на статью К. П. Глущенко) // *Пространственная экономика*. 2016. № 1. С. 163–184. DOI: 10.14530/se.2016.1.163-184.
5. Маслихина В. Ю. Количественная оценка экономического и социального пространственного неравенства в Приволжском федеральном округе // *Интернет-журнал «Науковедение»*. 2013. № 4. С. 1–9. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/22evn413.pdf> (дата обращения: 10.03.2017).
6. Толмачев М. Н. Статистическое исследование межрегионального неравенства сельскохозяйственного производства. Саратов, 2012. 192 с.
7. Глущенко К. П. Об оценке межрегионального неравенства // *Пространственная экономика*. 2015. № 4. С. 39–58. DOI: 10.14530/se.2015.4.039-058.
8. Толмачев М. Н. Теоретические и эмпирические подходы к конвергенции сельскохозяйственного производства // *Вестн. ВолГУ. Сер. 3. Экономика. Экология*. 2012. № 1 (20). С. 193–199.
9. Об утверждении наборов потребительских товаров и услуг для ежемесячного наблюдения за ценами и тарифами : приказ Федеральной службы государственной статистики от 30.12.2014 № 733. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/ (дата обращения: 10.03.2017).
10. Балаш О. С. Пространственный анализ конвергенции регионов России // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 45–52.
11. Бровкава А. В. Совершенствование подходов к статистическому анализу социально-экономического неравенства и конвергенции регионов России // *Вестн. СГСЭУ*. 2014. № 2 (51). С. 113–117.
12. Об утверждении Официальной статистической методологии организации статистического наблюдения за потребительскими ценами на товары и услуги и расчета индексов потребительских цен: приказ Федеральной службы государственной статистики от 30.12.2014 № 734. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/ (дата обращения: 10.03.2017).

Образец для цитирования:

Толмачев М. Н., Барашов Н. Г., Латков А. В. К проблеме оценки межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 266–273. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-266-273.

To the Problem of Estimating Inter-regional Differentiation of Per Capita Incomes

Mikhail N. Tolmachev

ORCID 0000-0002-1068-1343,
Saratov Social-Economic Institute of the Plekhanov
Russian University of Economics,
89, Radischeva str., Saratov, 410003, Russia
E-mail: tolmachev-mike@yandex.ru

Nikilay G. Barashov

ORCID 0000-0002-2290-8648, Saratov Social-Economic Institute
of the Plekhanov Russian University of Economics,
89, Radischeva str., Saratov, 410003, Russia
E-mail: barashov@mail.ru

Andrey V. Latkov

ORCID 0000-0001-5653-6275,
Stolypin Volga Region Institute of Administration
of the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: latcov-av@yandex.ru

Introduction. The problems of an adequate assessment of the differentiation of Russian regions are relevant insofar as to ensure the sustainability of economic growth and socio-economic development need to mitigate economic and social disparities between regions. The article is devoted to methodological aspects of the comparative analysis of per capita incomes in Russian regions. This indicator can be considered both as a condition for the formation of strate-

gies for the behavior of economic agents, and as a benchmark for the implementation of models of economic behavior. **Theoretical analysis.** In the study of regional inequality is particularly acute problem of weighting of per capita regional indicators of the share of the region's population in the country's population. Nominal incomes of the population do not take into account the heterogeneity of the Russian regions in terms of prices. The advantages and disadvantages of weighted and unweighted estimates in the study of interregional inequality. **Empirical analysis.** The results are based on the data of the Federal State Statistics Service of the Russian Federation. For inter-regional comparison of purchasing power of the population proposed a modified cost of living index. The dynamics of the coefficient of variation of per capita and adjusted for the modified index of the cost of living of the average per capita monetary incomes of the population is shown. A grouping of the regions of the Russian Federation according to the level of the adjusted average per capita income of the population. **Results.** The conclusion about the justification of the transition to the comparable purchasing power of income. Confirmed the declining trend in the dispersion of per capita incomes, that is sigma-convergence of Russian regions. In addition, the conclusion was confirmed about equalization of inequality, mainly due to the accelerated growth of incomes of the population of "poor" regions. **Key words:** socio-economic disparities, differentiation of regions, per capita income, coefficient of variation, sigma-convergence.

References

1. *Priortety modernizatsii i usilenie roli subfederal'nogo zvena upravleniia* [Priorities for modernization and strengthening the role of the subfederal level of management]. Moscow, 2015. 290 p. (in Russian).

2. Latkov A. V., Markelov A. Yu. Socio-economic differentiation of the Russian regions in the context of the factors and consequences of economic behavior. *Ekonomicheskaya psikhologiya: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye. Vypusk 3. Materialy III Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Economic psychology: past, present, future. Iss. 3. Proc. of the Second International Scientific and Practical Conference: in 2 pt.]. Saratov, 2016. Pt. 2, pp. 261–269 (in Russian).
3. Markov V. A. Prostranstvennaya neodnorodnost' razvitiya regional'nykh rynkov truda: statisticheskiye metody i modeli [Spatial heterogeneity in the development of regional labor markets: statistical methods and models]. Saratov, 2015. 220 p. (in Russian).
4. Malkina M. Yu. On the issue of weighting in interregional studies (in response to K. P. Glushchenko. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2016, no. 1, pp. 163–184. DOI: 10.14530/se.2016.1.163-184 (in Russian).
5. Maslikhina V. Yu. Quantitative evaluation of economic and social spatial inequality in the Volga Federal District. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* (Internet-journal "Naukovedenie"), 2013, no 4, pp. 1–9. Available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/22evn413.pdf/> (accessed 10 March 2017) (in Russian).
6. Tolmachev M. N. Statisticheskoye issledovaniye mezhhregional'nogo neravenstva sel'skokhozyaystvennogo proizvodstva [Statistical study of inter-regional inequality in agricultural production]. Saratov, 2012. 192 p. (in Russian).
7. Glushchenko K. P. On estimation of inter-regional inequality. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], 2015, no. 4, pp. 39–58. DOI: 10.14530/se.2015.4.039-058 (in Russian).
8. Tolmachev M. N. Theoretical and empirical approaches to convergence of agricultural production. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3. Ekonomika. Ekologiya* [Science Journal of VolSU. Global Economic System], 2012, no. 1 (20), pp. 193–199 (in Russian).
9. On approval of sets of consumer goods and services for monthly monitoring of prices and tariffs. Order of the Federal State Statistics Service of 30.12.2014 No. 733. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/ (accessed 10 March 2017) (in Russian).
10. Balash O. S. Convergence Spatial Analysis of Russia's Regions. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 4, pp. 45–52 (in Russian).
11. Brovkova A. V. Improving methods of statistical analysis of socio-economic inequality and regional convergence in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Saratov State Socio-Economic University], 2014, no. 2 (51), pp. 113–117 (in Russian).
12. On approval of the official statistical methodology for organizing statistical observation of consumer prices for goods and services and calculation of consumer price indices. Order of the Federal State Statistics Service of 30.12.2014 No. 734. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/ (accessed 10 March 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Tolmachev M. N., Barashov N. G., Latkov A. V. To the Problem of Estimating Inter-regional Differentiation of Per Capita Incomes. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 266–273 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-266-273.

УПРАВЛЕНИЕ

УДК 005; 330.45

ФОРМИРОВАНИЕ ЯДРА ДИНАМИЧЕСКОЙ ПАРТНЕРСКОЙ СЕТИ: ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

А. В. Катаев

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий, Южный федеральный университет, Таганрог. E-mail: kataev@kataev.ru

Т. М. Катаева

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий, Южный федеральный университет, Таганрог. E-mail: tm@kataeva.ru

Е. Л. Макарова

кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента и инновационных технологий, Южный федеральный университет, Таганрог. E-mail: helen_makarova@mail.ru

Введение. В настоящее время наиболее актуальной формой хозяйствования авторам исследования представляется динамическая партнерская сеть, способная стремительно перестраиваться в ответ на изменения рынка. Наибольшую сложность при этом представляет проблема формирования ядра данной структуры, члены которого должны обладать всеми без исключения требуемыми ключевыми компетенциями для поиска и исполнения основного потока рыночных заказов. **Теоретический анализ.** Разработано достаточно большое количество моделей и методов, позволяющих решить указанную проблему, однако их применение на практике, как правило, не гарантирует получения точного оптимального решения и зачастую описывает частные случаи ее разрешения. **Методика и результаты исследования.** В работе приведена сформулированная авторами математическая постановка задачи целочисленного линейного программирования о формировании минимальной по количеству группы партнеров, покрывающей все требуемые ключевые компетенции динамической сети. В модели предусмотрена возможность учета взаимосвязей между партнерами, т.е. объединение в группу исключительно экономических агентов, составляющих клику в терминах теории графов.

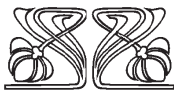
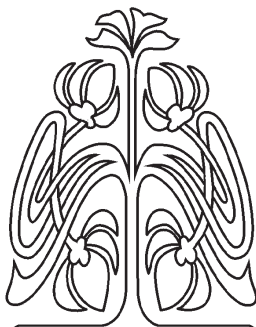
Ключевые слова: динамическая сеть партнеров, ядро, экономико-математические модели, ключевые компетенции.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-274-278

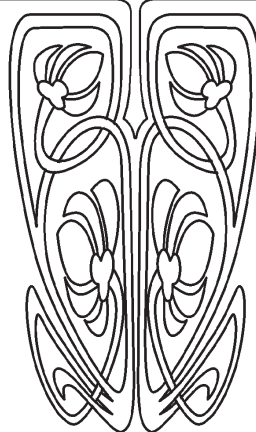
Введение

В период бурного развития информационно-телекоммуникационных технологий, стремительно меняющихся условий функционирования наиболее актуальной и соответствующей новому времени формой хозяйствования для многих экономических агентов, на наш взгляд, становится динамическая партнерская сеть.

В случае если динамическая сетевая структура ориентирована на долгосрочное функционирование, т.е. создается на постоянной основе для регулярного поиска и выполнения различных работ в рамках проектов либо реализации проектов целиком, возникает насущная потребность в формировании ее ядра. По существу, оно представляет собой группу постоянных участников динамической сети, в совокупности обладающих всеми необходимыми компетенциями – знаниями, умениями, навыками и ресурсами, для поиска и исполнения основного потока рыночных заказов в соответствии с

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

предназначением, направлением и сферой деятельности виртуального предприятия [1].

В этой связи одной из основных является проблема нахождения потенциальных партнеров динамической сети для регулярного активного участия в ее деятельности, а также проблема формирования оптимального по численности и ключевым компетенциям состава таких экономических агентов.

Отметим, что в рамках данной работы термины «динамическая сетевая структура», «динамическая партнерская сеть», «виртуальное предприятие» будут использоваться как синонимы.

Теоретический анализ

В настоящее время существует достаточно развитый организационно-экономический инструментарий, позволяющий в той или иной степени решить данную проблему.

Так, например, некоторые авторы [1] предлагают производить отбор и объединение тех из потенциальных участников сети, которые имеют наибольшее совпадение собственных компетенций с требуемыми в рамках виртуального предприятия компетенциями. Однако данный способ не гарантирует покрытия всех ключевых знаний, умений, навыков и ресурсов [2, 3], особенно в случае необходимости минимизации количества участников в сети. Последнее условие приобретает актуальность в случае необходимости сокращения транзакционных издержек, связанных с заключением контрактов, трудовых договоров, дальнейшим контролем их исполнения и проч., а также для повышения управляемости и устойчивости функционирования виртуального предприятия.

В работах [4, 5] описано несколько разработанных авторами точных и приближенных алгоритмов решения задачи минимизации состава участников в рамках команды проекта при наличии ограничений по бюджету, определены условия целесообразности использования каждого из них с учетом конкретных параметров практической ситуации и особенности их реализации на практике.

В данной статье представлены экономико-математические модели, формализующие задачу подбора оптимального количества партнеров и гарантирующие нахождение точного решения.

Методика и результаты исследования

Формулировка задачи. Для успешного функционирования динамической сетевой структуры на регулярной основе требуется m ключевых компетенций. Есть n потенциальных участников виртуального предприятия, каждый из которых

обладает некоторыми из требуемых компетенций. Необходимо сформировать минимальную группу партнеров, которая бы покрывала все компетенции.

Математическая постановка задачи представлена в виде задачи целочисленного линейного программирования:

$$L(y) = \sum_{i=1}^n y_i \rightarrow \min, \quad (1)$$

$$\sum_{i=1}^n c_{i,j} y_i \geq 1, \quad j = \overline{1, m}, \quad (2)$$

$$y_i \in \{0, 1\}, \quad i = \overline{1, n}, \quad (3)$$

где $c_{i,j}$ – наличие у i -го исполнителя j -ой компетенции (1 – обладает компетенцией, 0 – нет); y_i – искомые неизвестные, показывающие выбор в команду проекта i -го партнера (1 – выбран, 0 – нет).

Условия (1)–(3) соответствуют постановке задачи о покрытии множества, для решения которой наряду с симплекс-методом существует ряд эффективных алгоритмов, реализованных в широком спектре программных средств (например LPSolve, MS Excel с надстройкой Solver, CPLEX Optimizer).

Задача (1)–(3) предполагает, что каждой из выделенных ключевых компетенций обладает как минимум один потенциальный партнер из подобранной группы. В отдельных случаях может потребоваться подбор нескольких участников под одну ключевую компетенцию, что позволит уменьшить зависимость от деятельности единственного партнера, обладающего соответствующими знаниями, умениями, навыками и ресурсами, а также увеличить производственный и интеллектуальный потенциал виртуального предприятия.

В этом случае вместо (2) используется условие

$$\sum_{i=1}^n c_{i,j} y_i \geq r_j, \quad j = \overline{1, m}, \quad (4)$$

где r_j – минимальное количество партнеров в группе, обладающих j -ой компетенцией.

Возможные дополнительные условия задачи, расширяющие ее первоначальную постановку:

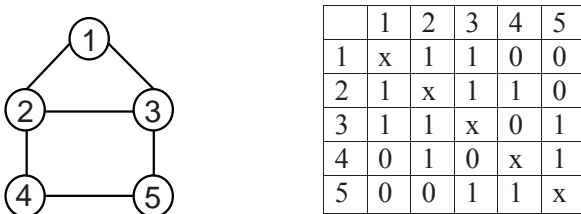
1) учитывается «конфликт интересов» или ситуации межличностных конфликтов, имевшие место в прошлой совместной деятельности. Таким образом, в состав участников виртуального предприятия могут быть включены исключительно экономические агенты, не имеющие разногласий или не являющиеся соперниками в своей основной коммерческой и/или профессиональной деятельности;

2) учитывается наличие положительного опыта сотрудничества партнеров друг с другом в прошлом.

Указанные расширения задачи предполагают учет взаимосвязей между партнерами. В группу включаются только те исполнители, которые имеют связи с каждым исполнителем из этой группы, т.е. составляют клику в терминах теории графов. Покажем возможность моделирования взаимосвязей в виде линейных ограничений на следующем примере.

Пример. Пусть имеются пять потенциальных партнеров, которые с учетом существующих между ними связей можно представить в виде простого неориентированного графа. На рисунке приведено изображение данного графа, а также матрица смежности его вершин.

Граф, описывающий взаимосвязь между пятью партнерами и матрица смежности его вершин
The count describing interrelation between five partners and a matrix of contiguity of his tops

Ограничения (5) и (6) задают условие, что все возможные пары вершин, входящих в выбранную клику, имеют связывающее их ребро:

$$\sum_{i=1}^{n-1} \sum_{j=i+1}^n (1 - e_{i,j}) y_i y_j = 0, \quad (5)$$

$$y_i, y_j \in \{0, 1\}, \quad i, j = \overline{1, n}, \quad n \geq 2, \quad (6)$$

где $e_{i,j}$ – наличие связи между i -ыми j -ым исполнителем (1 – есть связь, 0 – нет); y_i – искомые неизвестные, определяющие выбор в состав динамической сетевой структуры i -го партнера (1 – выбран, 0 – нет).

Нелинейное ограничение (5) корректно определяет наличие клики. Докажем это, предположив, что выбор пал на некоторую пару $\{y_i, y_j\}$, не имеющую связывающего ребра, т.е. $e_{i,j} = 0$, тогда одно из слагаемых левой части уравнения (5) и, соответственно, вся левая часть этого уравнения принимают значение 1, что противоречит условию.

Линеаризуем (5), заменив группой ограничений вида:

$$(1 - e_{i,j}) + y_i + y_j \leq 2. \quad (7)$$

Количество ограничений (7) составляет $\frac{1}{2}(n^2 - n)$, т.е. равно числу ребер (количеству неповторяющихся пар вершин) в полном графе с n вершинами.

Выражение (7) упрощается:

$$y_i + y_j \leq 1 + e_{i,j}. \quad (8)$$

Для данной задачи число ограничений (8) можно сократить на количество существующих ребер в графе, т.е. на количество связанных пар партнеров. В этом случае ограничения с $e_{i,j} = 1$ не задаются (исключаются), а ограничения с $e_{i,j} = 0$ упрощаются до

$$y_i + y_j \leq 1. \quad (9)$$

Для приведенного выше примера ограничения тогда будут выглядеть следующим образом:

$$\begin{cases} y_1 + y_4 \leq 1 \\ y_1 + y_5 \leq 1 \\ y_2 + y_5 \leq 1 \\ y_3 + y_4 \leq 1 \end{cases} \quad (10)$$

y_1, y_2, y_3, y_4, y_5 – бинарные.

При нахождении клики могут быть заданы веса ребер ($a_{i,j}$) и введены ограничения, например, на средний вес ребра (g) в выбранной клике. Другими словами, задается не только сам факт связи, но и определенная количественная характеристика конкретной связи. В этом случае потребуется найти и ребра, входящие в выбранную клику. Для этого можно ввести переменные $x_{i,j}$, принимающие значение 1, когда ребро (i, j) входит в выбранную клику, и 0 – в противном случае. Тогда ограничение на средний вес связи запишется следующим образом:

$$\sum_{i=1}^{n-1} \sum_{j=i+1}^n a_{i,j} x_{i,j} \geq g \cdot \sum_{i=1}^{n-1} \sum_{j=i+1}^n x_{i,j}. \quad (11)$$

Ребро (i, j) входит в клику тогда и только тогда, когда и обе вершины в нее входят. Следовательно,

$$x_{i,j} = y_i y_j. \quad (12)$$

Для линеаризации уравнения (11) предлагается замена его на следующие ограничения:

$$y_i + y_j - 1 \leq 2x_{i,j} \leq y_i + y_j. \quad (13)$$

Докажем корректность замены условий (12) ограничениями вида (13), показав истинность (13) для всех удовлетворяющих условию (12) значений $y_i, y_j, x_{i,j} \in \{0, 1\}$ и ложность – в противном случае. Ниже показана корректность (13) для всех возможных значений неизвестных:

– значения неизвестных, удовлетворяющие условию (12):

- 1) если $y_i = 1, y_j = 1, x_{i,j} = 1$,
то $(1 \leq 2 \leq 2)$ – истина;
- 2) если $y_i = 0, y_j = 1, x_{i,j} = 0$,
то $(0 \leq 0 \leq 1)$ – истина;
- 3) если $y_i = 1, y_j = 0, x_{i,j} = 0$,
то $(0 \leq 0 \leq 1)$ – истина;
- 4) если $y_i = 0, y_j = 0, x_{i,j} = 0$,
то $(-1 \leq 0 \leq 0)$ – истина;

– значения неизвестных, противоречащие условию (12):

- 1) если $y_i = 1, y_j = 1, x_{i,j} = 0$,
то $(1 \leq 0 \leq 2)$ – ложь;
- 2) если $y_i = 0, y_j = 1, x_{i,j} = 1$,
то $(0 \leq 2 \leq 1)$ – ложь;
- 3) если $y_i = 1, y_j = 0, x_{i,j} = 1$,
то $(0 \leq 2 \leq 1)$ – ложь;
- 4) если $y_i = 0, y_j = 0, x_{i,j} = 1$,
то $(-1 \leq 2 \leq 0)$ – ложь.

Таким образом, линейная модель задачи нахождения минимальной по численности взвешенной клики, покрывающей все требуемые компетенции, выглядит следующим образом:

$$L(y) = \sum_{i=1}^n y_i \rightarrow \min, \quad (14)$$

$$\sum_{i=1}^n c_{i,j} y_i \geq 1, \quad j = \overline{1, m}, \quad (15)$$

$$\sum_{i=1}^{n-1} \sum_{j=i+1}^n (1 - e_{i,j}) x_{i,j} = 0, \quad (16)$$

$$\sum_{i=1}^{n-1} \sum_{j=i+1}^n (a_{i,j} - g) \cdot x_{i,j} \geq 0, \quad (17)$$

$$2x_{i,j} \leq y_i + y_j, \quad i = \overline{1, n-1}, \quad j = \overline{i+1, n}, \quad (18)$$

$$2x_{i,j} \geq y_i + y_j - 1, \quad i = \overline{1, n-1}, \quad j = \overline{i+1, n}, \quad (19)$$

$$x_{i,j}, y_i, y_j \in \{0, 1\}, \quad i, j = \overline{1, n}, \quad n \geq 2. \quad (20)$$

Модели (1)–(3), (14)–(20) и их вариации могут использоваться в автоматизированных процедурах поддержки принятия решений при формировании долгосрочных виртуальных предприятий и групп партнеров для реализации проектов различной направленности и уровня сложности.

В заключение следует отметить, что использование предложенной модели требует тщательной проработки бизнес-модели виртуального предприятия, особенно в части подробной детализации требуемых ключевых компетенций, а также разработки процедуры выявления существующих компетенций у потенциальных участников динамической партнерской сети. Возможность описания в математической модели взаимосвязей партнеров друг с другом позволяет при формировании ядра учесть положительный и отрицательный опыт взаимодействия агентов, что способствует осуществлению на практике быстрого перехода от формирования сети к ее эффективному функционированию и снижению вероятности возникновения конфликтных ситуаций.

Список литературы

1. Катаев А. В. Виртуальные бизнес-организации. СПб., 2009. 120 с.
2. Johnson S. M. Optimal two- and three-stage production schedules with setup times included // Nav. Res. Log. Quart. 1954. Vol. 1, № 1. P. 61–68.
3. Manne A. S. On the Job-Shop Scheduling Problem // Operat. Res. 1960. Vol. 8, № 2. P. 219–223.
4. Катаев А. В., Катаева Т. М. Задачи минимизации количества исполнителей работ в проекте : математическая модель и алгоритм решения // Экономика и социум. 2016. № 6 (25). С. 77–84.
5. Катаев А. В., Катаева Т. М. Межорганизационные сетевые структуры : проблемы организации и управления // Конкурентоспособность в глобальном мире : экономика, наука, технологии. 2016. № 7 (ч. 1). С. 141–144.

Образец для цитирования:

Катаев А. В., Катаева Т. М., Макарова Е. Л. Формирование ядра динамической партнерской сети: экономико-математический инструментарий // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 274–278. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-274-278.

Dynamic Partner Network Core: Economic-Mathematical Tools

Aleksey V. Kataev

ORCID 0000-0002-1250-5116, Southern Federal University
1, Engels str., Taganrog, 347928, Russia. E-mail: kataev@kataev.ru
Researcher ID: C-4624-2017

Tatiana M. Kataeva

ORCID 0000-0001-6769-4965, Southern Federal University
1, Engels str., Taganrog, 347928, Russia. E-mail: tm@kataeva.ru
Researcher ID: C-4631-2017

Elena L. Makarova

ORCID 0000-0003-4100-4879, Southern Federal University

1, Engels str., Taganrog, 347928, Russia
E-mail: helen_makarova@mail.ru

Introduction. At present the most actual form of economic research for the authors is a dynamic partner network that can be rapidly rearranged in response of market changes. The greatest difficulty in this case is the problem of the core development structure, the members of which shall have all, without exception, the required core competencies for search and performance of the market orders main stream. **Theoretical analysis.** A sufficiently large number of models and methods is developed, which can solve this problem, but their use in practice, as a rule, does not guarantee an exact optimal solution and often describes special cases permission. **Methodology and results of the study.** In this research paper the mathematical problem of integer linear programming about development of the minimum number in partner group, covering all the required core competencies of dynamic network is formulated by authors. The model provides the possibility of accounting relationships between partners, for example, the integration of economic agents only in the group that makes up the clique in terms of graph theory.

Key words: dynamic partner network, core, economic-mathematical models, core competences.

References

1. Katayev A. V. Virtual'nie biznes-organizatsii [Virtual business organizations]. St. Petersburg, 2009. 120 p. (in Russian).
2. Johnson S. M. Optimal two- and three-stage production schedules with setup times included. *Nav. Res. Log. Quart.*, 1954, vol. 1, no. 1, pp. 61–68.
3. Manne A. S. On the Job-Shop Scheduling Problem. *Operat. Res.*, 1960, vol. 8, no. 2, pp. 219–223.
4. Kataev A. V. Kataeva T. M. Zadachi minimizatsii kolichstva ispolniteley rabot v projekte: matematicheskaya model' i algoritm resheniya [The tasks of minimization the number of contractors in the project: mathematical model and solution algorithm]. *Ekonomika i sotsium* [Economy and Society], 2016, no. 6 (25), pp. 77–84 (in Russian).
5. Kataev A. V. Kataeva T. M. Mezhhorganizatsionnye setevye struktury: problemy organizatsii i upravleniya [Inter-organizational network structures: problems of organization and management]. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii* [Competitiveness in a globalized world: economics, science, technologies], 2016, no. 7 (pt. 1), pp. 141–144 (in Russian).

Cite this article as:

Kataev A. V., Kataeva T. M., Makarova E. L. Dynamic Partner Network Core: Economic-Mathematical Tools. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 274–278 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-274-278.

УДК 338.2; 378.1

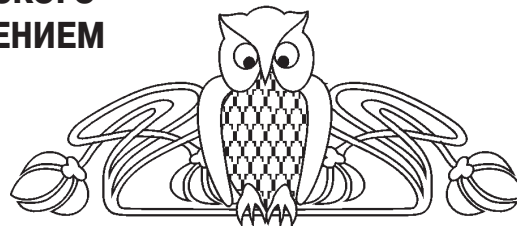
ДУАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВЫСШИМ УЧЕБНЫМ ЗАВЕДЕНИЕМ

Е. С. Нурекенов

аспирант кафедры менеджмента организации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: classic10109@yandex.ru

А. В. Фоменко

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента организации, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов. E-mail: alexv1a75@yandex.ru

Введение. Каждое высшее учебное заведение имеет свои особенности, которые отражаются в специфике управления им, представляется маловероятным выделить некие каноны стратегического управления в сфере высшего образования. В данной работе ставится цель определить общее видение структуры стратегического управления высшими учебными заведениями с учётом разработанных ранее концепций. **Теоретический анализ.** Формирование глобальной сети обмена, преобразования и распространения информации привело к обострению диалектического противоречия в паре «образовательный процесс – процесс научно-исследовательской деятельности» высших учебных заведений. **Результаты.** Предложенная структурная модель позволяет использовать одновременно различные концептуальные подходы к формированию стратегий для различных сфер деятельности высшего учебного заведения. Формирование стратегии высшего учебного заведения должно учитывать сложность и многоплановость данных организаций, а также диалектическое противоречие между такими основными направлениями деятельности высшего учебного заведения, как образовательный процесс и научная деятельность, отражаясь в использовании всей палитры подходов к формированию стратегий.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, стратегическое управление, диалектика, образовательные программы, научные направления.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-279-284

Введение

В основе актуализации использования стратегического управления в высших учебных заведениях, так же как и в случае организаций других сфер деятельности, лежит значительное увеличение скорости изменения внешней по отношению к учебным заведениям среды. Изменение скорости преобразования внешней среды потребовало соответствующей рефлексии вузов, которая через изменения функций должна была привести к изменениям структуры. Подобную логическую цепочку размышлений можно встретить в ряде исследований, посвящённых данной тематике [1, 2].

Однако при этом возникает ощущение, что ряд специфических аспектов работы функцио-

нирования высших учебных заведений остался незамеченным, что делает картину не полной, следовательно, не соответствующей действительности. В большинстве случаев исследователи так или иначе использовали метод аналогии при построении модели системы стратегического управления вузом. Этот метод обеспечивает наглядность при использовании модели, позволяет достаточно легко развивать данную модель, при этом упуская специфические аспекты объекта исследования. Представляется, что механическое перенесение модели стратегического управления промышленным предприятием на высшее учебное заведение некорректно, поскольку упускает существенную специфику последнего. Так, из большинства работ, посвящённых вопросам необходимости внедрения стратегического управления в сферу высшего образования, непонятно, каким образом вузы, в течение сотен лет являвшиеся локомотивами развития общества и цивилизации в целом, оказались отстающим элементом в данном развитии, саму систему управления которых необходимо менять. В поисках ответа на этот вопрос можно предположить, что в данном случае образовался контур положительной обратной связи, который сформировали сами учебные заведения и в ловушке которого они, в свою очередь, оказались. Если рассматривать высшие учебные заведения в их классическом виде, то они предстают как синтез научно-исследовательского и образовательного процессов, которые, по сути, представляют собой диалектическую пару. Данную диалектическую сущность основных подсистем системы высшего учебного заведения необходимо отражать при построении стратегии, и это требует самостоятельной рефлексии.

Теоретический анализ

До первой половины XX в. центров приращения знаний в мировой информационной системе было не много, а сам процесс приращения характеризовался незначительной скоростью, поэтому особых противоречий между образовательным и научно-исследовательским процессами

ми не возникало. Новые знания, появляющиеся в информационном пространстве, успевали восприниматься, осмысливаться, корректироваться и становиться частью общего знания. Однако с увеличением количества центров приращения знаний, которые формировались уже не только в рамках высших учебных заведений, данный процесс начал приобретать лавинообразный характер. Увеличивающийся объём знаний потребовал новых мощностей и новых центров для их восприятия, осмысления, корректировки и применения, но это увеличивало объём новых знаний на новом этапе спирали. Таким образом, сформировалась положительная петля обратной связи, которая по своей природе не обеспечивает устойчивости системы. Формирование отрицательной связи, снижающей темпы прироста знаний, пожалуй, нерационально и, по сути, невозможно, поскольку не будет воспринято обществом. Поэтому возникает необходимость изменения структуры самой системы, как высших учебных заведений, так и образования в целом. Данное изменение структуры в рамках всей системы высшего образования уже происходит. Осознают это отдельные учреждения высшего образования или нет, но они становятся элементами глобальной сетевой структуры. В свою очередь, в рамках любой сетевой структуры отдельные части или элементы должны демонстрировать свою актуальность в общих процессах, востребованность другими элементами. В противном случае происходит ослабление связей вплоть до полного их разрушения, и если данный элемент де-юре ещё может считаться частью данной системы, то де-факто уже находится за её пределами.

Актуальность высшего учебного заведения как элемента глобальной сетевой структуры должны обеспечить новые организационная и функциональная структуры данных организаций, отражающие взаимодействие образовательного и научно-исследовательского компонента на новом уровне развития. Таким образом, должно произойти развитие и усложнение структуры вуза. В свою очередь, если происходит усложнение структуры системы, актуализируется проявление кибернетического закона, сформулированного Уильямом Россом Эшби, известного как «закон необходимого разнообразия»: «Разнообразие управляющей системы должно быть не меньше разнообразия управляемого объекта». На практике это означает, что чем сложнее объект управления, тем сложнее должен быть и орган, который им управляет [3]. Следовательно, эффективное управление системой может быть обеспечено только в том случае, если разнообразие средств

управления будет, по крайней мере, не меньше, чем разнообразие управляемой ситуации. Это требование означает, что система должна быть способна изменять свое состояние в ответ на возможное возмущение, в противном случае она не сможет отвечать задачам управления, выдвигаемым внешней средой, и будет неэффективной.

Таким образом, диалектическое противоречие между учебным процессом и процессом научно-исследовательской деятельности, обострившееся на фоне экспоненциального роста темпов приращения знаний в современном мире и изменения принципов взаимодействия между учебными заведениями, обусловило необходимость принципиального изменения организационной и функциональной структуры высшего учебного заведения и, как следствие, услужение управления вновь формируемой системой, через расширение управленческого горизонта с оперативного и тактического на стратегический.

Рассматривая принципы формирования стратегии и стратегического управления высшим учебным заведением, нельзя не остановиться на упомянутом выше диалектическом противоречии, присущем двум основным процессам, характерным для деятельности данной организации, во многом, по мнению авторов, определяющим специфику данной организации. Представляется, что образовательный процесс и процесс научно-исследовательской деятельности формируют диалектическую пару, в которой данные процессы, с одной стороны, находятся в единстве, т.е. при разделении теряют часть сущностных свойств, с другой стороны, их функционирование направлено на изменение качества друг друга. Во взаимодействии данной диалектической пары можно наблюдать проявление трёх законов диалектики.

Закон единства и борьбы противоположностей заключается в том, что для достижения интегративной цели высшего учебного заведения ни один из вышеназванных процессов не может быть исключён, т.е. во взаимодействии они реализуют интегративные свойства приращения знаний и подготовки квалифицированных специалистов, обладающих актуальными компетенциями. При этом данные процессы противоречат друг другу по своей природе. Процесс научно-исследовательской деятельности является динамичным и прогрессивным. Исследования вносят нестабильность в организационные, процессуальные и когнитивные структуры сформированных систем высшего учебного заведения, разрушают сложившиеся связи, формируют новые взаимодействия, что делает систему не-

устойчивой и не позволяет обеспечить процесс формирования основ знаний студентов в том или ином направлении, поскольку для формирования, развития и закрепления когнитивных карт, включающих знания, умения и навыки, позволяющих в будущем выпускникам эффективно выполнять свои профессиональные функции, необходимы определённые сформировавшиеся концепции, принципы, методологии.

Представляется невозможным сформировать устойчивые системы профессиональных знаний без определённой стабильности исходных материалов. Данная система в дальнейшем может и должна развиваться и видоизменяться, однако исходная база при этом обязана обеспечить стабильность конструкции. Таким образом, в рассматриваемой диалектической паре научные исследования приносят элемент динамики и развития, а образовательные процессы обеспечивают стабильность, устойчивость и закрепление полученных результатов для фиксации их практического применения и передачи знаний. С другой стороны, доминирование образовательных процессов может привести к консервации системы и исключению развития, что достаточно быстро приведёт систему знаний высшего учебного заведения в состояние неадекватности существующему информационному полю и, как отмечалось выше, исключит из сетевой структуры организации, обеспечивающие приращение знаний. Поскольку как образовательный процесс, так и процесс научно-исследовательской деятельности претендуют на одни и те же ресурсы: время профессорско-преподавательского состава, внимание студентов в виде места в структуре образовательного процесса, финансовые ресурсы высшего учебного заведения, то неизбежна борьба между этими двумя направлениями на всех уровнях функциональной и организационной структуры вуза. Эта борьба обеспечивает эффективность каждого из направлений. Ослабление одного из процессов и, соответственно, усиление другого неизбежно приводит к снижению конкурентоспособности всей образовательной организации в целом. Поэтому с точки зрения как тактического, так и стратегического управления высшим учебным заведением необходимо поддерживать баланс – со стороны научно-исследовательского направления обеспечиваются прогрессивные изменения в образовательном процессе, а со стороны образовательного процесса формируется запрос на практикоориентированность и прикладную конкретизацию результатов исследований для возможности использования их в учебном процессе. Однако «победа» одного из процессов или, по крайней мере, его явное

доминирование приведёт к дезорганизации всей системы высшего учебного заведения в виде потери им ряда интегративных свойств.

Из рассмотренного выше вытекает проявление диалектического закона отрицания отрицания. Обеспечение развития системы высшего учебного заведения может быть осуществлено только через реализацию данного закона в отношении рассматриваемой диалектической пары и составляющих её элементов. Так, представитель профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения постоянно проходит через череду отрицаний. Выступая в роли преподавателя и реализуя образовательный процесс, им обеспечиваются рефлексия, осмысление и фиксация полученных ранее новых знаний в ходе формирования и реализации образовательных курсов. Однако для того чтобы содержание данных курсов оставалось актуальным и обеспечивало подготовку конкурентоспособных специалистов, преподаватель через отрицание роли преподавателя переходит в роль исследователя, чтобы затем, отрицая уже роль исследователя, вернуться к роли преподавателя, вновь повторяя цикл рефлексии, осмысления и фиксации полученных новых знаний. Этот же путь также должны проходить студенты, по крайней мере, их большая часть. Цепочка отрицания ролей «студент – исследователь – студент» позволит существенно повысить качество их подготовки как будущих специалистов. Поскольку этот процесс должен распространяться на большую часть профессорско-преподавательского состава и студенчества вуза, то действие закона отрицания отрицания происходит непрерывно, обеспечивая развитие высшего учебного заведения как профессиональной организации, по классификации одного из ведущих исследователей в области стратегического управления – Генри Минцберга [4].

Представляется, что третий закон диалектики, «перехода количественных изменений в качественные», с одной стороны, является движущей силой реализации как закона «отрицания отрицания», так и закона «единства и борьбы противоположностей», при этом, с другой стороны, может рассматриваться как их следствие. Количественное накопление устаревшей и нерелевантной информации в образовательном процессе в конце концов приводит к необходимости переосмысления предмета и получению новой информации через процесс исследований. Накопление же определённой критической массы результатов исследований требует обобщения, осмысления, понимания и применения полученных знаний, формируя новое содержание образовательного процесса.

Из проведённого анализа сущности дуалистической природы основных составляющих процесса функционирования высшего учебного заведения вытекает очевидный вывод, что формируемая стратегия должна включать в себя две самостоятельные, но взаимосвязанные между собой части, поскольку, с одной стороны, описать весь процесс одной стратегией невозможно ввиду его внутренних противоречий, с другой стороны, эти противоречия обеспечивают единство функциональных подсистем, что обязательно должно быть учтено в стратегии.

Результаты

Двойственная природа основных процессов, характерная для системы высшего учебного заведения, требует её отражения в принципиальной функциональной структуре взаимодействия эле-

ментов этой системы. Для отображения данной структуры выделим на первом уровне декомпозиции подсистемы научно-исследовательского и образовательного процессов (рис. 1).

Абстрагируясь от ряда вспомогательных подразделений и от специфики конкретных высших учебных заведений, на следующем уровне декомпозиции можно выделить кафедры и аналогичные им подразделения как основные звенья, обеспечивающие реализацию образовательного процесса и частично научно-исследовательского процесса, а также лаборатории и аналогичные им подразделения как основные звенья, обеспечивающие реализацию научно-исследовательского процесса. На этом уровне присутствует противоречие между так называемыми «деревом структуры» и «деревом функций», непосредственно связанное с организацией стратегического управления.

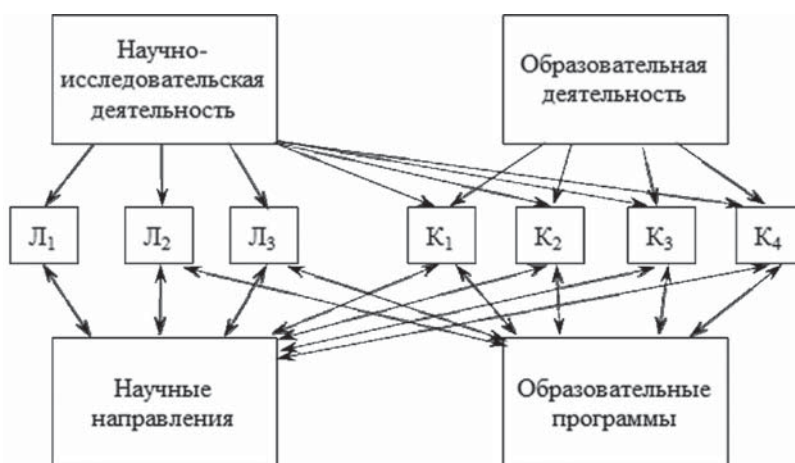

Рис. 1. Структура взаимодействия подсистемы научно-исследовательского и образовательного процессов высшего учебного заведения
Fig. 1. Structure of the subsystem interaction of research and educational processes of a higher educational institution

Распределение функций рассмотренной выше диалектической пары на данном уровне достаточно размыто между всеми звеньями, перенося диалектические противоречия внутрь звеньев и не позволяя выделить конкретные единицы, для которых можно было бы формировать собственные стратегии, связанные между собой, но внутренне свободные от диалектических противоречий. Опыт западных и ряда российских вузов предлагает решение данной проблемы через выделение понятий «образовательные программы» и «научные направления» в качестве самостоятельных элементов как организационной, так и функциональной структур высшего учебного заведения. Учитывая, что, как было показано выше, образовательный процесс и образовательные программы как его составляющие, а также научно-исследовательский процесс и научные направления

как его составляющие являются диалектической парой и, несмотря на сущностные противоречия, не могут, существуя отдельно, реализовать интегративную функцию высшего учебного заведения, для понимания структуры стратегического управления вузом необходимо сформировать структурно-функциональную модель, отражающую самостоятельное существование образовательных программ и научных направлений, но при этом предусматривающую их взаимодействие. Представляется, что наиболее адекватно подобное взаимодействие может быть отражено с помощью матричной структуры (рис. 2).

Несколько параллельно реализуемых образовательных программ, объединяющих определённый круг преподавателей каждая, пересекаются с несколькими научными направлениями, также реализуемыми одновременно и параллельно. Узлы

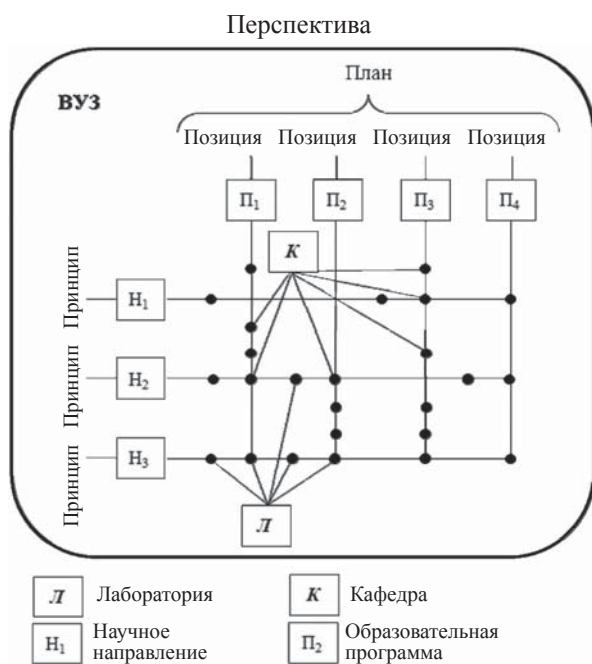

Рис. 2. Структура взаимодействия подсистемы научно-исследовательского и образовательного процессов высшего учебного заведения через выделение образовательных программ и научных направлений

Fig. 2. Structure of the subsystem interaction of the research and educational processes of the higher educational institution through the allocation of educational programs and scientific directions

пересечения научных направлений и образовательных программ образуют преподаватели, как было отмечено выше, поочередно реализующие роли «преподавателя» и «исследователя». Также возможно присутствие на линии образовательных программ преподавателей, выполняющих только данную роль, по крайней мере, в настоящее время, а на линии научных программ – исследователей, также остающихся на данном этапе в неизменной роли. Однако, поскольку как научные направления, так и образовательные программы являются динамичными образованиями и могут не обеспечивать стабильности структуры высшего учебного заведения, представляется целесообразным сделать данную модель трёхмерной, показав связь участников образовательного процесса и процесса научных исследований с кафедрами и лабораториями учебного заведения.

На основании предложенной модели появляется возможность дифференцировать стратегические подходы к различным направлениям деятельности высшего учебного заведения. Как основу классификации видов стратегий возможно использовать предложенный Г. Минцбергом подход, выделяющий стратегию как план, стратегию как принцип поведения, стратегию как позицию, стратегию как перспективу и стратегию как приём

[5]. Использование данной классификации в исследованиях подходов к формированию стратегий высших учебных заведений уже встречалось в научной литературе [6, 7].

Представляется, что для научных направлений наиболее подходит стратегия как принцип поведения, характеризующаяся высокой внутренней неопределённостью, постоянным развитием, ориентацией на некую общую модель поведения, которая в прошлом давала хорошие результаты, подразумевающую совокупность неких инкрементальных действий в поиске решения оригинальной исследовательской задачи.

Для образовательных программ целесообразно предложить подход к стратегии как к позиции, поскольку программа ориентирована, как правило, на определённое направление подготовки и должна обеспечить актуальность и качество реализации данного направления подготовки за счёт внутренних изменений в обеспечении процесса, изменений методического обеспечения, формирования новых знаний преподавателей, технического переоснащения процесса, освоения новых профилей подготовки и отказа от старых, изменений в системах маркетинга и логистики программы и т.д.

При этом сама архитектура образовательных программ, находящаяся в ведении высшего учебного заведения, в целом должна формироваться на основе стратегии как плана. Однако понимание плана в этом случае не должно восприниматься как некая жёсткая последовательность действий, а скорее, как долгосрочный анализ и концепция развития внутренней среды организации, в зависимости от внешних изменений. Подготовка специалистов осуществляется минимум в течение четырёх лет, и, формируя образовательный продукт на стадии набора, необходимо понимать его перспективы на стратегическом горизонте в пять и более лет, поскольку кардинальных изменений в процессе реализации образовательного продукта уже не предвидится.

Наконец, как более высокий план данной конструкции выступает агрегированная стратегия вуза, к которой может быть целесообразен подход к формированию стратегии как перспективы, базирующейся на миссии высшего учебного заведения. Более низкий план формирования стратегии, обеспечивающий интеграцию стратегий и тактик высшего учебного заведения, может быть реализован на основе подхода к стратегии как к совокупности приёмов, позволяющих наиболее эффективно реализовать свои сильные стороны и избегать слабых сторон, в зависимости от складывающихся условий окружающей среды.

Таким образом, формирование и реализация стратегии вуза сама по себе является сложной многоуровневой системой, объединяющей раз-

личные принципы и подходы, что ограничивает возможности формирования данной системы по аналогии с организациями иных сфер деятельности и требует дальнейшего изучения методологии, принципов, инструментов, обеспечивающих эффективное формирование и реализацию стратегии высшего учебного заведения.

Список литературы

1. Грудзинский А. О. Стратегическое управление университетом : от плана к инновационной миссии // Университетское управление : практика и анализ. 2004. № 1 (30). С. 9–20.
2. Владыка М. В. Стратегия развития инновационной деятельности высшей школы // Инновационная экономика и региональное инновационно-устой-

чивое развитие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Изд-во Чуваш.ун-та, 2006. С. 16–19.

3. Словарь бизнес-терминов. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17838> (дата обращения: 06.03.2017).
4. Минцберг Г., Куинн Дж. Б., Гошал С. Стратегический процесс / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 2001. 688 с.
5. Минцберг Г., Альстренд Б., Лемпел Дж. Школы стратегий / пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб. : Питер, 2001. 336 с.
6. Фоменко А. В. Структурирование логистических систем и базисных функциональных областей организаций, преобразующих трудовые потоки. Саратов : СГТУ, 2005. 479 с.
7. Кочерыгина Н. В. Введение в управление качеством. Саратов : СГТУ, 2007. 84 с.

Образец для цитирования:

Нурекенов Е. С., Фоменко А. В. Дуалистическая природа стратегического управления высшим учебным заведением // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 279–284. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-279-284.

Dualistic Nature of Higher Educational Institution Strategic Management

Erzhan S. Nurekenov

ORCID 0000-0002-7741-0580, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia. E-mail: classic10109@yandex.ru

Alexandr V. Fomenko

ORCID 0000-0003-1935-8996, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, Sobornaya str., Saratov, 410031, Russia. E-mail: alexvla75@yandex.ru

Introduction. Each higher educational institution has its own peculiarities, which are reflected in the specifics of its management, it seems unlikely to single out certain canons of strategic management in higher education. In this work we set a goal to determine a common vision of the structure of higher education institutions strategic management, taking into account previously developed concepts. **Theoretical analysis.** The formation of a global network for the exchange, transformation and dissemination of information, have led to an aggravation of the dialectical contradiction in the pair "educational process – research process" institutions of higher education. **Results.** The proposed structural model allows to use simultaneously different conceptual approaches to the formation of strategies for different spheres of activity of a higher educational institution. The formation of a higher education institution's strategy should take into account the complexity and diversity of these organizations, and dialectical contradiction between such basic directions of higher educational institution activity as educational process and scientific activity, being reflected in use of all variety of approaches to the formation of a strategy.

Key words: higher educational institution, strategic management, dialectics, educational programs, scientific directions.

References

1. Gruzinskiy A. O. Strategic management of the university: from the plan to the innovative mission. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [Journal University Management: Practice and Analysis], 2004, no. 1 (30), pp. 9–20 (in Russian).
2. Vladyka M. V. Strategy for the development of innovative activities of higher education. In: *Innovatsionnaya ekonomika i regional'noe innovatsionno-ustoichivoe razvitiye* [Innovative economy and regional innovation-sustainable development. Proc. All-Russian sci. and pract. conf.]. Cheboksary, Izdatelstvo of the Chuvash University, 2006, pp. 16–19 (in Russian).
3. Slovar' biznes-terminov (Business terms dictionary). Available at: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17838> (accessed 6 March 2017) (in Russian).
4. Mintsberg G., Kuinn Dzh. B., Goshal S. Strategicheskii protsess [Strategic Process. Transl. from Engl. under the editorship of Yu. N. Kapturevsky]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 688 p. (in Russian).
5. Mintsberg G., Al'strends B., Lempel Dzh. Shkoly strategii [Schools of Strategy. Transl. from Engl. under the editorship of Yu. N. Kapturevsky]. St. Petersburg, Piter Publ., 2001. 336 p. (in Russian).
6. Fomenko A. V. Strukturirovanie logisticheskikh sistem i bazisnykh funktsional'nykh sfer organizatsiy, preobrazuyuschikh trudovye potoki [Structuring of logistics systems and basic functional areas of organizations that transform labor flows]. Saratov, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov Publ., 2005. 479 p. (in Russian).
7. Kocheryagina N. V. Vvedenie v upravlenie kachestvom [Introduction to quality management]. Saratov, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov Publ., 2007. 84 p. (in Russian).

Cite this article as:

Nurekenov E. S., Fomenko A. V. Dualistic Nature of Higher Educational Institution Strategic Management. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 279–284 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-279-284.

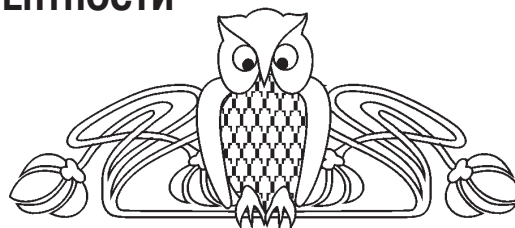

УДК 005.521

ИННОВАЦИИ В ТРЕБОВАНИЯХ К ТРАСПАРЕНТНОСТИ РОССИЙСКИХ КОРПОРАЦИЙ

Л. Н. Леванова

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.
E-mail: levanova1@mail.ru

Введение. В современных условиях развития отечественных организаций ключевым фактором их эффективности является качество корпоративного управления, которое включает такие блоки, как права акционеров, органы управления, социальная ответственность и, наконец, информационная политика. И уровень информационной политики, степень открытости компании для стейкхолдеров формируют уровень прозрачности организации, являющийся ключевым фактором для принятия решений ключевыми инвесторами. Статистические данные отражают замедление динамики процента соответствия уровня прозрачности отечественных компаний международным требованиям. Соответственно, актуальным является исследование причин данного явления. **Теоретический анализ.** Анализируются тенденции развития прозрачности российских компаний и выявляется система факторов, которая должна учитываться компаниями при разработке информационной политики. Предполагается, что одной из причин замедляющихся темпов развития информационной политики и прозрачности российских компаний являются инновации в Гражданском кодексе РФ относительно типов акционерных обществ, а также требования Банка России относительно степени их открытости.

Результаты. Анализ типов акционерных обществ в соответствии с Гражданским кодексом и инновациями в положениях Банка России позволил сформировать максимальный и минимальный объем информации, раскрываемой корпорациями, систематизировать императивные требования относительно степени прозрачности каждого типа акционерного общества в экономике России. Систематизированы акционерные общества по степени обязательности раскрытия информации, что имеет практическую пользу для вновь создаваемых корпоративных структур, так и для компаний, подлежащих преобразованию и реорганизации.

Ключевые слова: корпоративное управление, прозрачность, информационная политика.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-285-290

Введение

Современное понятие прозрачности подразумевает объем и качество раскрываемой информации корпорацией во внешней среде или, другими словами, информационную открытость компании. Публичное раскрытие надежной и своевременной информации компанией позволяет делать точную оценку инвесторами финансового состояния и подверженности риску, деловой активности другими стейкхолдерами фирмы. Несомненно, прозрачность компании зависит от качества информационной по-

литики, проводимой ее руководством. Компания реализует открытую информационную политику, когда она не стремится скрыть какие-то сведения о себе, сообщает заинтересованным лицам о тех или иных корпоративных действиях.

Теоретический анализ

Необходимо заметить, что в свете развития корпоративного управления в целом в российских корпорациях вследствие перманентно повышающихся требований законодательства РФ и других корпоративных регуляторов происходит повышение уровня доли рекомендаций практики корпоративного управления в рамках каждого компонента корпоративного управления, в среднем соблюдаемых компаниями. Это отражают результаты исследований 150 российских компаний Российским институтом директоров (рис. 1. На рисунке указывается доля рекомендаций практики корпоративного управления в рамках каждого компонента, в среднем соблюдаемых компаниями в целом по выборке) [1].

Ведущую роль в данной динамике можно отдать такому компоненту, как «раскрытие информации», или прозрачность компаний.

Как видно из диаграммы, компонент корпоративного управления «Раскрытие информации» сохранил свой более высокий, по сравнению с другими компонентами, уровень развития. Однако позитивная динамика его изменений продолжала свое торможение и к 2014 г. наблюдалась небольшая стагнация. Если в течение 2004–2008 гг. в среднем ежегодный прирост показателя, характеризующего состояние этого компонента, был на уровне 4,75 п.п., то в 2009–2011 гг. он оставался практически неизменным. По итогам 2014 г. доля соблюдаемых в среднем рекомендаций в области раскрытия информации в целом по выборке составила 69%, уменьшившись на 2 п.п. по сравнению с 2011 г.

Можно предположить, что у данной динамики есть свои причины, по нашему мнению, они заключаются в многоаспектности факторов информационной политики. Разрабатывая информационную политику, компания должна учитывать определенные факторы (рис. 2).

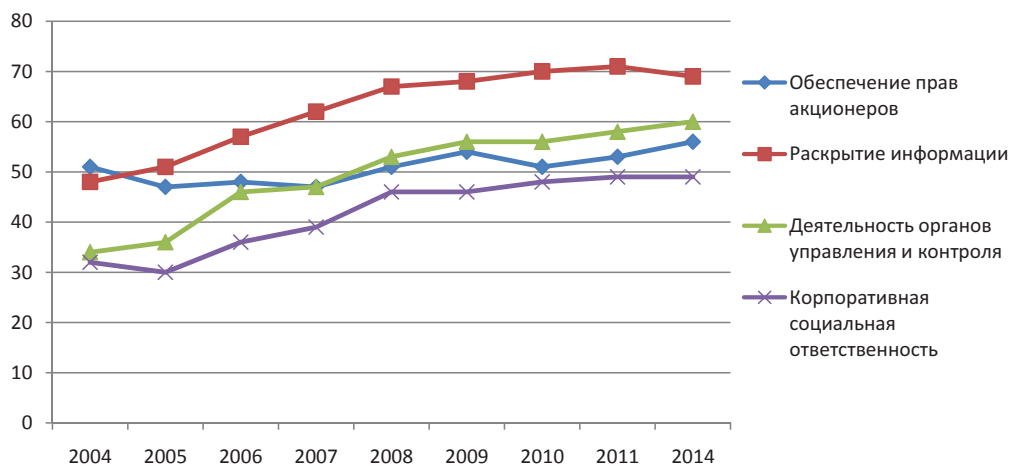

Рис. 1. Тенденции развития практики корпоративного управления в 2004–2014 гг.
Fig. 1. Trends in the development of corporate governance practices in 2004–2014

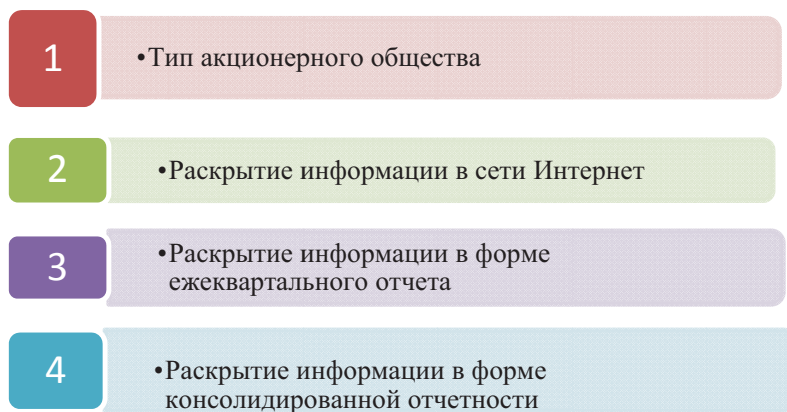

Рис. 2. Факторы информационной политики компании
Fig 2. Factors of information policy of the company

Остановим свое внимание на первом факторе информационной политики компании – типе акционерного общества. Проблема заключается в том, что в зависимости от типа АО компания может раскрывать минимальный или максимальный объем информации. Кроме того, тип акционерного общества влияет на наличие или отсутствие обязанности раскрывать тот или иной объем информации. То есть тип акционерного общества является первичным фактором транспарентности компании.

Известно, что с 1 сентября 2014 г. в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) все акционерные общества должны делиться на публичные и непубличные. Но в настоящее время существуют АО, созданные до 01.09.2015, которые еще не привели свои уставы и наименования в соответствие с ГК РФ и до сих пор являются открытыми или закрытыми акционерными

обществами. Причем они могут иметь признаки публичных акционерных обществ. Таким образом, в результате наличия такого многообразия типов акционерных обществ в национальной экономике России существует и многообразие требований к транспарентности компаний по данному признаку.

17 марта 2015 г. вступило в силу Положение Банка России № 454-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» [2] (далее – Положение), которое изменило требования законодательства РФ о раскрытии информации акционерными обществами. Кроме того, с 14.03.2016 вступило в силу Указание Банка России от 16.12.2015 № 3899-У о внесении изменений в данное Положение. В соответствии с Положением можно выделить минимальный и максимальный объемы информации, которые обязаны раскрывать корпорации в России (табл. 1).

Таблица 1/Table 1

Объемы обязательного раскрытия информации
Volumes of compulsory disclosure of information

Минимальный объем	Максимальный объем
<p>Годовой отчет</p> <p>Годовая бухгалтерская отчетность</p> <p>Сведения о приобретении более 20% голосующих акций другого АО</p>	<p>Годовой отчет АО</p> <p>Годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность АО вместе с аудиторским заключением</p> <p>Устав и внутренние документы АО, регулирующие деятельность его органов публичного АО</p> <p>Сведения об аффилированных лицах АО</p> <p>Решение о выпуске (дополнительном выпуске) ценных бумаг АО</p> <p>Уведомление о заключении акционерами публичного АО акционерного соглашения, а также уведомление о приобретении лицом в соответствии с акционерным соглашением права определять порядок голосования на общем собрании акционеров по акциям публичного акционерного общества</p> <p>Уведомление о намерении обратиться в суд с иском об оспаривании решения общего собрания акционеров публичного акционерного общества, о возмещении причиненных публичному акционерному обществу убытков, о признании сделки публичного акционерного общества недействительной или о применении последствий недействительности сделки публичного акционерного общества</p> <p>Дополнительные сведения, предусмотренные гл. 75 Положения:</p> <ul style="list-style-type: none"> – о приобретении акционерным обществом более 20 процентов голосующих акций другого акционерного общества; – о раскрытии акционерным обществом на странице в сети Интернет годового отчета, годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности, списка аффилированных лиц; – об изменении адреса страницы в сети Интернет, используемой акционерным обществом для раскрытия информации; – о проведении (созыве) общего собрания акционеров акционерного общества; – о планируемой дате направления заявления о внесении в единый государственный реестр юридических лиц записей, связанных с реорганизацией, прекращением деятельности или с ликвидацией акционерного общества; – о заключении акционерами публичного акционерного общества акционерного соглашения; – о приобретении лицом в соответствии с акционерным соглашением права определять порядок голосования на общем собрании акционеров по акциям публичного акционерного общества, если в результате такого приобретения это лицо самостоятельно или совместно со своими аффилированными лицами прямо либо косвенно получает возможность распоряжаться более чем 5, 10, 15, 20, 25, 30, 50 или 75 процентами голосов по размещенным обыкновенным акциям публичного акционерного общества; – о принятии судом к производству иска об оспаривании решения общего собрания акционеров публичного акционерного общества, о возмещении причиненных публичному акционерному обществу убытков, о признании сделки публичного акционерного общества недействительной или о применении последствий недействительности сделки публичного акционерного общества

Результаты

В соответствии с типом акционерного общества Положение регламентирует минимальный или максимальный объем информации, подлежащий обязательному раскрытию. Систематизируем требования Положения Банка России № 454-П в соответствии с типами акционерных обществ, опираясь на ряд разъяснений специалистов [3, с. 5; 4, с. 23] (табл. 2).

Таким образом, можно систематизировать акционерные общества по степени обязательности раскрытия информации (табл. 3).

В результате таких нововведений в требованиях к информационной политике отечественных корпораций общества, не считающие себя публичными, могут прекратить раскрытие информации. И это может привести к тому, что стейкхолдеры корпорации, привыкшие отслеживать информацию о компании, потеряют к ней доступ. В соответствии с такими последствиями специалисты по информационной политике рекомендуют акционерным обществам подумать над добровольным раскрытием информации на сайте агентства: устава, годовой бухгалтер-

Таблица 2//Table2

Систематизация требований Положения Банка России № 454-П в соответствии с типами акционерных обществ
Systematization of requirements of Bank of Russia Regulation No. 454-P in accordance with types of joint-stock companies

№	Тип акционерного общества	Требования Положения Банка России № 454-П
1	Публичные АО, созданные после 01.09.2014 Обязаны раскрывать информацию в силу п. 6 ст. 97 ГК РФ [5] Распространяется действие п. 1 ст. 92 Закона «Об акционерных обществах», регламентирующего обязательное раскрытие информации ОАО [6]	Исходя из п. 69.2 Положения: – максимальный объем информации Исходя из п. 69.3 Положения, все публичные общества теперь обязаны раскрывать: – ежеквартальные отчеты в соответствии с требованиями раздела IV Положения; – сообщения о существенных фактах в соответствии с требованиями раздела V Положения
2	Непубличные АО, созданные после 01.09.2014 Непубличное акционерное общество – это юридическое лицо, соответствующее следующим критериям: – минимальный размер уставного капитала – 10 000 руб; – количество акционеров – не более 50; – в наименовании организации нет указания на то, что она является публичной; – акции компании не размещаются на бирже и не предлагаются к приобретению по открытой подписке	ГК РФ не содержит норм, касающихся наличия или отсутствия у непубличных АО обязанности по публичному раскрытию информации
3	Непубличные АО с числом акционеров более 50, не осуществляющие публичное размещение облигаций или иных ценных бумаг	Исходя из п. 69.5 Положения: – минимальный объем информации
4	Непубличные АО, осуществившие публичное размещение облигаций или иных ценных бумаг	Исходя из п. 69.4 Положения: – минимальный объем информации; – устав и внутренние документы, регулирующие деятельность его органов; – сведения об аффилированных лицах непубличного общества; – решение о выпуске (дополнительном выпуске) ценных бумаг непубличного общества; – дополнительные сведения, предусмотренные гл. 75 Положения
5	Публичные АО, существовавшие до 01.09.2014 в качестве ОАО и ЗАО	Раскрывают информацию по тем же основаниям и в тех же формах, что и публичные АО, входящие в первую группу Раскрывают информацию в формах, установленных п. 1 ст. 92 Закона «Об акционерных обществах»
6	ОАО, которые не привели свои наименования и уставы в соответствие с ГК РФ, вне зависимости от того, имеют они или нет признаки публичных АО	Обязаны раскрывать информацию в соответствии с п. 1 ст. 92 Закона «Об акционерных обществах», а также разделов I и VII Положения Банка России № 454-П Раскрывают информацию в соответствии с п. 4 ст. 30 Закона «О рынке ценных бумаг» [7] и разделов IV, V, VI Положения Банка России № 454-П по тем же основаниям, что и АО, входящие в первую группу
7	Непубличные АО, которые до 01.09.2014 существовали в качестве ОАО и ЗАО	Такие АО в общем случае не обязаны раскрывать информацию Такая обязанность может возникнуть при публичном размещении облигаций (не конвертируемых в акции)
8	ЗАО, которые не привели свои наименования и уставы в соответствие с ГК РФ, не имеющие признаков публичных АО	Раскрывают информацию по тем же основаниям, что и непубличные АО
9	ЗАО, которые не привели свои наименования и уставы в соответствие с ГК РФ, но имеют признаки публичных АО	Регулирование и формы раскрытия информации такими АО аналогичны регулированию и формам раскрытия информации АО первой группы

Таблица 3/Table 3

Обязательное и необязательное раскрытие информации
Mandatory and non-mandatory disclosure of information

Требование к раскрытию информации	Тип акционерного общества
Обязательное раскрытие информации	Публичное акционерное общество Непубличное акционерное общество с числом акционеров более 50 Непубличное акционерное общество, осуществившее (осуществляющее) публичное размещение облигаций или иных ценных бумаг Публичные АО, существовавшие до 01.09.2014 в качестве ОАО и ЗАО ОАО, которые не привели свои наименования и уставы в соответствие с ГК РФ, вне зависимости от того, имеют они или нет признаки публичных АО ЗАО, которые не привели свои наименования и уставы в соответствие с ГК РФ, но имеют признаки публичных АО
Необязательное раскрытие информации	Непубличные АО с количеством акционеров менее 50 ОАО и ЗАО, существовавшие до 01.09.2014, являющиеся непубличными ЗАО, которые не привели свои наименования и уставы в соответствие с ГК РФ, не имеющие признаков публичных АО

ской отчетности, списков аффилированных лиц [8, с. 17]. Кроме того, добровольное раскрытие информации (бухгалтерской отчетности) в «Интерфаксе» дает компании одно преимущество – такая отчетность попадает в систему СПАРК, а ею пользуются все крупные компании и банки при выдаче кредитов и заключении сделок.

Таким образом, при выборе информационной политики непубличному акционерному обществу необходимо взвесить все «за» и «против» раскрытия корпоративной информации. И при разработке информационной политики обществом любого типа следует учитывать критерий осведомленности стекхолдеров о бизнесе компании. Но если организация пойдет по пути ограниченной прозрачности, то ей все равно придется выстраивать свою, индивидуальную систему коммуникаций с инвесторами, работниками, государством и обществом. Такая система является неотъемлемым условием развития корпораций в современной рыночной среде.

Список литературы

1. Исследование практики корпоративного управления в России : сравнительный анализ по итогам 2004–2014 гг. URL: http://rid.ru/wp-content/uploads/2016/05/2015_И-РИД-2004-2014-итог.pdf (дата обращения: 15.09.2016).
2. Положение о раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг : утв. Банком России 30.12.2014 № 454–П (ред. от 01.04.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Вавулин Д. А. К вопросу о вступлении в силу положения Банка России от 30.12.2014 № 454–П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг» // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2015. № 7. С. 4–19.
4. Петрова Н. Н. Обязательное раскрытие информации : новые правила // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2016. № 8. С. 21–26.
5. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Об акционерных обществах : федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ. URL: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-ao/92/> (дата обращения: 17.09.2016).
7. О рынке ценных бумаг : федер. закон от 24.04.1996 № 39-ФЗ. URL: http://zakonrf.net/o_rynke_tsennykh_bumag/s30.htm (дата обращения: 20.09.2016).
8. Оленьков Д. Н. Раскрытие информации публичными и непубличными обществами : что изменилось со вступлением в силу Федерального закона № 210-ФЗ от 29.06.2015 // Акционерное общество : вопросы корпоративного управления. 2016. № 2. С. 16–19.

Образец для цитирования:

Леванова Л. Н. Инновации в требованиях к прозрачности российских корпораций // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 285–290. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-285-290.

Innovations Transparency Requirements of the Russian Corporation

Lidia N. Levanova

ORCID 0000-0001-9736-3083, Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: levanovaln1@mail.ru

Introduction. In modern conditions of development of domestic companies a key factor of their effectiveness is the quality of corporate governance, which includes such units as the rights of shareholders, governments, social responsibility, and, finally, information policy. And the level of information policy, the degree of transparency for stakeholders form transparentnosti level of organization, which is a key factor for decision-making core investors. The statistics reflect the slowdown percent compliance level transparentnosti domestic companies with international requirements. Accordingly, it is urgent investigation of the causes of this phenomenon. **Theoretical analysis.** Analyzes the development trend of Russian companies and transparentnosti detected system factors that should be considered by companies in the development of information policy. It is assumed that one reason for slowing down the pace of development of information policy and transparentnosti Russian companies are innovations in the Civil Code with respect to types of joint stock companies, as well as the Central Bank's requirements with respect to their degree of openness. **Results.** Analysis of the types of joint stock companies in accordance with the provisions of the Central Bank of Russia's Civil Code and innovation has allowed to generate a maximum and minimum amount of information disclosed by corporations, organize mandatory requirements concerning degree transparentnosti each type of joint-stock company in the Russian economy. The joint-stock companies on the degree of mandatory disclosures that is of practical use for the newly created corporate structures as well as for companies subject to conversion and restructuring.

Key words: corporate governance, transparency, information policy.

References

1. Issledovanie praktiki korporativnogo upravleniya v Rossii: sravnitel'nyi analiz po itogam 2004–2014 gg. (Corporate Governance Practices in Russia: Comparative Analysis for the results of 2004–2014). Available at: http://rid.ru/wp-content/uploads/2016/05/2015_ИРИД-2004-2014-итог.pdf (accessed 15 September 2016) (in Russian).
2. The position on information disclosure by issuers of equity securities of the Bank of Russia of 30.12.2014 No. 454-P). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
3. Vavulin D. A. K voprosu o vstuplenii v silu polozheniya Banka Rossii ot 30.12.2014 № 454-P «O raskrytii informatsii emitentami emissionnykh tsennykh bumag» [On the question of entry into force of the provisions of the Bank of Russia of 30.12.2014 No. 454-P «On information disclosure by issuers of equity securities»]. *Aktsionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniya* [Joint stock company: corporate governance issues], 2015, no. 7, pp. 4–19 (in Russian).
4. Petrova N. N. Obiazatel'noe raskrytie informatsii: novye pravila [Required disclosure: new rules]. *Aktsionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniya* [Joint stock company: corporate governance issues], 2016, no. 8, pp. 21–26 (in Russian).
5. State Code of the Russian Federation. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
6. On Joint Stock Companies. Federal law of 26.12.1995 No. 208-FZ. Available at: <http://www.zakonrf.info/zakon-ob-ao/92/> (accessed 17 September 2016) (in Russian).
7. On the Securities Market. Federal law of 24.04.1996 No. 39-FZ. Available at: http://zakonrf.net/o_rynke_tsennykh_bumag/s30.htm (accessed 20 September 2016) (in Russian).
8. Olen'kov D. N. Raskrytie informatsii publichnymi i nepublichnymi obschestvami: chto izmenilos' so vstupleniem v silu Federal'nogo zakona № 210-FZ ot 29.06.2015 [Disclosure of public and non-public companies: what has changed with the entry into force of the Federal Law No. 210-FZ of 29.06.2015]. *Aktsionernoe obschestvo: voprosy korporativnogo upravleniya* [Joint stock company: corporate governance issues], 2016, no. 2, pp. 16–19 (in Russian).

Cite this article as:

Levanova L. N. Innovations Transparency Requirements of the Russian Corporation. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 285–290 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-285-290.

УДК 338.242

ВОЗМОЖНОСТИ ВНУТРЕННЕГО АУДИТА ДЛЯ ОЦЕНКИ ИНТЕГРИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Е. С. Федотова

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа хозяйственной деятельности и аудита, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова. E-mail: fedotovaes@list.ru

Л. Б. Пчелинцева

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета, анализа хозяйственной деятельности и аудита, Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова. E-mail: pchelud@yandex.ru

Введение. Практическое использование возможностей системы внутреннего аудита имеет ряд сложностей, что связано с отсутствием системных теоретических разработок в области методологии внутреннего аудита, адаптированных к российским условиям. При заинтересованности руководства предприятий в результативности внутреннего аудита возникает необходимость в разработке системы оценки качества информационного обеспечения, которая должна позволить оценивать степень удовлетворенности заказчиков выполненной внутренними аудиторами работой. **Теоретический анализ.** Проанализирована существующая система интегрированной внутренней учетной информации. Выполненное исследование развивает научное направление, расширяет его понятийный и методический аппарат. В работе применяются такие методы исследования, как научное обобщение, наблюдение, сравнение, группировка, обследование, логический анализ и синтез. **Результаты.** Разработаны рекомендации по совершенствованию формируемой системы информационного обеспечения внутреннего аудита, а также обоснованы рекомендации по оценке степени достаточности информации, своевременности, полноты, обоснованности, что позволит совершенствовать систему внутреннего контроля предприятия. Практическое внедрение предложенной методики количественной и качественной оценки интегрированной системы учетной информации дает возможность повышения эффективности системы внутреннего контроля предприятия. Предлагается в качестве сегментов внутреннего аудита принимать возникающие при осуществлении фактов хозяйственной жизни взаимосвязи объектов учета, которые составляют циклы фактов хозяйственной жизни.

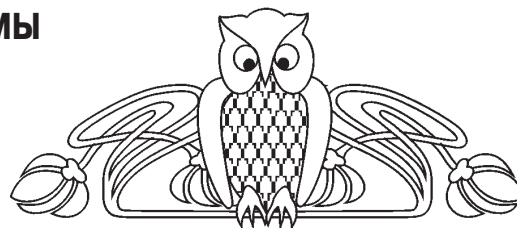
Ключевые слова: бизнес-единица, центр ответственности, система внутреннего контроля, управленческий контроль, показатели результативности.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-291-296

Введение

В современных условиях существенно возрастает заинтересованность руководства российских организаций различных форм собственности в результатах внутреннего аудита [1, 2]. Это обусловлено следующими основными факторами:

- рост организаций, освоение новых рынков;

- сложность структуры бизнеса, в том числе за счет диверсификации, географической разветвленности;

- высокая степень законодательного и нормативного регулирования бизнеса.

Несмотря на высокую значимость, в настоящее время внедрение системы внутреннего аудита имеет ряд сложностей, что связано с отсутствием системных теоретических разработок в области методологии внутреннего аудита, адаптированных к российским условиям.

В современных экономических условиях необходима комплексная методология оценки интегрированной системы внутренней учетной информации предприятия для целей внутреннего аудита с целью решения базовых проблем его развития. Для повышения эффективности внутреннего аудита необходимо использование оперативной управленческой отчетности. Однако такая отчетность содержит ограниченный перечень показателей, что не позволяет сбалансированно судить о производительности и эффективности деятельности предприятия.

Теоретический анализ

Промежуточная управленческая отчетность отражает данные для прогнозирования на следующий период. Годовая управленческая отчетность отражает рассчитанные кумулятивным способом на счетах управленческого учета показатели, позволяющие оценить отклонения между прогнозными и фактическими их значениями [3].

Возможность выделения в качестве центров возникновения затрат центров ответственности структурных бизнес-единиц, а также цели управления и другие факторы определяют степень свободы предприятия в формировании показателей внутренней управленческой отчетности.

Содержание, сроки и формы внутренней управленческой отчетности предприятия, по мнению О. Г. Башаровой и А. В. Михайлюк, определяются целью ее составления, размерами, организационной структурой предприятия и основными направлениями его деятельности [4].

Так, система внутренней управленческой отчетности промышленного предприятия в значительной мере отличается от системы внутренней управленческой отчетности торгового предприятия. Кроме этого, по убеждению Л. В. Сотниковой, внутренняя управленческая отчетность во многом обуславливается наличием программного обеспечения учетных процессов и подготовленностью сотрудников [5].

В условиях современности перед руководством предприятий выходит на передний план необходимость в контроле результатов деятельности структурных подразделений, в получении объективной информации, что вполне понятно и оправданно.

Возросший интерес внутренних пользователей к данным управленческого учета приводит к тому, что показателям совокупных затрат на производство и себестоимости продукции уделяется особое внимание. Следует заметить, что показатели учета затрат применяются и в финансовом, и в налоговом учете. На их основе рассчитываются налоги, составляется финансовая и налоговая отчетность.

Однако управленческий учет имеет более широкий смысл по сравнению с производственным учетом. Это обусловлено двумя основными обстоятельствами. Во-первых, данные управленческого учета базируются на применении всей совокупности информации, имеющейся на предприятии: данные первичного учета, сводного бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности; данные оперативного и статистического учета; нормативно-справочная информация; аналитическая и другая информация. Во-вторых, цель управленческого учета, выражающаяся в обосновании и принятии оптимальных решений управления, может быть достигнута путем реализации всех функций управления [6]. Приоритетными функциями производственного учета являются учет, контроль и отчасти анализ.

Объективной необходимостью обособления управленческого учета в самостоятельную систему является усиление требований к соблюдению конфиденциальности, что выражается в сохранении коммерческой тайны предприятия. Однако, как показывают исследования, предприятия достаточно редко имеют налаженную систему управленческого учета, встречаются лишь его отдельные элементы. Такое положение можно объяснить тем, что руководители считают затраты на него неоправданными.

Преобладающими в системе управленческого учета принято считать контроль затрат и управление затратами по отклонениям. Своевременное выявление причин отклонений от установленных

норм и нормативов и ответственных лиц способствует вскрытию неблагоприятных условий или явлений, определению целесообразности и законности принимаемых решений, оцениванию результатов их выполнения. Это достигается эффективным использованием оперативной информации на основе управленческого анализа показателей производственного учета.

Оценка качества работы традиционно производится с помощью показателей результативности и эффективности.

По нашему мнению, для наиболее справедливой оценки качества работы проверяемого объекта внутреннего аудита необходимо уделить внимание взаимодействию подразделений на предмет коммуникационно-информационных связей и применяемым способам координации. В этом случае внутренними аудиторами проверяются своевременность, достоверность и уместность отчетных показателей, полнота их представления в отчетности.

Так, своевременность может оцениваться соблюдением сроков предоставления информации субъекту внутреннего контроля, а также дифференциацией показателей деятельности предприятия в целом. Своевременность поступления информации определяется сопоставлением числа показателей, переданных субъекту внутреннего контроля с опозданием ($V_{оп}$), со всем количеством информации, поступающей в предусмотренные сроки ($V_{ср}$). В этом случае определить коэффициент соблюдения сроков поступления информации (K_c) можно по формуле

$$K_c = \frac{V_{оп}}{V_{ср}}. \quad (1)$$

По показателю K_c рекомендуется определить динамику:

$$- \text{абсолютную: } \Delta K_c = K_{c1} - K_{c0};$$

$$- \text{относительную: } TK_c = \frac{K_{c1}}{K_{c0}}.$$

Положительная динамика и темпы роста, превышающие единицу, оцениваются отрицательно.

При помощи приема абсолютных разниц весьма полезно исследовать влияние числа показателей, переданных субъекту внутреннего контроля в предусмотренные сроки ($V_{ср}$), и коэффициента соблюдения сроков поступления информации (K_c) на количество показателей, поступающих с опозданием ($V_{оп}$):

$$\Delta V_{оп\Delta V_{ср}} = \Delta V_{ср} \times K_{c0};$$

$$\Delta V_{оп\Delta K_c} = V_{ср1} \times \Delta K_c.$$

Исходные данные для проведения факторного анализа приведены в табл. 1.

Таблица 1/Table 1

Исходные данные для проведения факторного анализа влияния факторов на количество информации, поступающей с опозданием

Initial data for the factorial analysis of influence of factors on the amount of information coming late

Показатель	Предшествующий период	Отчетный период	Абсолютный прирост	Темп роста
Количество показателей, переданных субъекту внутреннего контроля с опозданием ($V_{оп}$)	528	604	76	1,14
Количество показателей, поступающих в предусмотренные сроки ($V_{ср}$)	6334	7489	1155	1,18
Коэффициент соблюдения сроков поступления информации (K_c)	0,0834	0,0807	(0,0027)	0,97

Отрицательная динамика K_c и темп роста, не превышающий единицу, оцениваются благоприятно. Проведем расчет влияния факторов на количество информации, поступающей в срок, способом абсолютных разниц:

$$\Delta V_{оп \Delta V_{ср}} = \Delta V_{ср} \times K_{c0} = 1155 \times 0,0834 = 96;$$

$$\Delta V_{оп \Delta K_c} = V_{ср1} \times \Delta K_c = 7489 \times (0,0027) = -20.$$

Итоговое суммарное влияние двух факторов составляет 76 позиций, при этом увеличение количества информации, переданной с опозданием, произошло за счет количественного фактора $V_{ср}$, а снижение – за счет качественного фактора K_c , что следует признать благоприятным.

Подобный анализ рационально проводить как в целом по предприятию, так и по его подразделениям, а также в разрезе объектов контроля.

Оценку степени дифференциации информации во времени возможно производить путем расчета соотношения фактически сформированных показателей, наиболее удовлетворяющих субъекту внутреннего контроля по периодичности формирования, и количества показателей, входящих в перечень оптимальных по периодичности.

Полноту информации характеризует обеспечение потребности субъекта контроля в получении совокупности показателей, характеризующих деятельность предприятия. Первая составляющая показателя дает оценку ответственности руководителей структурных подразделений за выполнение определенных процессов (полнота отражения фактов хозяйственной жизни в первичной учетной документации и передачи ее для дальнейшей обработки). Вторая составляющая дает возможность определения качества отчетной информации. Индекс полноты информации ($I_{п}$) рассчитывается следующим образом:

$$I_{п} = \frac{D_{ф}}{D_{пл}}, \quad (2)$$

где $D_{ф}$ – количество документов, фактически

оформленных и переданных для обработки; $D_{пл}$ – количество документов, которые следовало оформить и передать для обработки.

Индекс определяется по каждому отдельному виду информации и объекту внутреннего аудита. Максимальное значение равно 1. Если значение меньше, то это свидетельствует об ухудшении качества информационно-аналитического обеспечения управления.

По показателю $I_{п}$ также рекомендуется определить динамику:

– абсолютную: $\Delta I_{п} = I_{п1} - I_{п0}$;

– относительную: $TI_{п} = \frac{I_{п1}}{I_{п0}}$.

Положительная динамика и темпы роста, превышающие единицу, оцениваются отрицательно.

При помощи приема абсолютных разниц рекомендуется исследовать количество документов, которые следовало оформить и передать для обработки ($D_{пл}$), и индекса полноты информации ($I_{п}$) на количество документов, фактически оформленных и переданных для обработки ($D_{ф}$):

$$\Delta D_{ф \Delta D_{пл}} = \Delta D_{пл} \times I_{п0};$$

$$\Delta D_{ф \Delta I_{п}} = D_{пл1} \times \Delta I_{п}.$$

Исходные данные для проведения факторного анализа приведены в табл. 2.

Отрицательная динамика $I_{п}$ и темпы роста, не превышающие единицу, оцениваются положительно. Проведем расчет влияния факторов на количество документов, фактически оформленных и переданных для обработки, способом абсолютных разниц:

$$\Delta D_{ф \Delta D_{пл}} = \Delta D_{пл} \times I_{п0} = 121 \times 0,9577 = 116;$$

$$\Delta D_{ф \Delta I_{п}} = D_{пл1} \times \Delta I_{п} = 2696 \times (0,0026) = -7.$$

Итоговое суммарное влияние двух факторов составляет 109 документов, при этом увеличение количества документов, фактически оформленных

Таблица 2/Table 2

Исходные данные для проведения факторного анализа влияния факторов на количество документов, фактически оформленных и переданных для обработки**Initial data for the factorial analysis of influence of factors on the number of documents actually executed and transmitted for processing**

Показатель	Предшествующий период	Отчетный период	Абсолютный прирост	Темп роста
Количество документов, фактически оформленных и переданных для обработки (D_{ϕ})	2466	2575	109	1,04
Количество документов, которые следовало оформить и передать для обработки ($D_{\text{пл}}$)	2575	2696	121	1,04
Индекс полноты информации ($I_{\text{п}}$)	0,9577	0,9551	(0,0026)	0,99

и переданных для обработки, произошло за счет количественного фактора $D_{\text{пл}}$, а снижение – за счет качественного фактора $I_{\text{п}}$, что следует признать благоприятным.

На обоснованность выводов внутреннего аудита значительно влияет уровень достоверности используемой отчетной информации. Количественно оценить степень достоверности отчетной управленческой информации можно, рассчитав индекс достоверности ($I_{\text{д}}$):

$$I_{\text{д}} = \frac{П_{\phi} - П_{\text{иск}}}{П_{\phi}}, \quad (3)$$

где $П_{\phi}$ – суммарное количество показателей, содержащихся в информационной базе контроля; $П_{\text{иск}}$ – количество показателей, содержащих искажения и ошибки.

Рекомендуемые пороговые значения индексов:
– более 0,95 – оценка «высокая»;
– от 0,8 до 0,95 – оценка «средняя»;
– менее 0,8 – оценка «низкая».

В случае высокой оценки индекса достоверности перекрестная проверка сведений структурных подразделений, связанных между собой, может не производиться.

При специальном направлении внутреннего аудита он организуется в соответствии с запросами руководства или собственника. Изменение условий внешней или внутренней среды приводит к изменению показателей и периодичности представления отчетности. На этом этапе анализируются форматы внутренних отчетов, определяются заинтересованные субъекты.

Взаимодействие структурных подразделений при осуществлении финансово-хозяйственной деятельности предприятия сопровождается возникновением ежедневных ситуаций, требующих принятия согласованных управленческих решений. Конечно, все ситуации невозможно предусмотреть в сводном бюджете предприятия, фиксирующем только целевые показатели подразделений. От оперативности

управленческих решений зависят фактические результаты деятельности взаимодействующих структурных подразделений. Поэтому постановка эффективной системы внутреннего контроля может предполагать: во-первых, определение центров ответственности; во-вторых, децентрализацию организационной структуры предприятия.

Требования, предъявляемые к отчетности и установленным местам затрат и центрам ответственности, определяют оптимальную систему интегрированной внутренней отчетности.

Подбирая информационные источники для проверки, целесообразно составлять и периодически актуализировать базовый перечень необходимой нормативно-справочной, учетной и отчетной информации как в целом по предприятию, так и по определенному разделу программы внутреннего аудита.

Информационно-аналитическое обеспечение внутреннего аудита подразумевает сбор, обработку, а также передачу финансовой и нефинансовой информации, которая подлежит использованию для планирования и контроля деятельности подразделений, измерения и интерпретации полученных результатов. Данная информация должна характеризоваться регулярностью, своевременностью, емкостью, простотой формы и восприятия. Она может быть получена на основе учета по центрам ответственности, планирования, а также внутренней отчетности.

Интегрированная внутренняя производственная учетная информация призвана обеспечивать обоснованность решений внутренних управленческих задач. Для этого управленческий персонал должен быть обеспечен контрольно-аналитической информацией, которая должна представлять готовый информационный ресурс для принятия обоснованных управленческих решений [7].

По нашему мнению, интегрированное информационно-аналитическое обеспечение внутреннего аудита с позиции внутренней учетной

информации возможно при выполнении следующих аудиторских процедур:

- оценка достоверности и системности оперативной и управленческой информации и средств для ее обработки;
- обзорная проверка показателей внутренней отчетности на предмет соответствия плановым и бюджетным показателям, учетной политике с целью выявления существенного влияния на внутреннюю отчетность;
- обзорная проверка существования активов;
- оценка показателей эффективности использования ресурсов;
- проверка результатов хозяйственных процессов и программ на соответствие поставленным задачам.

Результаты

Предлагается для целей внутреннего аудита выделить следующие циклы: процесс заготовления, процесс производства, процесс продаж и процесс управления. Специфика финансово-хозяйственной деятельности предприятия может потребовать выделения и других циклов. Выделение бизнес-циклов хозяйственной деятельности позволит применять в ходе внутреннего аудита целенаправленное тестирование.

В процессе внутреннего аудита по каждому циклу требуются получение информации о типичных фактах хозяйственной жизни и последовательности учетных процедур циклов; выявление типов искажения информации; оценка приемлемого уровня существенности и аудиторского риска; изучение системы внутреннего контроля, характерного для каждого цикла; оценка риска неэффективности, определение набора аудиторских процедур и разработка основных рабочих документов внутреннего аудитора по каждому проверяемому циклу в отдельности.

Для достижения целей аудита отдельных циклов применимы два основных подхода: пообъектный и циклический.

1. Пообъектный подход предусматривает выделение сегментов внутреннего аудита, которые в большой степени повторяют объекты управления, финансового и управленческого учета. При данном подходе каждый факт хозяйственной жизни попадает в зону внимания внутреннего аудитора дважды, поскольку факты хозяйственной жизни затрагивают два объекта бухгалтерского учета, и рассматриваются с точки зрения наличия и функционирования пообъектных взаимосвязей. С прикладной точки зрения этот подход нельзя признать оправданным, поскольку одни и те же факты хозяйственной жизни, а следовательно, и одни и те же документы как носители информации проверяются неоднократно, увеличивая трудоемкость процесса проверки и задерживая выполнение поставленной задачи.

Это еще раз доказывает, что оптимально в качестве сегментов внутреннего аудита принимать возникающие при осуществлении фактов хозяйственной жизни взаимосвязи объектов учета, которые составляют циклы фактов хозяйственной жизни.

2. При циклическом подходе к организации внутреннего аудита в качестве сегментов выбираются циклы фактов хозяйственной жизни, характеризующие специфику финансово-хозяйственной деятельности предприятия.

Выделяемые сегменты внутреннего аудита с применением циклического подхода:

- 1) «Заготовление (приобретение)», включающий аудит процессов снабжения, хранения и выдачи товарно-материальных ценностей на производственные нужды;
- 2) «Производство», включающий аудит технологических операций и производственных процессов, порядка оприходования готовой продукции;
- 3) «Продажи», включающий аудит фактов хозяйственной жизни, связанных с продажей готовой продукции и других видов активов, приводящих к получению дохода или образованию задолженности;
- 4) «Управление», включающий аудит фактов хозяйственной жизни целенаправленного воздействия на согласованную деятельность персонала для получения результата: движение денежных средств, формирование капитала, распределение прибыли и т.п.

Выделение циклов обеспечит применение контрольных процедур идентификации бухгалтерских записей по дебету одного и кредиту другого счета, выявляя искажения. К примеру, проведение тестирования в цикле приобретения дебетовых записей по оприходованию материалов производится одновременно с тестированием кредитовых записей в цикле управления. Не случайно этот способ описан в зарубежных источниках как способ направленного тестирования [8].

Таким образом, циклический подход, устанавливая взаимосвязь между основными циклами фактов хозяйственной жизни, позволяет определить вид коммуникационной сети и разработать мероприятия по совершенствованию информационно-аналитического обеспечения.

Кроме того, в качестве сегментов внутреннего аудита рекомендуется выделять обособленные бизнес-подразделения для проверки исполнения их бюджетов, а также бизнес-единицы: цехи, производственные участки.

Подводя итог, считаем целесообразным для оценки интегрированной системы учетной информации использование предложенной методики оценки информационной базы внутреннего аудита, а также циклического подхода оптимизации применяемых контрольных процедур.

Список литературы

1. Новоселов И. В. Цели, функции и задачи внутреннего аудита российских компаний // Изв. ИГЭА. 2008. № 6. С. 19–21.
2. Федотова Е. С. Организационные аспекты построения внутреннего контроля // «...И помнит мир спасенный...»: сб. науч. тр. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. / отв. ред. Н. С. Яшин. Саратов, 2015. Т. 1. С. 238–239.
3. Вахорина М. В. Управленческая отчетность как объект внутреннего аудита // Финансовая аналитика : проблемы и решения. 2015. № 9 (243). С. 48–54.
4. Башарова О. Г., Михайлюк А. В. Управленческая отчетность в системе внутреннего контроля предприятия // Современная экономика : проблемы и решения. 2014. № 6. С. 92–99.
5. Сотникова Л. В. Методология оценки системы внутреннего контроля в аудите // Бухгалтерский учет. 2007. № 7. С. 48–52.
6. Пчелинцева Л. Б. Роль рыночных мультипликаторов в сбалансированной системе показателей стратегического контроллинга // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 1, ч. 1. С. 91–96.
7. Сметанко А. В. Классификация и характеристика принципов внутреннего аудита // Вестн. Финанс. ун-та. 2014. № 2 (80). С. 49–59.
8. Warren J. D., Parker X. Continuous Auditing : Potential for Internal Auditors. USA, The Institute of Internal Auditors Research Foundation, 2002.

Образец для цитирования:

Федотова Е. С., Пчелинцева Л. Б. Возможности внутреннего аудита для оценки интегрированной системы управленческой информации // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 291–296. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-291-296.

The Capabilities of Internal Audit to Assess the Integrated Management Information System

Elena S. Fedotova

ORCID 0000-0002-4598-255X, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radischeva str., Saratov, 410003, Russia
E-mail: fedotovaes@list.ru

Liudmila B. Pchelintseva

ORCID 0000-0002-0267-0476, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics, 89, Radischeva str., Saratov, 410003, Russia
E-mail: pchelud@yandex.ru

Introduction. Practical use of the system of internal audit has a number of difficulties, due to lack of systematic theoretical development in the field of internal audit methodology adapted to Russian conditions. In the interest of management of the enterprises in the effectiveness of internal audit there is a need to develop a system of evaluating the quality of information support. The system of indicators must allow to evaluate the degree of customer satisfaction by internal auditors work. The article proposes the use of a system of indicators for evaluation of integrated systems of internal accounting information that will identify problem areas.

Theoretical analysis. Analyzed existing system integrated internal accounting information. The research develops the scientific direction, extends its conceptual and methodological apparatus. In this paper we use such research methods as: research synthesis, observation, comparison, grouping, testing, logical analysis and synthesis. **Results.** The recommendations for improvement generated by the information system internal audit and substantiated recommendations on the assessment of the degree of adequacy of information, timeliness, completeness, validity, allowing to improve the system of internal control of the company. The practical implementation of the proposed method quantitative and qualitative evaluation of the integrated system of accounting information provides the possibility of increasing the efficiency of the internal control system of the enterprise. It is proposed that the segments of the internal audit to take arising from the implementation of the facts of economic life, the

relationship of the objects that make up the cycles of economic life facts.

Key words: business unit, responsibility center, system of internal control, management control, performance indicators.

References

1. Novoselov I. V. Objectives, functions and tasks of internal audit in Russian companies. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii* [News of Irkutsk State Economic Academy], 2008, no. 6, pp. 19–21 (in Russian).
2. Fedotova E. S. Organizational aspects of internal control. In: «...I pomnit mir spasennyi...»: *materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [«...And the rescued world remembers...». Proc. Int. sci. and pract. conf.]. Saratov, 2015, pp. 238–239 (in Russian).
3. Vahorina M. V. Management accounting as an object of internal audit. *Finansovaya analitika: problemy i resheniia* [Financial Analytics: problems and solutions], 2015, no. 9 (243), pp. 48–54 (in Russian).
4. Basharova O. G., Mihajljuk A. V. Management accounting in the system of internal control of the enterprise. *Sovremennaja ekonomika: problemy i resheniia* [Modern Economics: problems and solutions], 2014, no. 6, pp. 92–99 (in Russian).
5. Sotnikova L. V. The methodology of evaluation of the internal control system in auditing. *Bukhgalterskii uchët* [Accounting], 2007, no. 7, pp. 48–52 (in Russian).
6. Pchelintseva L. B. Role Market Multiples in Balanced Scorecard Strategic Controlling. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 1, pt. 1, pp. 91–96 (in Russian).
7. Smetanko A. V. Classification And Characteristics of the Internal Audit Principles. *Vestnik Finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], 2014, no. 2 (80), pp. 49–59 (in Russian).
8. Warren J. D., Parker X. Continuous Auditing: Potential for Internal Auditors. USA, The Institute of Internal Auditors Research Foundation, 2002.

Cite this article as:

Fedotova E. S., Pchelintseva L. B. The Capabilities of Internal Audit to Assess the Integrated Management Information System. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 291–296 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-291-296.

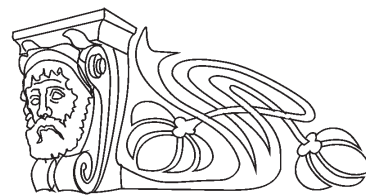

УДК 338.47

ЭТАПЫ И ИНСТРУМЕНТЫ ПРОЦЕССА ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ ТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Н. Н. Чепелева

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления предприятиями, Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия (СибАДИ), Омск
E-mail: chepelevann@mail.ru

Введение. Процесс определения состава стратегических ресурсов привлекает большое внимание современных исследователей теоретических и практических вопросов стратегического управления. Его важность обусловлена способностью обеспечивать развитие ключевых компетенций предприятий и поддерживать достигнутый уровень конкурентоспособности. Рынок автотранспортных услуг в современных условиях отличают особенности функционирования, влияющие не только на то, какие ресурсы являются для предприятия стратегическими, но и на методологию их идентификации. **Теоретический анализ.** Методология идентификации стратегических ресурсов основана на определении конкурентных преимуществ предприятия и его ключевых компетенций при использовании многофакторного сравнительного анализа. В этом вопросе большое значение имеет положение, занимаемое предприятием на рынке, обусловленное его комплексным потенциалом, или совокупностью ресурсов, определяемым с помощью интегральной оценки, и конкурентным рейтингом, подтверждаемым бенчмаркингом.

Эмпирический анализ. В статье представлено описание основных этапов процесса определения стратегических ресурсов грузовых автотранспортных предприятий как структурного элемента ресурсной стратегии с позиций интеграционно-приоритетного подхода. Обоснована необходимость применения региональной информационной системы, гарантирующей объективность получаемых результатов. **Результаты.** Результатом разработанной автором методологии идентификации стратегических ресурсов грузового автотранспортного предприятия является предложение для практического применения технологического инструментария, позволяющего после прохождения всех перечисленных в методологии этапов определить в составе ресурсов предприятия те из них, развитие и использование которых необходимы для успешной работы на рынке и удержания конкурентных позиций.

Ключевые слова: грузовое автотранспортное предприятие, стратегическое управление, ресурсная стратегия, стратегические ресурсы, ключевые компетенции.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-297-303

Введение

Стратегические ресурсы предприятия являются залогом повышения его конкурентных преимуществ. От того, насколько объективно проведен процесс определения их состава, зависит разработка мероприятий по защите или усилению динамических ключевых компетенций предприятия, которые, в свою очередь, обеспечивают конкурентный рейтинг в занимаемом предприятием рыночном сегменте. Благодаря сравне-

нию показателей различных сфер деятельности предприятия с конкурентами у него появляется возможность оценить свой комплексный потенциал – не только фактический, проявившийся, но и исходный, тот, который находится в резерве и требует выполнения действий по реализации, а, значит, и улучшению рыночных позиций, развитию деятельности.

Теоретический анализ

Все перечисленные этапы: определение состава стратегических ресурсов, идентификация конкурентных преимуществ, определение конкурентного рейтинга и оценка комплексного потенциала, являются взаимосвязанными структурными элементами ресурсной стратегии предприятия, последовательное выполнение которых представляет собой технологию ее формирования [1].

Интеграционно-приоритетный подход формирования ресурсной стратегии [2, с. 140] предполагает, что она имеет первостепенное значение в системе стратегических планов предприятия и от нее зависит формирование стратегических целей деятельности и действий по их достижению. Комплексный потенциал [3, с.1418], которым обладает предприятие в силу имеющихся в распоряжении ресурсов и участвующих в различных функциональных сферах: производства, маркетинга, науки, технологии, техники, инвестиций, инноваций, финансов и ряде других, требует своей реализации, однако имеющиеся ресурсы, как известно, всегда ограничены. Определить же направления их использования для завоевания выгодных конкурентных позиций – приоритетная задача управления. Поэтому все ресурсы рассматриваются как обеспечивающие и стратегические, от которых и зависит успех деятельности предприятия.

Состав стратегических ресурсов у каждого предприятия индивидуален. Это зависит и от особенностей деятельности, и от рыночных условий, и, конечно, от способности других предприятий конкурировать в занимаемом сегменте рынка. Поэтому для объективной оценки комплекс-

ного потенциала предприятия, конкурентного рейтинга и идентификации ключевых компетенций, позволяющих в дальнейшем выявить в составе ресурсов предприятия стратегические, необходима интеграция предприятий в едином информационном пространстве, позволяющая им достоверно определять свои конкурентные преимущества.

Таким образом, интеграционно-приоритетный подход – необходимое условие формирования и реализации ресурсной стратегии предприятия для достижения стратегических целей.

Эмпирический анализ

Определение состава стратегических ресурсов как структурный элемент ресурсной стратегии с позиций интеграционно-приоритетного подхода предполагает проведение предварительной работы, включающей несколько этапов.

Первым среди них можно выделить интегральную оценку комплексного потенциала предприятия на основе метода графов.

Под комплексным потенциалом предприятия понимается совокупность всех его стратегических, обеспечивающих и базовых ресурсов, а также степень их использования различными подразделениями и службами в определенных рыночных условиях. Поскольку все ресурсы предприятия в разной степени участвуют в различных функциональных сферах предприятия, различают несколько видов потенциала: инновационный, маркетинговый, производственный, финансовый и многие другие, которые не существуют сами по себе, а формируют его комплексный потенциал. Но для выявления состава стратегических ресурсов важно учесть все аспекты деятельности предприятия, ведь каждый из них может обеспечивать конкурентное преимущество, поэтому именно интегральная оценка дает возможность прийти к единому измерителю такого многогранного понятия, как комплексный потенциал.

Применение интегральной оценки обусловлено еще и тем, что различные виды потенциала предприятия характеризуются различной совокупностью ресурсов и показателями, отражающими их использование. Так, в работе [4, с. 162–164] финансово-имущественный потенциал грузового автотранспортного предприятия характеризуется наличием таких ресурсов предприятия, как денежные средства, запасы, финансовые вложения, дебиторская задолженность и другие, а также степень их использования, которую отражают коэффициенты текущей ликвидности, финансирования, оборачиваемости и т.п. Производственный потенциал грузового ав-

тотранспортного предприятия выражается долей подвижного состава в общем объеме основных производственных фондов и коэффициентами физического износа и обновления подвижного состава предприятия и т.д.

Большое количество разнообразных ресурсов и показателей их использования, как правило, учитывается в различных измерителях, что затрудняет и их сопоставление, и единую оценку, а интегральная оценка на основе метода графов дает такую возможность. Благодаря ей можно сравнивать и сводить к единой величине несопоставимые показатели деятельности предприятия, наличие различных ресурсов, имеющих неодинаковые измерители, прямые и обратные показатели, когда результат улучшается по мере роста или, наоборот, уменьшения исчисляемых коэффициентов, а также положительные и отрицательные величины.

Более того, данный инструмент может предполагать использование графического представления комплексного потенциала, облегчающего восприятие полученной информации, но также позволяет обходиться и только аналитическими расчетами, без построения графических моделей. Возможно также более детальное сравнение тех составляющих потенциала предприятия, которые имеют большое значение для выявления состава стратегических ресурсов.

Результаты оценки комплексного потенциала и последующее ее сопоставление с конкурентным рейтингом предприятия, о чем будет сказано далее, позволяют выявить не только исходный, но и фактически проявившийся потенциал, а, значит, можно открывать резервы использования ресурсов предприятия.

Необходимо отметить, что интегральная оценка комплексного потенциала предприятия предполагает сравнение с показателями лучших в занимаемом сегменте рынка предприятий, а это невозможно выполнить каждому предприятию самостоятельно. Согласно данным, представленным на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики по Омской области [5], в регионе на 1 января 2016 г. учтено в составе Статистического регистра хозяйствующих субъектов более 3,5 тыс. транспортных предприятий, из них подавляющее большинство – это индивидуальные предприниматели, микропредприятия и предприятия малого бизнеса.

Собрать сведения о таком большом количестве конкурентов, выявить из них путем сегментирования «реальных» конкурентов и оценить комплексный потенциал с помощью интегральной оценки на основе объективной базы сравнения силами малых предприятий не

представляется возможным. Во-первых, в связи с отсутствием самой базы сравнения, а во-вторых, по причине финансовых затруднений большинства участников рынка, которым не по карману такие крупномасштабные исследования.

В решении данной проблемы ключевую роль должны сыграть региональные органы власти, при чьей поддержке необходимо организовать региональную информационную систему. Таким образом, можно не только оказать помощь в решении стратегических задач малого бизнеса, но и решить ряд других сопутствующих проблем, например, улучшить коэффициент использования пробега, снизить количество «пробок» на дорогах за счет снижения нагрузки на дорожную сеть, сократить количество дорожно-транспортных происшествий.

О необходимости создания на научной основе таких информационных систем в крупных городах говорилось неоднократно в ряде работ, например [6, 7] и многих других. Пока же без региональной информационной системы предприятия не имеют возможности объективно оценить свой потенциал и, следовательно, выявить стратегические ресурсы, развитие которых обеспечит конкурентоспособность. Само отсутствие подобной системы делает разработку стратегических планов настолько субъективной, что делать выводы и разрабатывать стратегические мероприятия на ее основе безосновательно, поскольку отсутствует системообразующий фактор данной работы. Пока же большинство транспортных предприятий действуют на стохастической и хаотической основе, что не может обеспечивать развитие устойчивых конкурентных преимуществ и динамику ключевых компетенций.

Далее необходимо пройти этап, который, впрочем, можно выполнить одновременно с интегральной оценкой комплексного потенциала, определения конкурентного рейтинга, который является подтверждением фактически проявившегося потенциала и показывает, насколько хорошо предприятие использует имеющиеся ресурсы.

Интерес к рейтинговой оценке предприятий не снижается в различных отраслях экономики. Предприятия или стремятся сами определить рейтинг, или обращаются в специализированные рейтинговые агентства. Рейтинги применяют не только для сравнения с конкурентами и анализа финансово-хозяйственной деятельности, но и для формирования моделей устойчивого развития, кредитной политики, выбора объекта инвестирования. Но в какой бы сфере и для каких бы целей ни применялись рейтинговые оценки, практически все исследователи отмечают такие проблемы, связанные с определением рейтинга, как:

– использование для рейтинговой оценки одного показателя является недостаточным и ведет к недостоверным выводам;

– длительность процесса определения рейтинга, связанная с большим сбором информации, делает его неактуальным;

– сложность сбора достоверной информации для самостоятельного расчета конкурентного рейтинга;

– сложность привлечения экспертов для определения весовых коэффициентов значимости используемых показателей.

Поэтому технология определения конкурентного рейтинга как структурный элемент ресурсной стратегии должна подразумевать использование таких инструментов, которые позволят решать этот вопрос самостоятельно, в режиме реального времени, без финансовых затрат на привлечение экспертов или запоздалых выводов рейтинговых агентств, с использованием объективной базы сравнения, включающей ряд показателей, отражающих отраслевую специфику деятельности предприятий. При условии поддержки государственных органов управления это – региональная информационная система, в противном случае рекомендуется прибегать к данным официальной статистики.

Расчет конкурентного рейтинга (R) рекомендуется определять по формуле

$$R = \sqrt{(1-\Pi_1)^2 + (1-\Pi_2)^2 + \dots + (1-\Pi_n)^2},$$

где $\Pi_1, \Pi_2, \dots, \Pi_n$ – данные оценки потенциала предприятия, характеризующие различные функциональные сферы его использования (производство, маркетинг, финансы, инновации и т.д.).

Следующий важный этап, который необходимо пройти для того, чтобы можно было выявить состав стратегических ресурсов предприятия, – это сегментация регионального рынка грузовых автотранспортных услуг. Здесь наибольший интерес представляет, конечно, сегментация рынка в областном центре, поскольку более половины грузовых автотранспортных предприятий зарегистрированы и функционируют в Омске.

На предварительном этапе с помощью интегральной оценки комплексного потенциала определяются направления, по которым позиции предприятия сильны, и необходимо выяснить состав ключевых компетенций и вклад в их реализацию каждого вида используемых предприятием ресурсов.

Сегментация рынка проводится с помощью кластерного анализа, для которого удобно использовать программу STATISTICA. Результаты анализа покажут количество сегментов (кла-

стеров), особенности конкурентной борьбы на каждом из них в силу особенностей в составе ресурсов предприятий каждого кластера. Благодаря этому этапу появляется возможность определить «ближайших» конкурентов и прийти к пониманию того, в чем предприятия конкурируют и какими средствами можно завоевать высокий конкурентный рейтинг [8].

Предприятий малого бизнеса, занимающихся перевозкой грузов в регионе, значительное количество (около 60% всех грузовых автомобилей в Омской области принадлежит физическим лицам), а под выборочные наблюдения попадает не более половины из них; сложно сформировать реальное представление о сегментации рынка, поскольку сбор информации в подобных условиях займет много времени. Без статистических данных невозможно сделать правильные выводы о тенденциях в сфере грузовых перевозок.

Региональная информационная система, способствующая накоплению статистической информации, сегментированию рынка, выявлению конкурентных кластеров и рациональному распределению предприятий по рыночным сегментам рынка автотранспортных услуг в соответствии с их потенциалом, помогла бы эффективному управлению таким количеством небольших транспортных организаций и индивидуальных предпринимателей. Она также поможет распределить рынок между грузоперевозчиками на основе специализации, потому что невозможно все делать лучше всех. Если предприятия распределяются по сегментам рынка в соответствии с их потенциалом, то можно говорить в том числе об экономическом эффекте в масштабе региона.

При проведении кластерного анализа определяется область функционирования грузовых автотранспортных предприятий, включая и предоставляемые ими сопутствующие услуги. Оказание различных услуг на разных сегментах требует от предприятий определенного потенциала, поэтому их необходимо объединить в схожие по потенциалу группы, а затем уже в каждой идентифицировать конкурентные преимущества.

В настоящее время для этой цели можно использовать информацию, которую предприятия предоставляют в рекламе на интернет-сайтах: цена, наличие рекламаций, продолжительность сотрудничества с клиентами, репутация, рейтинг надежности в Автотрансinfo. Здесь же можно применить информацию о подвижном составе, материально-технической базе, использовании информационных технологий, а также другую информацию из открытых источников.

Итак, для сегментирования на основе кластерного анализа собираются сведения о зарегистрированных в регионе участниках рынка автотранспортных услуг: их видах деятельности, перевозках, сопутствующих услугах. В случае отсутствия в регионе информационной системы используются данные только тех предприятий, которые имеют веб-сайт. В этом случае редкие виды деятельности не используются в анализе в целях получения более крупных кластеров, что позволит упростить процесс идентификации стратегических ресурсов предприятий каждого кластера.

После получения устойчивых кластеров предприятий необходимо перейти к описанию их особенностей для получения эмоциональных, функциональных, ценовых характеристик или характеристик, связанных с основной деятельностью и дополнительным сервисом.

Анализ характеристик позволит выявить, какие из них являются обязательными для поддержания конкурентоспособного уровня, а какие конкурентными преимуществами предприятий данного кластера. Состав характеристик будет различен по той причине, что для предприятия каждого кластера важны различные особенности и показатели деятельности. Именно они являются необходимыми для привлечения клиентов, а, следовательно, ключевыми компетенциями предприятий.

Значимость каждой характеристики ранжируется в зависимости от частоты появления на веб-сайтах. Распределение характеристик в соответствии с формулой Стреджесса позволяет выделить часто встречающиеся признаки, обязательные для поддержания конкурентоспособности, и редко встречающиеся – конкурентные преимущества.

После этого необходимо определить для каждого кластера приоритетные свойства услуг и ресурсы, которые их обеспечивают. Так, например, если для предприятий полученных кластеров приоритетными являются свойства, связанные с основным предназначением предприятия, грузоперевозкой, то ресурсы, определяющие конкурентоспособность в порядке убывания важности, распределяются следующим образом: материальные, трудовые, нематериальные. Если наиболее важными свойствами будут эмоциональные, то на первый план выступают нематериальные ресурсы предприятия и т.д.

Для выполнения следующего этапа, определения ключевых компетенций в каждом сегменте рынка автотранспортных услуг, рекомендуется использовать многофакторный сравнительный анализ с привлечением экспертов. Предприятия малого бизнеса и индивидуальные предпринима-

Основание		Структурные элементы методологии ресурсной стратегии грузового автотранспортного предприятия на основе интеграционно-приоритетного подхода	
Логическая структура	объекты	совокупность ресурсов предприятия; отраслевые статистические данные (или данные региональной информационной системы о деятельности транспортных предприятий)	
	субъекты	руководители предприятия (или ЛПР); эксперты; администраторы региональной информационной системы; региональные органы власти	
предмет	комплекс спланированных действий по определению состава стратегических ресурсов предприятий		форма
	перечень стратегических ресурсов предприятия по убыванию степени вклада в развитие ключевых компетенций		
подход		интеграционно-приоритетный	
Этапы, технология и инструменты		Структурные элементы методологии ресурсной стратегии грузового автотранспортного предприятия на основе интеграционно-приоритетного подхода	
I	Интегральная оценка комплексного потенциала	<p>метод графов: $\Pi_i = (Y_1/2 + Y_2 + \dots + Y_n/2)/(n-1)$, где Y_1, Y_2, \dots, Y_n – расчетные величины i-го вида потенциала (от 1 до n); для «прямых» показателей: $Y_i = \Pi_{ij}/\Pi_{ijmax}$, здесь Π_{ij} – значения j-го показателя, используемого для расчета i-го вида потенциала, а для «обратных»: $\Pi_i = (\Pi_{ijmax} - \Pi_{ij})/\Pi_{ijmax}$</p>	<p>объекты</p>
II	Определение конкурентного рейтинга	<p>бенчмаркинг: $R = \sqrt{(1 - \Pi_j)^2 + (1 - \Pi_2)^2 + \dots + (1 - \Pi_n)^2}$</p>	<p>субъекты</p>
III	Сегментирование рынка автотранспортных услуг	<p>кластерный анализ с использованием программы STATISTICA: определение кластеров предприятий, использование формулы Стресса для определения конкурентных характеристик каждого кластера: $k = 1 + 3,322 \lg N$, определение длины интервала: $h = (x_{max} - x_{min}) / k$</p>	<p>предмет</p>
IV	Идентификация ключевых компетенций	<p>многофакторный сравнительный анализ: определяется соответствие между потенциалом и свойствами АГУ; составляются парные отношения: свойства АГУ и материальные ресурсы – {XY}, материальные и нематериальные ресурсы в части способностей – {YZ} и нематериальные ресурсы в части способностей и компетенций – {ZC}.</p> <p>$\{x_{r,z_j}\} = (\sum_k X_{ik} \cdot Y_{z_{kj}}) / \sum_k X_{ik}$</p>	<p>комплекс спланированных действий по определению состава стратегических ресурсов предприятий</p>
Определение состава стратегических ресурсов		форма	
Определение состава стратегических ресурсов грузового автотранспортного предприятия как структурный элемент ресурсной стратегии		перечень стратегических ресурсов предприятия по убыванию степени вклада в развитие ключевых компетенций	
The determination of transport company's strategic resources composition as a structural element of the resource strategy		интеграционно-приоритетный	

тели, составляющие в 2014 г. более 95% от числа всех участников рынка, не в состоянии регулярно обращаться к их услугам. При условии использования региональной информационной системы это реально внедрить в практику.

Так, в Омске в 2013 г. в результате сегментирования рынка автотранспортных услуг было выявлено 4 кластера предприятий [8], каждому из которых были присущи различные ключевые компетенции, о которых предприятия заявляли на своих сайтах. Проблема в том, что около половины предприятий, занимающихся грузовыми перевозками в Омске, не имеют веб-сайтов, поэтому определить ключевые компетенции всех участников рынка невозможно в силу отсутствия информации об их деятельности и комплексном потенциале. В таких условиях говорить о четкой картине состояния рынка и конкурирующих предприятий не представляется возможным. Более того, сам процесс стратегического планирования не имеет объективной основы, так как невозможно определить свои ключевые компетенции, не зная их состава у конкурентов, не владея информацией об их точном количестве и тем более о составе стратегических ресурсов. Это в целом усложняет работу по формированию ресурсной стратегии, так как реализация ее мероприятий вызывает в данном случае серьезные трудности.

Результаты

После выполнения перечисленных выше необходимых условий и прохождения представленных этапов можно определить состав стратегических ресурсов предприятий (схема). В большей степени этому помогает интегральная оценка комплексного потенциала предприятия, помогающая увидеть, что из состава ресурсов предприятия лучше реализовано и обеспечило устойчивые конкурентные преимущества за счет формирования ключевых компетенций. Это, как правило, служит основанием для занятого предприятием конкурентного рейтинга.

На схеме продемонстрирован процесс определения стратегических ресурсов предприятия, предполагающий выполнение последовательных этапов для достижения поставленной цели.

Как видно из схемы, технология их идентификации предполагает использование различных инструментов и выполнение определенных условий, способствующих получению обоснованных выводов на основе объективных сведений, что в целом приведет к повышению эффективности

процесса формирования и реализации ресурсной стратегии грузового автотранспортного предприятия на основе интеграционно-приоритетного подхода. Также хотелось бы отметить важность использования в данном процессе современных информационных технологий и графического представления полученных результатов, способствующих ускорению восприятия информации и корректировке стратегических планов. Поскольку информация на веб-сайтах предприятий может быть отрывочна, для определения стратегических ресурсов и создания региональной информационной системы можно было бы рассмотреть возможность использования системы ПЛАТОН, позволяющей отслеживать пробег и маршруты движения транспорта.

Список литературы

1. *Чепелева Н. Н.* Структурные элементы методологии ресурсной стратегии автотранспортного предприятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, № 3, ч. 2. С. 444–450.
2. *Чепелева Н. Н.* Специфика формирования ресурсной стратегии грузового автотранспортного предприятия на основе интеграционно-приоритетного подхода // Вестн. Омск. ун-та. Сер. «Экономика». 2013. № 2. С. 137–142.
3. *Чепелева Н. Н.* Моделирование процесса формирования ресурсной стратегии автотранспортного предприятия // Архитектура, строительство, транспорт : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (к 85-летию ФГБОУ ВПО «СибАДИ»). Омск : Изд-во СибАДИ. 2015. С. 1416–1423.
4. *Ромицына А. В., Чепелева Н. Н.* Интегральная оценка экономического потенциала предприятий грузового автомобильного транспорта // Труды аспирантов и студентов ГОУ «СибАДИ» : сб. науч. тр. Омск : СибАДИ, 2011. Вып. 8. С. 159–165.
5. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Омской области : [сайт]. URL: <http://omsk.gks.ru> (дата обращения: 26.08.2016).
6. *Хмельницкий А. Д.* Комплекс регуляторов и механизмов функционирования автотранспортного комплекса в крупных городах // Вестн. МАДИ. 2014. № 2 (37). С. 52–59.
7. *Персианов В. А., Орлюк А. А., Сакульева Т. Н.* Государственное регулирование на транспорте : сквозь призму общественного блага // Транспорт : наука, техника, управление. 2015. № 3. С. 15–19.
8. *Чепелева Н. Н.* Определение кластеров конкурирующих предприятий регионального рынка автотранспортных услуг // Омск. науч. вестн. Сер. Общество. История. Современность. 2013. № 2 (116). С. 69–72.

Образец для цитирования:

Чепелева Н. Н. Этапы и инструменты процесса определения стратегических ресурсов транспортного предприятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 297–303. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-297-303.

Stages and Tools of Transport Company's Strategic Resources Determination

Natalia N. Chepeleva

ORCID 0000-0002-5696-8382,

Siberian State Automobile and Highway Academy (SibADI),

5, Mira avenue, Omsk, 644080, Russia

E-mail: chepelevann@mail.ru

Introduction. The process of determining the strategic resources' composition attracted much attention of modern theoretical and practical issues of strategic management researchers. Its importance is due to the ability to ensure the development of enterprises' core competencies and maintain the achieved competitiveness level. Transport services market in today's conditions are marked of different features of functioning, affecting not only the company's strategic resources, but also the methodology for their identification. **Theoretical analysis.** Strategic resources' identification methodology is based on determining the company's competitive advantages and its core competencies by using multivariate comparative analysis. In this issue the enterprise market position is great importance, due to its complex potential, or a collection of resources, defined with the help of an integrated assessment and competitive rating confirms benchmarking. **Empirical analysis.** The article describes the main stages of determining process the freight transport companies' strategic resources, as a structural element of the resource strategy from the viewpoint of integration-and priority approach. The necessity of the regional information system's application to ensure the objectivity of the results is substantiated. **Results.** The result developed by the author methodology of the freight transport company's strategic resources identifying is a proposal for the practical application of technological tools that allow after passing all the above in the methodology steps to define a part of the enterprise resource those development and use of which is necessary for market successful work and retain the competitive position.

Key words: freight transport company, strategic management, resource strategy, strategic resources, core competencies.

References

1. Chepeleva N. N. Elements of Freight Transport Company Resource Strategy's Methodology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, no. 3, pt. 2, pp. 444–450 (in Russian).
2. Chepeleva N. N. Resource strategy of cargo transport enterprise: integration-and-priority approach. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* [Herald of Omsk University. Series «Economics»], 2013, no. 2, pp. 137–142 (in Russian).
3. Chepeleva N. N. Modelirovaniye protsessa formirovaniya resursnoi strategii avtotransportnogo predpriyatiya [Modeling of the Motor Transport Enterprise Resource Strategy's Formation]. *Arkhitektura, stroitel'stvo, transport: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Architecture. Building. Transport. Proc. Int. sci. and pract. conf.]. Omsk, 2015, pp. 1416–1423 (in Russian).
4. Romitsyna A. V., Chepeleva N. N. Integral'naya otsenka ekonomicheskogo potentsiala predpriyatiy gruzovogo avtomobil'nogo transporta [Integrated assessment of the freight transport companies' economic potential]. *Trudy aspirantov i studentov GOU «SibADI»: sbornik nauchnykh trudov* [Articles of graduate students and students of SibADI. Coll. of sci. papers]. Omsk, 2011. Iss. 8, pp. 159–165 (in Russian).
5. Territorial'nyi organ Federal'noi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Omskoi oblasti (Territorial Agency of Federal State Statistics Service in Omsk Region. Site). Available at: <http://omsk.gks.ru> (accessed 26 August 2016) (in Russian).
6. Khmel'nitskiy A. D. Complex of regulators and mechanisms of motor transport business functioning in big cities. *Vestnik MADI*, 2014, no. 2 (37), pp. 52–59 (in Russian).
7. Persianov V. A., Orlyuk A. A., Sakulyeva T. N. Gosudarstvennoe regulirovanie na transporte: skvoz' prizmu obschestvennogo blaga [State Regulation on Transport: Through a Prism of the Public Benefit]. *Transport: nauka, tekhnika, upravlenie* [Transport: Science. Technics. Management], 2015, no. 3, pp. 15–19 (in Russian).
8. Chepeleva N. N. Opredelenie klasterov konkuriruiuschikh predpriyatiy regional'nogo rynka avtotransportnykh uslug [Definition of the regional transport services market competing enterprises' clusters]. *Omskiy nauchnyi vestnik. Ser. Obschestvo. Istoriya. Sovremennost'* [Omsk Scientific Bulletin. Ser. Society. History. Modernity], 2013, no. 2 (116), pp. 69–72 (in Russian).

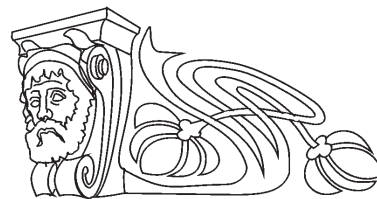
Cite this article as:

Chepeleva N. N. Stages and Tools of Transport Company's Strategic Resources Determination. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 297–303 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-297-303.

УДК 330

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РФ

Т. И. Солодкая

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры финансов и кредита, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: solti2005@yandex.ru

М. А. Новоселова

аспирант кафедры финансов и кредита, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mariya_nov@mail.ru

Введение. В условиях, когда ведущие мировые экономики переживают переход от двухвековой экономической модели, основанной на ресурсах и капитале, к экономической модели, базирующейся на технологиях и знаниях, определяющим для экономики страны становится уровень ее инновационного развития, одним из ведущих факторов которого является эффективность образовательной системы как страны в целом, так и ее регионов. **Теоретический анализ.** Традиционно в исследованиях российских ученых используется рейтинговая модель инновационного развития регионов, позволяющая проводить ранжирование регионов, но не обладающая аналитическими и прогностическими возможностями. В отличие от рейтинговой модели, в настоящей статье проводится исследование влияния факторов, характеризующих влияние образовательной системы на показатели инновационного развития регионов.

Эмпирический анализ. Проведен эконометрический анализ влияния характеристик образовательной системы на показатели инновационного развития регионов Российской Федерации методом корреляционно-регрессионного анализа, показатели нормированы и агрегированы в 8 групп, построены парные уравнения регрессии показателей инновационного развития и выявлено наличие статистической положительной связи между рядом показателей инновационного развития регионов и образовательной системы. **Результаты.** Показано, что сложность количественной интерпретации статистической связи между явлениями «образовательная система региона – инновационное развитие региона» обусловлена объективно низким общим уровнем инновационного развития большинства регионов, по сравнению с регионами-лидерами, а также наличием высокой степени коррелированности данных для описания образовательной системы регионов России.

Ключевые слова: образовательная система, инновационное развитие регионов, эконометрический анализ.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-304-310

Введение

В современных условиях, когда ведущие мировые экономики переживают переход от двухвековой экономической модели, основанной на ресурсах и капитале, к экономической модели, базирующейся, главным образом, на технологиях

и знаниях, эффективность образовательной системы становится одним из ведущих факторов, определяющих уровень инновационного развития как страны в целом, так и ее регионов.

Поиск наиболее эффективных механизмов и инструментов взаимодействия университетов и территорий, вопросы измерения вклада университетов в региональное экономическое развитие и анализ факторов, оказывающих влияние на инновационное развитие регионов, являются одним из актуальных научных направлений исследования. Поэтому вопросы исследования и обсуждения влияния образовательной системы на инновационное развитие регионов в настоящее время являются дискуссионными и востребованными.

Теоретический анализ

Влияние образовательной системы региона и ее вклад и вовлеченность в его инновационное региональное развитие отражают специфику инновационных процессов, происходящих в регионе, и ключевых функций университетов [1, 2].

В исследованиях российских ученых для анализа этих взаимоотношений традиционно используются рейтинговые модели инновационного развития регионов [3]. Они позволяют ранжировать регионы по уровню их инновационного развития, но не обладают аналитическими и прогностическими возможностями. Для выявления силы влияния образовательной системы региона на его инновационное развитие необходимо определить факторы и протестировать воздействие каждого из них на уровень этого развития [4].

В отличие от рейтинговой модели, в настоящей статье проводится эконометрический анализ влияния факторов, характеризующих образовательную среду, на показатели инновационного развития регионов.

Для выявления характера влияния образовательной системы региона на уровень его инновационного развития были использованы показатели базы данных «Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования» Министерства образования и науки Российской Федерации [5] и Центральной базы статистических данных Росстата [6].

Уровень инновационного развития региона можно описать системой показателей из Центральной базы статистических данных Росстата, характеризующих различные стороны этого сложного явления:

- Y_1 – объем инновационных товаров;
- Y_2 – количество патентов;
- Y_3 – доля высокотехнологичных отраслей;
- Y_4 – создание передовых технологий;
- Y_5 – патентная активность;
- Y_6 – прирост инвестиций.

В качестве показателей, наиболее полно по совокупности характеризующих образовательную систему региона, были выбраны следующие восемь индикаторов:

- 1) X_1 – общая численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, слушателей программ дополнительного профессионального образования, среднего профессионального образования;
- 2) X_2 – число предприятий, с которыми заключены договоры на подготовку специалистов; число предприятий, являющихся базами практики, с которыми оформлены договорные отношения;
- 3) X_3 – общий объем средств, поступивших (за отчетный год) от выполнения НИОКР собственными силами;
- 4) X_4 – общее количество публикаций организации в расчете на 100 НПП;
- 5) X_5 – количество бизнес-инкубаторов, технопарков, центров коллективного пользования научным оборудованием;
- 6) X_6 – количество малых предприятий;
- 7) X_7 – общая численность аспирантов (адъюнктов), интернов, ординаторов, ассистентов-стажеров, докторантов;
- 8) X_8 – общая численность ППС (без внешних совместителей и работающих по договорам

ГПХ), общая численность научных работников (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ).

Исходной базой для отбора показателей, характеризующих образовательную систему в регионе, являлись «Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования» Министерства образования и науки Российской Федерации.

Для исследования были отобраны 78 регионов РФ, за исключением Москвы, Московской области, Крыма, Севастополя и других регионов, не имеющих полного набора данных.

Эмпирический анализ

Исследование влияния образовательных систем регионов Российской Федерации на уровень их инновационного развития проводилось методом корреляционно-регрессионного анализа.

Так как показатели в агрегированных группах имеют различные единицы измерения, то использовалась стандартная процедура линейного преобразования в относительные величины с помощью выражения [7–9]:

$$\hat{X} = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad \hat{Y} = \frac{Y - Y_{\min}}{Y_{\max} - Y_{\min}}.$$

Унификация показателей по шкале измерения [0;1] проводится таким образом, что значение «ноль» соответствует самому низкому качеству по данному свойству, а значение «единица» – самому высокому. Полученные результаты были сведены в таблицу для 78 субъектов РФ.

В табл. 1 представлены выборочные данные по регионам РФ, отражающие значение показателя производства инновационных товаров региона от самого высокого к самому низкому.

Таблица 1/Table 1

Нормированные значения объема инновационных товаров Y_1 и показателей образовательной системы X_1 – X_8 по регионам РФ в 2016 г.
Standardized values of the volume of innovative goods Y_1 and indicators of the educational system X_1 – X_8 by regions of the Russian Federation in 2016

Регионы РФ	Y_1	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
Республика Татарстан	1,00	0,50	0,46	0,27	0,20	0,26	0,70	0,28	0,35
Самарская область	0,62	0,34	0,40	0,17	0,16	0,10	0,41	0,21	0,23
Санкт-Петербург	0,56	1,00	1,00	1,00	0,38	0,30	1,00	1,00	1,00
Нижегородская область	0,49	0,29	0,53	0,17	0,16	0,10	0,08	0,21	0,23
Республика Башкортостан	0,37	0,32	0,33	0,07	0,16	0,08	0,26	0,23	0,23
Вологодская область	0,29	0,06	0,19	0,00	0,04	0,01	0,02	0,01	0,04
Ростовская область	0,29	0,41	0,76	0,17	0,22	0,19	0,33	0,26	0,33
Свердловская область	0,27	0,38	0,43	0,17	0,22	0,22	0,67	0,21	0,29
Пермский край	0,25	0,23	0,19	0,14	0,14	0,15	0,21	0,19	0,17
Сахалинская область	0,24	0,02	0,01	0,00	0,00	0,04	0,02	0,00	0,01
Липецкая область	0,17	0,07	0,10	0,00	0,05	0,02	0,02	0,02	0,05

Окончание табл. 1

Регионы РФ	Y_1	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
Республика Мордовия	0,09	0,08	0,04	0,03	0,03	0,03	0,01	0,07	0,07
Ульяновская область	0,08	0,12	0,11	0,03	0,07	0,02	0,13	0,06	0,07
Хабаровский край	0,07	0,17	0,22	0,02	0,05	0,25	0,21	0,08	0,11
Брянская область	0,06	0,09	0,15	0,01	0,09	0,04	0,11	0,02	0,05
Ярославская область	0,04	0,11	0,11	0,03	0,12	0,04	0,31	0,08	0,08
Калужская область	0,03	0,05	0,07	0,00	0,04	0,01	0,05	0,01	0,04
Астраханская область	0,02	0,13	0,06	0,01	0,04	0,07	0,33	0,08	0,07
Краснодарский край	0,01	0,24	0,67	0,04	0,10	0,08	0,12	0,19	0,15
Республика Адыгея	0,01	0,03	0,02	0,00	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02

Объем инновационных товаров по регионам РФ представлен на рис. 1. Как видно из данных табл. 1 и рис. 1, лишь 5,1% территорий имеют значение показателя производства инновационных

товаров Y_1 выше 0,4 (Санкт-Петербург, Новгородская область, Самарская область, Республика Татарстан); 7,7% – от 0,2 до 0,4 и остальные 87,2% – значение, близкое к нулю.

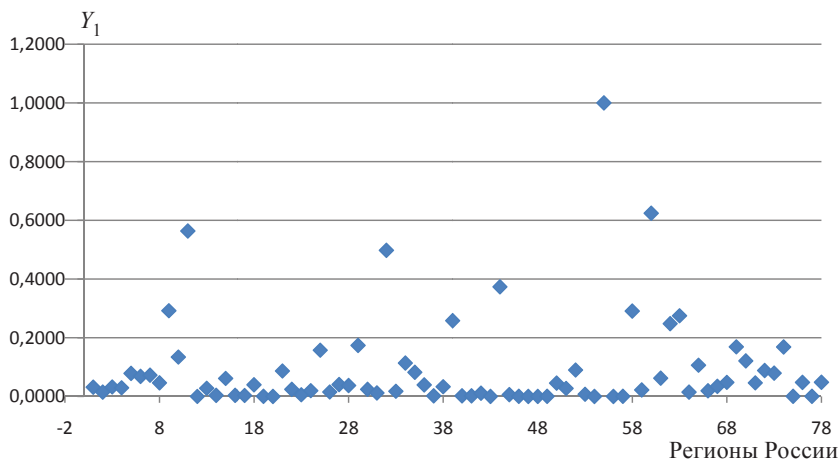

Рис. 1 Объем инновационных товаров по регионам РФ
Fig. 1. Volume of innovative goods by regions of the Russian Federation

К особенностям рассматриваемой задачи относится низкая степень развития большинства реги-

онов как по показателям инновационного развития, так и по показателям образовательной среды (рис. 2).

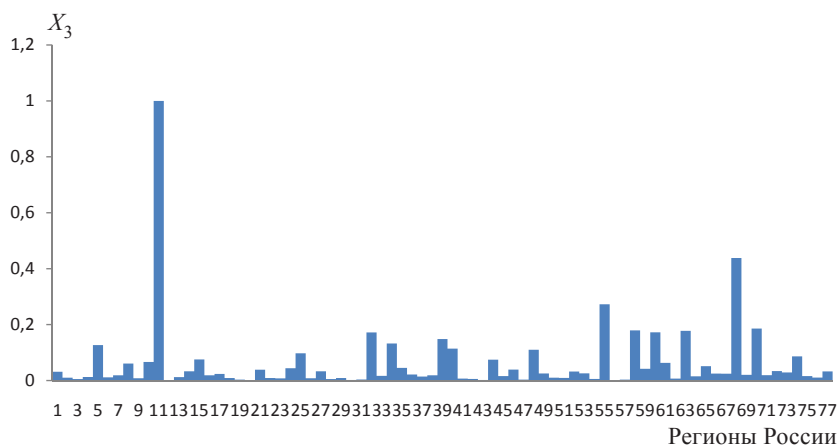

Рис. 2. Сравнение регионов РФ по величине общего объема средств, поступивших от выполнения НИОКР собственными силами
Fig. 2. Comparison of the regions of the Russian Federation in terms of the total amount of received R&D funds

Анализ матрицы парных коэффициентов корреляции показателей, характеризующих образовательную среду (X_1, \dots, X_8), вы-

явил высокую степень их коррелированности, т.е. наличие мультиколлинеарности в данных (табл. 2).

Таблица 2/Table 2

Матрица парных коэффициентов корреляции показателей образовательной системы для регионов РФ в 2016 г.
Matrix of paired correlation coefficients of educational system indicators for the regions of the Russian Federation in 2016

1							
0,877434	1						
0,837314	0,664471	1					
0,549051	0,502308	0,376371	1				
0,490132	0,433397	0,361409	0,904379	1			
0,801936	0,669718	0,71909	0,535504	0,54533	1		
0,957683	0,830543	0,904005	0,546864	0,46737	0,748534	1	
0,979881	0,843218	0,907457	0,530826	0,466905	0,776002	0,983445	1

Поскольку наличие явления мультиколлинеарности в данных не позволяет провести интерпретацию коэффициентов множественной регрессии, нами был выбран показатель X_1 – общая численность студентов, обучающихся по всем программам, – и построены парные уравнения

регрессии показателей инновационного развития территорий от указанного признака.

Полученные зависимости представлены на рис. 3–5 и наглядно свидетельствуют о наличии положительной связи между изучаемыми показателями.

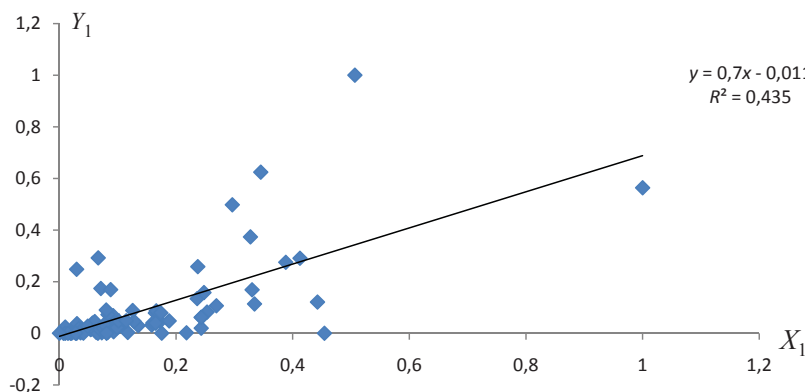

Рис. 3. Линейная регрессионная зависимость объема инновационных товаров $Y_1(X_1)$
Fig. 3. Linear regression dependence of the volume of innovative goods $Y_1(X_1)$

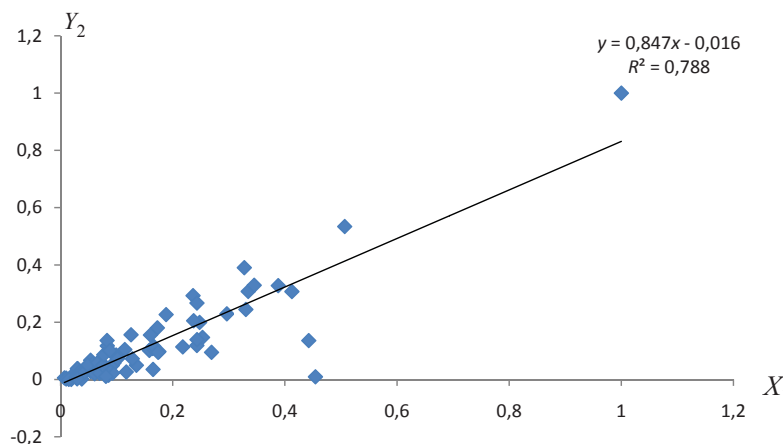

Рис. 4. Линейная регрессионная зависимость числа патентов $Y_2(X_1)$
Fig. 4. Linear regression dependence of the number of patents $Y_2(X_1)$

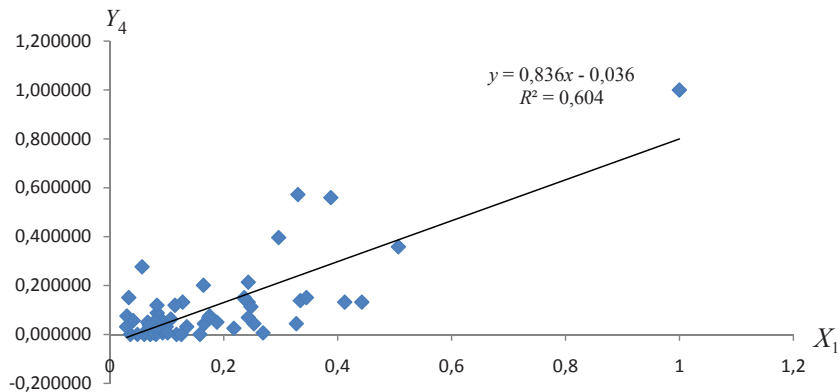

Рис. 5. Линейная регрессионная зависимость числа передовых технологий $Y_4(X_1)$
Fig. 5. Linear regression dependence of the number of advanced technologies $Y_4(X_1)$

Лишь для двух показателей: Y_3 – доля высокотехнологичных отраслей в регионах и Y_6 – прирост инвестиций коэффициент детерминации $R^2 \sim 0$ и корреляционной зависимости выявлено не было. Среднее значение $Y_3 = 0,38$, а среднее значение показателя $Y_6 = 0,46$.

Показатель X_1 – количество студентов, по нашему мнению, является определяющим в характеристиках образовательной системы с точки зрения распространения явления «образование» в

среде. Именно поэтому он был выбран в качестве независимой переменной при построении уравнений парной линейной регрессии.

Еще более убедительно наличие положительной связи между явлениями «образование – инновационное развитие» демонстрируют регрессионные зависимости показателей инновационного развития, например, Y_1 – объема инновационных товаров в регионе от интегрального показателя образовательной системы $INTX$ (рис. 6).

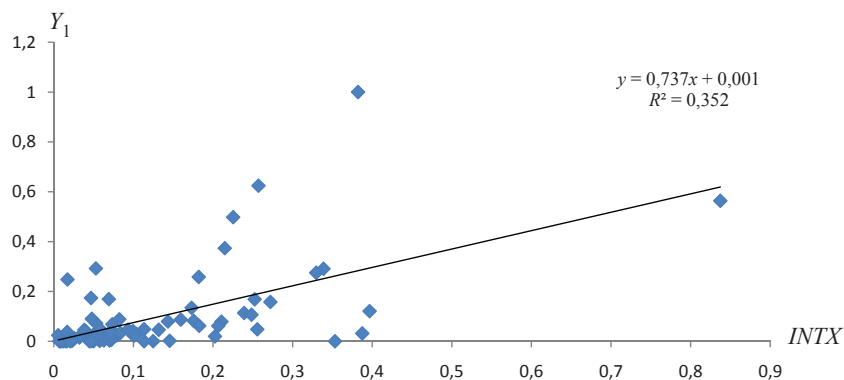

Рис. 6. Регрессионная зависимость объема инновационных товаров от интегрального показателя образовательной системы

Fig. 6. Regression dependence of the volume of innovative goods on the integral index of the educational system

Значения интегрального показателя образовательной среды $INTX$ получали суммированием всех показателей X_i с равными весами для каждой территории:

$$INTX = \frac{\sum X_i}{8}$$

Выбор одинаковых весов объясняется поставленной задачей: выявить наличие статистической связи между явлениями в первом приближении, на качественном уровне. Данные рис. 6 наглядно демонстрируют, что низкое значение коэффициен-

та детерминации $R^2 = 0,352$ объективно связано с наличием трех–четырех регионов с «аномально» высоким, по сравнению с общим низким, уровнем инновационного развития. Такой тип дифференциации регионов, к сожалению, характерен для современной России не только в области образования и инноваций.

Результаты

Проведенные исследования выявили наличие статистической положительной связи между рядом показателей инновационного развития

регионов и характеристиками образовательной системы, в том числе и с интегральным показателем. Сложность количественной интерпретации статистической связи между явлениями «образовательная система региона – инновационное развитие региона» связана с объективно низким уровнем инновационного развития большинства регионов и наличием высокой мультиколлинерности в данных, предоставляемых органами государственной статистики для описания образовательной системы регионов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00582).

Список литературы

1. Перфильева О. В. Университеты и региональное развитие : теоретический анализ и методология исследования // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2014. Т. 14, вып. 3. С. 479–488.
2. Челнокова О. Ю., Фирсова А. А. Типология подходов к анализу влияния университета на инновационное развитие региона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 4, ч. 1. С. 578–583.
3. Коцюбинский В. А., Еремкин В. А. Измерение уровня инновационного развития : мировая практика и российский опыт. М., 2014. 194 с.
4. Фирсова А. А., Новоселова М. А. Факторы, влияющие на академическое взаимодействие образования, науки и бизнеса // Территория науки. 2016. № 6. С. 33–38.
5. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования / Главный информационно-вычислительный центр. Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo> (дата обращения: 23.10.2016).
6. Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 23.10.2016).
7. Солодкая Т. И., Мавзовин В. С. Математическое моделирование риска и эффективности в экономике // Математическое моделирование в экономике и управлении рисками : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Саратов. 2014. С. 120–125.
8. Солодкая Т. И., Митрюхина А. С. Моделирование интегрального индикатора социально-экономического развития региона с использованием современных информационно-компьютерных технологий // Информационные технологии в образовании : сб. тр. XVII Междунар. конф.-выставки. Ч. 5. ИКТ в учебном процессе. М., 2007. С. 73–75.
9. Выгодчикова И. Ю. Алгоритм оценки параметров линейной множественной модели регрессии по минимаксному критерию // Прикладная информатика. 2015. Т. 10, № 4 (58). 2015. С. 105–116.

Образец для цитирования:

Солодкая Т. И., Новоселова М. А. Эконометрический анализ влияния образовательной системы на инновационное развитие регионов РФ // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 304–310. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-304-310.

Econometric Analysis of Educational System Influence on Innovative Development of Regions of the Russian Federation

Tatiana I. Solodkaya

ORCID 0000-0003-4429-8956,
Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: solti2005@yandex.ru

Mariya A. Novoselova

ORCID 0000-0003-0127-0822,
Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: mariya_nov@mail.ru

Introduction. In conditions when the leading world economies are experiencing a transition from a two-century economic model based on resources and capital to an economic model based on technologies and knowledge, the level of innovation development becomes the determining factor for the country's economy, one of the leading factors of which is the effectiveness of the educational system as The country as a whole, and its regions. **Theoretical analysis.** Traditionally, the research of Russian scientists uses the rating model of innovative

development of regions, which allows for ranking regions, but does not have analytical and predictive capabilities. In contrast to the rating model, this article investigates the influence of factors characterizing the influence of the educational system on the indicators of innovative development of the regions. **Empirical analysis.** Econometric analysis of the influence of the characteristics of the educational system on the indicators of innovative development of the regions of the Russian Federation by the method of correlation-regression analysis was conducted, the indicators were normalized and aggregated into 8 groups, paired equations of regression of innovation development indicators were revealed and a statistical positive relationship between a number of indicators of innovative development of regions and the educational system was revealed. **Results.** It is shown that the complexity of the quantitative interpretation of the statistical connection between the phenomena “educational systems of the region - innovative development of the region” is associated with the objectively low overall level of innovation development in most regions in comparison with the leading regions, and the high degree of correlation of data for describing the educational system of Russian regions.

Key words: educational system, innovative development of regions, econometric analysis.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 16-06-00582).

References

1. Perfilieva O. V. Universities and Regional Development: Qualitative Research Theory and Methodology. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2014, vol. 14, iss. 3, pp. 479–488 (in Russian).
2. Chelnokova O. Yu., Firsova A. A. The Approaches to the Analysis of the University Influence on Regional Development. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 578–583 (in Russian).
3. Kotsyubinsky V. A., Eremkin V. A. Izmerenie urovnia innovatsionnogo razvitiia: mirovaia praktika i rossiiskii opyt [Measuring the level of innovation development: world practice and Russian experience]. Moscow, 2014. 194 p. (in Russian).
4. Firsova A. A., Novoselova M. A. Faktory, vliiaushchie na akademicheskoe vzaimodeistvie obrazovaniia, nauki i biznesa [Factors affecting the academic interaction of education, science and business]. *Territoria nauki* [The territory of science], 2016, no. 6, pp. 33–38 (in Russian).
5. Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniia monitoringa effektivnosti deiatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniia / Glavnyi informatsionno-vychislitel'nyi tsentr. Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii (Information and analytical materials on the results of monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education / Main information and computing center. Ministry of Education and Science of the Russian Federation). Available at: <http://indicators.miccedu.com/monitoring/?m=vpo> (accessed 23 October 2016) (in Russian).
6. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoi statistiki (The Federal State Statistics Service. Site). Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (accessed 23 October 2016) (in Russian).
7. Solodkaya T. I., Mavzovin V. S. Mathematical Modeling of Risk and Efficiency in the Economy. *Matematicheskoye modelirovaniye v ekonomike i upravlenii riskami: materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-praktichskoi konferentsii* [Mathematical modeling in economics and risk management. Proc. III Int. sci. and pract. conf.]. Saratov, 2014, pp.120–125 (in Russian).
8. Solodkaya T. I., Mitrukhnina A. S. Modelirovanie integral'nogo indikatora sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiia regiona s ispol'zovaniem sovremennykh informatsionno-komp'yuternykh tekhnologii [Modeling of integral indicator of social and economic development of the region using modern information and computer technologies]. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii: sbornik trudov XVII Mezhdunarodnoi konferentsii-vystavki* [Information Technologies in Education. Proc. of the XVII Int. conf.-exhibition.]. Pt 5. ICT in the educational process. Moscow, 2007, pp. 73–75 (in Russian).
9. Vygodchikova I. Yu. Algoritm otsenki parametrov lineinoy mnozhestvennoi modeli regressii po minimaksnomu kriteriiu [Estimating the parameters of a multiple linear regression model according to the minimax criterion]. *Prikladnaia informatika* [Applied Informatics], 2015, vol. 10, no. 4 (58), pp. 105–116 (in Russian).

Cite this article as:

Solodkaya T. I., Novoselova M. A. Econometric Analysis of Educational System Influence on Innovative Development of Regions of the Russian Federation. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 304–310 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-304-310.

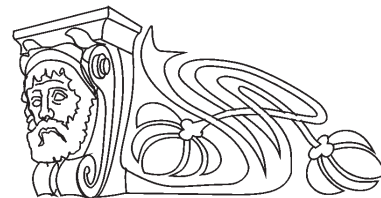

УДК 330

СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКОВ И СТРУКТУРЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

А. А. Фирсова

доктор экономических наук, заведующая кафедрой
банковского дела, Саратовский национальный
исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: a.firsova@rambler.ru

Введение. Важнейшей частью стратегии инновационного развития экономики сегодня является развитие механизмов финансирования инновационной деятельности. Российская специфика обуславливает пристальное внимание к анализу проблем финансирования инновационной деятельности, так как от финансовой поддержки в значительной степени зависит успех инновационной деятельности. **Теоретический анализ.** Анализ современных форм, методов, способов финансирования российских инновационных предприятий выявляет структурную диспропорцию между источниками финансирования инноваций, высокую долю государственного сектора, недостаточное развитие рынка венчурного капитала и частных инвестиций, слабое развитие долгосрочных инструментов инвестирования фондового рынка как источника финансирования инновационных проектов и отсутствие стимулов инвестировать частный капитал в инновации из-за высоких имманентных инновационных рисков и наличия других сфер более выгодного размещения капитала. **Эмпирический анализ.** В статье проанализирована динамика показателей финансирования инноваций на макроуровне за последние 20 лет, приведена характеристика основных показателей инновационной деятельности Республики Татарстан, Кировской области, Саратовской области, Пермского края и Пензенской области, проведен анализ финансовых результатов инновационных предприятий этих регионов, их структуры активов и пассивов. **Результаты.** Основным источником финансирования инновационных предприятий, подтверждающая общероссийские тенденции, остается собственный капитал, который составляет в среднем 44% пассивов инновационных предприятий. Банковские кредитные ресурсы и возможности проектного финансирования инновационных проектов остаются недоступными для большинства предприятий. **Ключевые слова:** финансирование инновационной деятельности, структура источников финансирования, инновационные предприятия, региональная экономика.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-311-317

Введение

Поиск факторов роста в структуре современного технологического уклада экономики России, выздоровление от «голландской болезни» и «ресурсного проклятия», формирование высокотехнологичной экономики и повышение инновационной активности отечественных предприятий являются одними из ключевых направлений российской государственной политики.

Мировой экономической наукой доказано, что вклад инноваций в рост ВВП может достигать 50–75% [1]. Важнейшей частью стратегии инновационного развития российской экономики сегодня является развитие механизмов финансирования инновационной деятельности.

Российская специфика инновационной деятельности обуславливает пристальное внимание к анализу проблем финансирования инновационной деятельности, так как от финансовой поддержки в значительной степени зависит ее успех.

Теоретический анализ

В экономически развитых странах расходы на научные исследования и разработки достигают 4,8% ВВП, например в Израиле – 4,86% ВВП, Финляндии – 4,01%, Швеции – 3,75%, Японии – 3,42% и Кореи – 3,37%. При этом доля государства в этих расходах составляет в среднем 25–35%. Остальные средства предоставляет частный сектор. В России в структуре источников финансирования инноваций наблюдается зеркально противоположная тенденция, доля бюджетных средств продолжает увеличиваться с 60% в 1995 г. до 67% в 2016 г.

С точки зрения экономической безопасности минимальное значение расходов на НИОКР по отношению к ВВП составляет 2%. В соответствии с рекомендациями Международного академического совета (Inter Academy Council), для развивающихся стран доля расходов на науку должна составлять не менее 1,0–1,5% от ВВП [2]. Динамика показателей финансирования инноваций из средств федерального бюджета в России приведена в табл. 1.

Несмотря на позитивный тренд роста объемов государственного бюджетного финансирования инноваций за последние 20 лет в 25 раз в абсолютном выражении, в 2 раза в процентах к ВВП, запуск 11 федеральных целевых программ с приоритетами развития высоких технологий, создание механизмов для поддержки развития новых инновационных компаний и системных

Таблица 1/ Table 1

Финансирование науки из средств федерального бюджета
Financing science from the federal budget

Показатели финансирования	2000	2005	2010	2015
Расходы на науку, млн руб., в том числе:	17 396,4	76 909,0	237 644,0	439 393,0
на фундаментальные исследования	8219,3	32 025,0	82 172,0	120 203,8
на прикладные научные исследования	9177,1	44 884,0	155 472,0	319 188,9
к расходам федерального бюджета, %	1,69	2,19	2,35	2,81
к валовому внутреннему продукту, %	0,24	0,36	0,51	0,54

Сост. по: [3].

институтов развития, призванных привлечь инвестиции частных инвесторов в сектор инноваций, существующая система финансирования инновационной деятельности не привела к созданию «потока» в «лифте» инновационных проектов, увеличению объемов инвестиций в них и росту инновационной экономики в целом.

Анализ современных форм, методов, способов финансирования российских инновационных предприятий выявляет структурную диспропорцию между источниками финансирования инноваций, высокую долю государственного сектора, недостаточное развитие рынка венчурного капитала, бизнес-ангельского финансирования и частных инвестиций, нехватку собственных средств у предприятий для инвестирования в инновационную деятельность, слабое развитие долгосрочных инструментов инвестирования фондового рынка как источника финансирования инновационных проектов, и главное – отсутствие стимулов инвестировать частный капитал в инновации из-за высоких имма-

нентных инновационных рисков и наличия других сфер более выгодного размещения капитала [4].

Эмпирический анализ

Проблемы национальной инновационной системы обуславливают региональную специфику процессов финансирования инновационной деятельности. Для анализа источников ее финансирования на региональном уровне был проведен анализ финансовых показателей инновационных предприятий за 2015 г. пяти регионов Приволжского федерального округа (ПФО).

В качестве объектов исследования, исходя из сопоставимых масштаба, структуры валового регионального продукта и специфики экономической структуры развития, были выбраны следующие субъекты Российской Федерации: Республика Татарстан, Кировская область, Саратовская область, Пермский край и Пензенская область. Сравнительный анализ основных экономических показателей этих регионов приведен в табл. 2.

Таблица 2/ Table 2

Основные показатели экономического развития регионов ПФО
Main indicators of the economic development of the Volga Federal District

Показатели региона	Республика Татарстан	Пермский край	Саратовская область	Кировская область	Пензенская область
Площадь, тыс. кв. км.	67,8	160,2	101,2	120,4	43,4
Численность населения, тыс. чел.	3868,7	2634,4	2487,5	1297,5	1348,7
Валовой региональный продукт в 2014 г., млн руб.	1 671 397	967 858	562 261	250 340	297 671
Валовой региональный продукт на душу населения в 2014 г., млн руб.	434 509	367 087	225 375	191 445	219 182
Объем инвестиций в основной капитал, млн руб.	606 552 765	222 749 849	138 064 723	46 338 670	59 531 398
Доля продукции наукоемких и высокотехнологичных отраслей в валовом региональном продукте, %	19,3	28,9	22,9	27,8	22,7
Объем инновационных товаров, работ, услуг, млн руб.	373 171	96 345	23 177	8952	12 433
Объем инновационных товаров, работ, услуг от общего объема, %	20,4	7,7	5,7	4,8	8,5
Количество организаций, выполнявших научные исследования и разработки, ед.	121	71	56	27	29
Удельный вес осуществлявших инновации организаций в общем их числе, %	20,5	10,5	6,3	9,8	14,7
Выдано патентов и охранных документов на изобретения и полезные модели	1264	486	330	137	211
Разработанные передовые производственные технологии, ед.	58	24	12	–	11

Сост. по: [3].

Для характеристики инновационного развития региона используются данные Росстата и рассчитанные на их основе показатели уровня технологического развития отраслей экономики, доли инновационной экономики и их экономических эффектов в регионе, рост значений которых можно однозначно трактовать как свидетельство позитивного регионального инновационного развития.

Региональная инновационная система преобразовывает имеющиеся у нее «входные» факторы инновационного развития и затраты ресурсов (показатели внутренних затрат на исследования

и разработки, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, и др.) в получаемые «выходные» показатели результатов инновационной деятельности (данные по регистрации изобретений, новых технических разработок и производство новых видов продукции: объем инновационных товаров, работ, услуг, количество выданных патентов и охранных документов на изобретения и полезные модели и др.) (рис. 1). В этом контексте оценка региональной инновационной экосистемы состоит в определении эффективности преобразования ею потребляемых ресурсов в получаемые результаты.

Рис. 1. Показатели инновационной деятельности регионов ПФО
Fig. 1. Indicators of innovation activity of Volga Federal District regions

В качестве индикатора инновационной деятельности региона, позволяющего оценить ее состояние и эффективность, возможно использовать сопоставление объема инновационных товаров как одного из адекватно статистически измеряемых

результатов инновационной деятельности и внутренних затрат на исследования и разработки региона как средств, потраченных для получения эффекта в виде производства инновационных товаров (рис. 2).

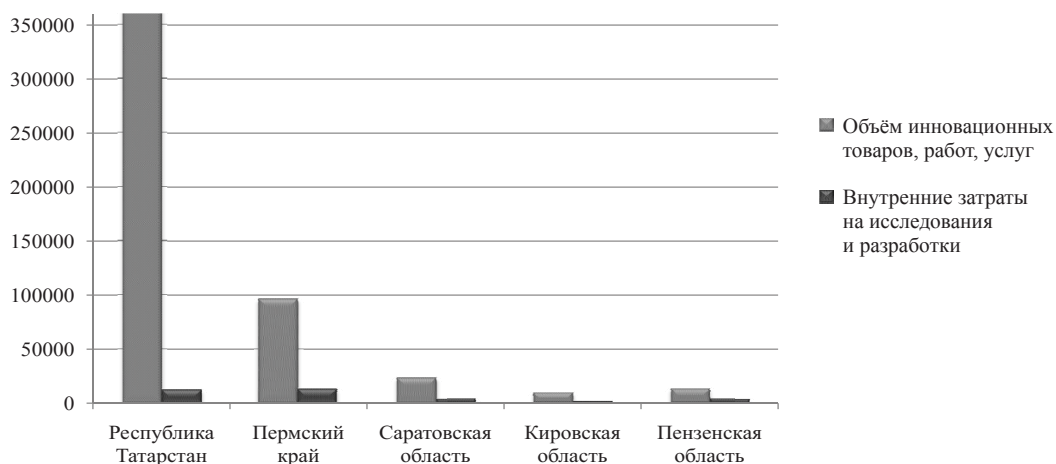

Рис. 2. Показатели сопоставления затрат и результатов инновационной деятельности регионов ПФО
Fig. 2. Indicators of comparison of costs and results of innovation activities in the Volga Federal District

Данные табл. 2 и рис. 1–2 свидетельствуют, что из выбранных для анализа субъектов ПФО наиболее инновационно-эффективным регионом является Татарстан, далее следуют Пермский край и Саратовская область, что соответствует их позициям в основных рейтингах инновационного развития [5, 6].

По данным регионам были также собраны и агрегированы данные официальной финансовой отчетности всех 378 предприятий, занимающихся инновационной деятельностью, на основании которых был проведен сравнительный анализ их имущества,

источников и структуры финансирования. Основные показатели инновационных предприятий анализируемых регионов ПФО представлены в табл. 3 [7].

Финансовые результаты деятельности инновационных предприятий Республики Татарстан, Кировской области, Саратовской области, Пермского края и Пензенской области наглядно демонстрируют объемы и эффективность деятельности инновационных предприятий. Доходность ниже уровня инфляции и ключевой ставки Центрального банка России для инновационных предприятий крайне низка (рис. 3–4).

Таблица 3/ Table 3

Основные финансовые показатели инновационных предприятий регионов ПФО
The main financial indicators of innovative enterprises in the Volga Federal District

Показатели, тыс. руб.	Республика Татарстан	Пермский край	Саратовская область	Кировская область	Пензенская область
Внеоборотные активы	941 111 079	722 404 845	2 530 197	26 582 613	8 740 481
Нематериальные активы	1 832 261	35 918 811	16 748	9165	131 787
Основные средства	593 124 193	275 909 980	1 879 290	17 944 287	5 802 560
Оборотные активы	411 220 540	245 097 280	6 228 148	37 860 320	11 983 459
Собственный капитал	640 302 309	345 723 767	4 306 963	28 527 640	9 183 574
Уставный капитал	42 852 072	15 634 620	1 209 149	9 462 825	865 916
Нераспределенная прибыль	551 162 059	300 101 122	2 585 670	18 627 661	7 477 068
Долгосрочные пассивы	330 502 146	460 455 601	433 798	23 688 646	4 057 159
Заемные средства	261 629 284	433 904 220	19 651	22 563 697	3 788 836
Краткосрочные пассивы	388 509 952	161 322 714	4 017 585	17 879 957	7 658 768
Заемные средства	214 881 549	77 750 393	658 745	2 454 099	2 133 142
Кредиторская задолженность	164 287 015	78 155 210	3 176 896	5 476 748	4 678 903
Балансовая стоимость активов	1 349 996 480	967 502 577	8 758 344	67 739 043	20 723 826
Выручка	896 743 305	477 212 358	7 366 333	72 007 342	22 947 533
Себестоимость продаж	685 346 317	200 245 505	4 339 495	34 199 830	19 302 238
Чистая прибыль	65 669 962	96 188 195	627 405	16 863 016	709 761

Сост. по: [6].

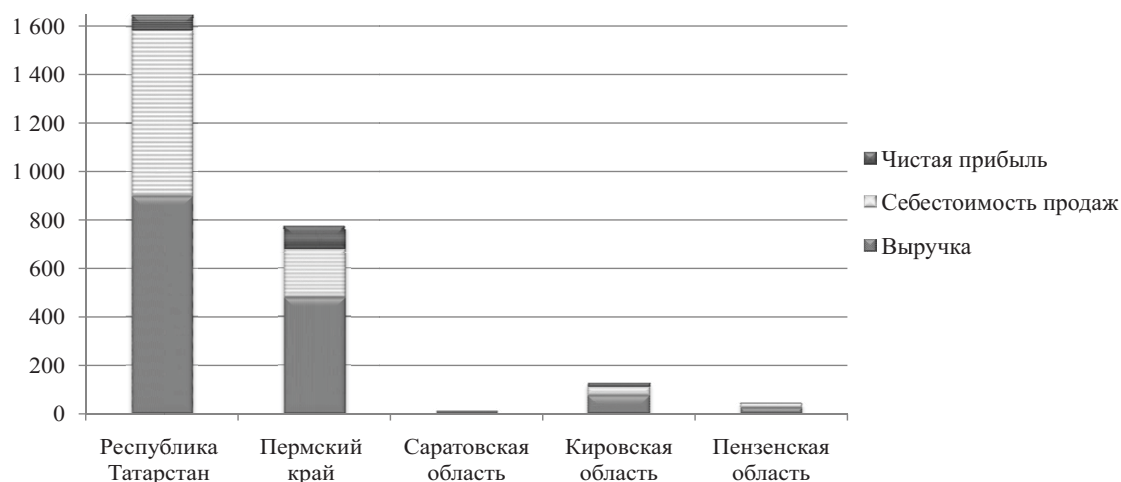

Рис. 3. Структура финансовых результатов инновационных предприятий, тыс. руб.
Fig. 3. Structure of financial results of innovative enterprises, thousand rubles

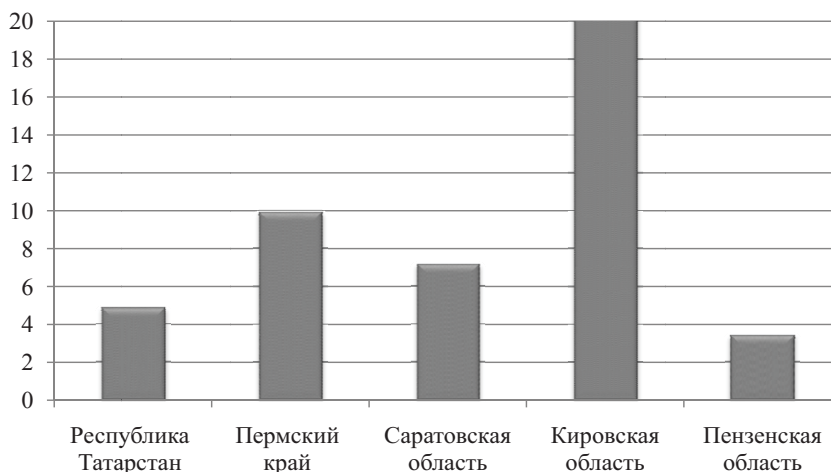

Рис. 4. Рентабельность всех активов инновационных предприятий, %
 Fig. 4. Structure of financial results of innovative enterprises, thousand rubles

На рис. 5–6 представлены поштатно показатели, характеризующие имущество и финансиро-

вание инновационных предприятий, выбранных для анализа регионов ПФО.

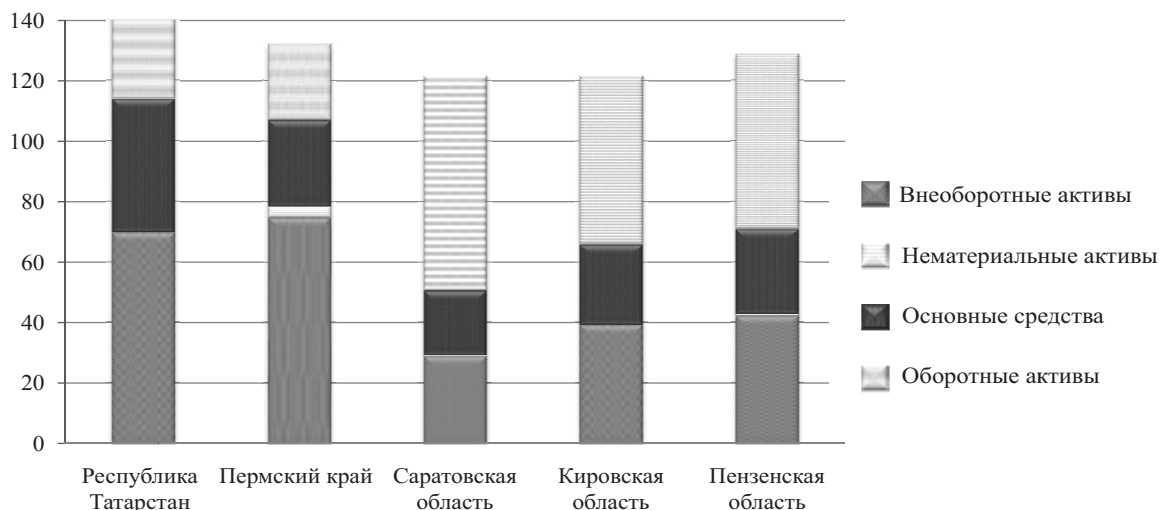

Рис. 5. Структура активов инновационных предприятий, %
 Fig. 5. Structure of assets of innovative enterprises, %

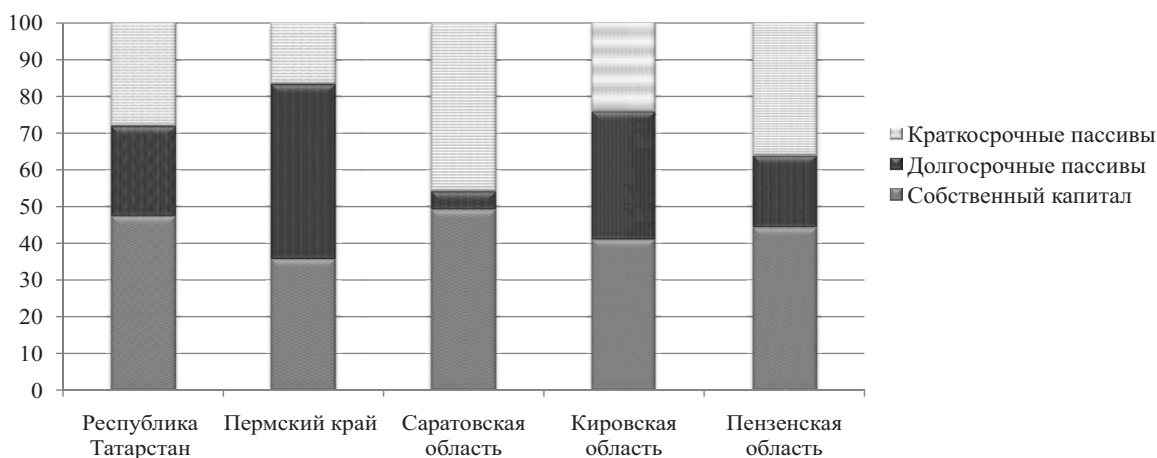

Рис. 6. Структура пассивов инновационных предприятий, %
 Fig. 6. Structure of liabilities of innovative enterprises, %

Нематериальные активы, как долгосрочные права на передовые разработки, способные обеспечивать инновационным предприятиям конкурентные преимущества, в структуре активов большинства компаний во всех регионах равны нулю, в среднем же имеют невысокие значения. Однако практически все предприятия имеют большие значения показателей размера основных средств, что может свидетельствовать о потенциале инновационной деятельности.

В Республике Татарстан и Пермском крае в структуре активов большую часть составляют внеоборотные активы, размер которых разный для каждого предприятия, но в среднем равен 72% от всех активов, что положительно характеризует их инновационный потенциал.

В Саратовской, Кировской и Пензенской областях оборотные активы в два-три раза превышают внеоборотные активы, что может свидетельствовать о недостаточности основного капитала для эффективной инновационной деятельности, либо о нерациональной структуре оборотных активов и проблемах в их управлении, или об избыточном росте дебиторской задолженности вследствие макроэкономических проблем современного состояния экономики и замедления средств в расчетах всех предприятий.

Следует обратить особое внимание на источники финансирования предприятий, точнее, на их структуру и показатель долгосрочных пассивов.

Долгосрочные пассивы инновационных предприятий представлены на практике ресурсами проектного финансирования и банковским кредитованием. На рис. 6 видно, что лучше всего оно развито в Пермском крае (48%), а саратовские инновационные предприятия не используют внешнее, и особенно банковское, финансирование в большинстве случаев, так как доля долгосрочных кредитов в их пассивах составляет только 5%, оно им недоступно. При этом объем инвестиций в основной капитал в Саратовской области в три раза больше, чем в Кировской и Пензенской областях, и его динамика имеет позитивный тренд в последние годы.

Результаты

Для инновационного бизнеса на первоначальных стадиях развития и расширенном росте характерно преобладание различного заемного капитала. Сравнительный анализ источников и структуры финансирования инновационных предприятий пяти регионов Приволжского федерального округа показал, что основным источником финансирования инновационных предприятий, подтверждая общероссийские тенденции, остается собственный капитал, который составляет в среднем 44% пассивов инновационных предприятий. Банковские кредитные ресурсы и возможно-

сти проектного финансирования инновационных проектов остаются недоступными для большинства предприятий.

Таким образом, структура капитала тормозит производственный процесс и эффективное устойчивое развитие инновационных предприятий. Проблема недостаточности финансирования инновационной деятельности является одной из наиболее серьезных сдерживающих сил в развитии инновационной системы России. Именно недостаточность собственных финансовых ресурсов и недоступность внешних источников финансирования в большинстве случаев определяют низкий уровень инновационной активности экономических субъектов.

Доминирующим трендом развития современной инновационной системы является тот факт, что основной проблемой финансирования инновационной деятельности выступает недостаточность частного капитала и коммерческого финансирования, и бюджетными средствами государство пытается замещать средства частного сектора.

В условиях, когда стимулы к инвестированию инноваций со стороны частного капитала отсутствуют и государственный бюджет по-прежнему остается главным финансовым источником инновационной деятельности, о перспективах роста инновационной экономики можно будет говорить только тогда, когда частные инвесторы начнут инвестировать в инновационные проекты. Развитие инновационной активности возможно лишь при условии, что бизнес будет инвестировать в инновационную деятельность не в три раза меньше, чем государство, а в 5–10 раз больше.

Роль государства в этом процессе должна быть сведена к созданию общей стабильной институциональной среды, повышению доступности информации, техническому и материальному обеспечению исследований, обеспечению сотрудничества и эффективной законодательной базы, которая регулировала бы взаимоотношения всех участников инновационного процесса.

Необходимо также государственными мерами обеспечить в более эффективной форме прямое софинансирование инновационной деятельности. Одним из наиболее действенных механизмов в современных условиях финансовой блокады является механизм государственно-частного партнерства и предоставления инвесторам гарантий вложенных средств, и это приведет к повышению доступности денежных ресурсов и стимулированию частных инвесторов и коммерческих банков к финансированию инновационной деятельности.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 17-32-00050)

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. Проблемы реализации интеллектуального потенциала общества в условиях перехода на инновационный путь развития URL: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Glaziev.doc> (дата обращения: 23.04.2017).
2. Теория и практика экономики и социологии знания / Научный совет по Программе фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук «Экономика и социология знания». М.: Наука, 2007. 301 с.
3. Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (дата обращения: 23.04.2017).
4. Фирсова А. А. Особенности инвестирования инновационной деятельности в экономике России // *Инновационная деятельность*. 2010. № 3 (12). С. 34–40.
5. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Вып. 3 / под ред. Л. М. Гохберга; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ. 2015. 248 с.
6. Рейтинг инновационных регионов для целей мониторинга и управления 2015 г. (версия 2.0). URL: http://www.i-regions.org/files/file_103.pdf (дата обращения: 23.04.2017).
7. Каталог организаций России – List-Org. URL: <http://www.list-org.com/> (дата обращения: 23.04.2017).

Образец для цитирования:

Фирсова А. А. Специфика источников и структуры финансирования инновационных предприятий Приволжского федерального округа // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 311–317. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-311-317.

Specificity of Sources and Structure of Financing Innovative Enterprises of the Volga Federal District

Anna A. Firsova

ORCID 0000-0002-8906-6326,

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: a.firsova@rambler.ru

Introduction. The most important part of the strategy of innovative development of the economy today is the development of mechanisms for funding innovation. The Russian specificity causes close attention to the analysis of the problems of financing innovative activity, since the success of innovation activity largely depends on financial support. **Theoretical analysis.** Analysis of modern forms, methods, ways of financing Russian innovative enterprises reveals a structural disproportion between sources of innovation financing, a high share of the public sector, insufficient development of the venture capital and private investment market, weak development of long-term instruments of investing the stock market as a source of financing innovative projects and lack of incentives to invest private invest in innovation because of the high inherent risks of innovation and availability other areas for more profitable capital allocation. **Empirical analysis.** The article analyzes the dynamics of the indicators of innovation financing at the macrolevel over the past 20 years, provides a description of the main indicators of innovation activity in the Republic of Tatarstan, the Kirov Region, the Saratov Region, the Perm Region and the Penza Region, and analyzes the financial results of innovative enterprises in these regions and their structure of assets and liabilities. **Results.** The main source of funding for innovative businesses, confirming national trends, there is equity, which is an average of 44% of the liabilities of innovative enterprises. Bank loans and the possibility of project financing innovative projects remain inaccessible to most enterprises. **Key words:** financing of innovative activity, structure of sources of financing, innovative enterprises, regional economy.

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 17-32-00050).

Cite this article as:

Firsova A. A. Specificity of Sources and Structure of Financing Innovative Enterprises of the Volga Federal District. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 311–317 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-311-317.

References

1. Glazyev S. Yu. Problemy realizatsii intellektual'nogo potentsiala obshchestva v usloviakh perekhoda na innovatsionnyi put' razvitiia (Problems of realization of intellectual potential of a society in conditions of transition to an innovative way of development). Available at: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/Glaziev.doc> (accessed 23 April 2017) (in Russian).
2. Teoriia i praktika ekonomiki i sotsiologii znaniia / Nauchnyi sovet po Programme fundamental'nykh issledovaniu Prezidiiuma Rossiiskoi akademii nauk «Ekonomika i sotsiologiia znaniia [Theory and practice of economics and sociology of knowledge / Scientific Council on the Program of Fundamental Research of the Presidium of the Russian Academy of Sciences «Economics and Sociology of Knowledge»]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 301 p. (in Russian).
3. Federalnaya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Federal State Statistics Service. Site). Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/science_and_innovations/science/# (accessed 23 April 2017) (in Russian).
4. Firsova A. A. Features of investment for innovation in the Russian economy. *Innovatsionnaia deiatel'nost'* [Innovative activity], 2010, no. 3 (12), pp. 34–40 (in Russian).
5. Reiting innovatsionnogo razvitiia sub'ektov Rossiiskoi Federatsii. Vyp. 3 [Rating of innovative development of subjects of the Russian Federation. Iss. 3. Ed. by L. M. Gokhberg]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2015. 248 p. (in Russian).
6. Reiting innovatsionnykh regionov dlya tselei monitoringa i upravleniya 2015 g. (versiya 2.0) (Rating of innovative regions for the purposes of monitoring and control 2015 (version 2.0)). Available at: http://www.i-regions.org/files/file_103.pdf (accessed 23 April 2017) (in Russian).
7. Katalog organizatsii Rossii – List-Org (The catalog of organizations of Russia – List-Org). Available at: <http://www.list-org.com/> (accessed 23 April 2017) (in Russian).

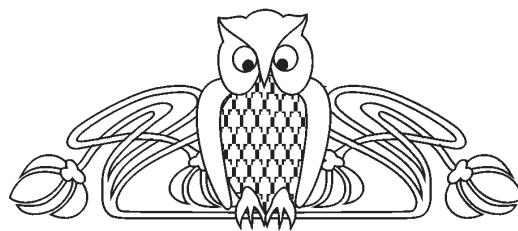

УДК 330.47 + 338.2

ПРИМЕНЕНИЕ МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫХ ЗАВИСИМОСТЕЙ В АНАЛИЗЕ ВКЛАДА УНИВЕРСИТЕТА В ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА

И. Ю. Выгодчикова

доцент, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математической экономики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: irinavigod@yandex.ru

Введение. Определение вклада университета в экономическое развитие региона необходимо для стимулирования инновационной деятельности, реализуемой университетами, а также для осуществления государственного регулирования деятельности университетов, что требует более глубокого анализа инновационной активности региональных университетов. Развитие инновационной экономики и постоянный мониторинг инновационной активности региональных организаций требует комплексного подхода, применения математических и инструментальных средств анализа. **Методы.** В статье предложен комплексный подход к решению проблемы оценивания вклада университетов в экономическое развитие региона. Выполнен анализ связи доходов университета с его ресурсной базой и построена мультипликативная модель зависимости от формирующих эти доходы показателей. Предметом исследования являются индикаторные и функциональные модели, позволяющие оценить вклад университетов в региональное инновационное развитие. Разработан экономико-математический инструментарий для анализа и оценивания вклада университета в экономическое развитие региона. **Результаты.** Проведены вычислительные эксперименты по данным Росстата на примере Астраханской области. Рассмотрены важные показатели деятельности вузов, произведено структурное и кластерное деление показателей. Выявлены зависимости результативного показателя (доходы вузов) от формирующих их факторов. Рекомендации могут применяться для рационализации финансирования инноваций, способствующих повышению качества экономического развития регионов за счет влияния университетов.

Ключевые слова: регион, университет, инновации, инновационные ресурсы, инновационное развитие, модель, регрессионный анализ.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-318-322

Введение

Проблема устойчивого инновационного развития является одной из ключевых задач управления региональной инновационной системой и затрагивает исследования многих российских и зарубежных ученых [1]. Определение вклада университета в экономическое развитие региона необходимо для стимулирования инновационной деятельности, реализуемой университетами, а также для осуществления государственного регулирования деятельности университетов, это требует более глубокого анализа инновационной активности региональных университетов. Разви-

тие инновационной экономики и постоянный мониторинг инновационной активности региональных организаций требует комплексного подхода, применения математических и инструментальных средств анализа.

Несколько десятилетий прошло с тех пор, как учеными установлены значимое влияние университетов на инновационную активность в регионе и существенная зависимость уровня инновационного развития региона от вовлеченности университетов в инновационный процесс. Однако поиски методов количественной оценки вклада университетов в региональное развитие продолжаются в настоящее время, и исследования в данном направлении являются актуальными [2].

Цель исследования – разработка экономико-математического инструментария для анализа и оценивания вклада университета в экономическое развитие региона на примере Астраханской области. Предмет исследования – индикаторные и функциональные модели, позволяющие оценить вклад университетов в региональное инновационное развитие.

Методы

Университет, как любой хозяйствующий субъект, получает доходы от своей деятельности, поэтому для него применим подход, позволяющий выполнить конструирование аналога производственной функции, определяющей показатели вклада таких факторов, как трудовые и капитальные ресурсы [3, 4].

В отличие от существующих подходов регрессионного анализа, в которых используются динамические ряды данных, в нашей работе рассматриваются панельные данные за один период (2016 г.), исследуется группа региональных вузов на примере Астраханской области на основе показателей базы данных «Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования» Министерства образования и науки Российской Федерации [5].

При этом важно определить значимые, с точки зрения регрессионного анализа, коэффициенты модели, которые позволят оценить вклад рассматриваемых факторов в результирующий показатель и выявить наиболее существенные факторы, влияющие на инновационное развитие вузов в данном регионе. Применим подход оценки значимости уравнения регрессии по типу мультипликативной производственной функции [6, 7]:

$$y = A \prod_{i=1}^s x_i^{\alpha_i}, \quad (1)$$

где y – доходы (зависимые переменные модели), зависящие от затраченных интеллектуальных и материальных ресурсов x (факторных признаков, независимых переменных модели).

Функциональная зависимость мультипликативного типа (1) позволяет измерить степень влияния отдельных факторов, входящих в модель, с использованием коэффициентов эластичности (для указанной зависимости это α_i) результирующего показателя по отношению к факторным признакам [8]. Таким образом, весовые коэффициенты, полученные для линейной регрессионной модели путем логарифмирования модели (1) (коэффициенты при независимых переменных α_i), определяют вклад независимых переменных модели в формирование доходов. Более сложные

функциональные зависимости требуют пересмотра трактовки весовых коэффициентов при оценке их вклада в результирующий показатель.

Для унификации единиц измерения для всех показателей производится *нормирование и линейное масштабирование*, пересчитываются их нормированные аналоги. Они получаются известным методом линейного масштабирования:

$$z = \frac{X - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}}, \quad (2)$$

где z – нормированное значение показателя, X – фактическое значение показателя для данного вуза, минимум и максимум берутся по аналогичному показателю среди всех вузов, минимальное значение данного показателя – 0, максимальное – 1.

Оценка параметров функции (1) проводится стандартным методом: осуществляется логарифмирование для приведения к линейной форме и применяется пакет регрессионного анализа (MS Excel) или программа статистического анализа данных (gretl), проводятся эксперименты с целью получения значимой модели и всех коэффициентов при переменных (α_i).

Для Астраханской области получены результаты, представленные в табл. 1–2.

Таблица 1/Table 1

Регрессионная статистика для модели доходов из всех источников
Regression statistics for the model of income from all sources

Наименование показателя	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Доходы вуза из всех источников, Y	0,1378	0,1673	0,8236	0,425015	-0,2236	0,4992
Число аспирантов, интернов, ординаторов, ассистентов, обучающихся по очной форме, X_1	0,0851	0,0250	3,4067	0,004682	0,0311	0,1390
Средняя заработная плата профессорско-преподавательского состава, X_2	0,1787	0,0900	1,9851	0,068651	-0,0158	0,3732
Количество персональных компьютеров, X_3	0,7523	0,1076	6,9901	0,000009	0,5198	0,9849
Регрессионная статистика						
Множественный R	0,9953					
R-квадрат	0,9907					
Нормированный R-квадрат	0,9885					
Стандартная ошибка	0,3479					
Наблюдения	17					
Дисперсионный анализ	df	SS	MS	F	Значимость F	
Регрессия	3	167,2147	55,7382	460,5358	0,0000000	
Остаток	13	1,5734	0,1210			
Итого	16	168,7880				

Таблица 2/Table 2

Регрессионная статистика для модели доходов от научно-исследовательской деятельности
Regression statistics for the model of income from research activities

Наименование показателя	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение	Нижние 95%	Верхние 95%
Доходы от научных исследований и разработок, Y	-2,3196	1,3331	-1,7401	0,105450	-5,1995	0,5603
Общее количество публикаций организации в расчете на 100 НПП, X ₁	1,0607	0,2065	5,1355	0,000191	0,6145	1,5069
Общая численность научных работников (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ), X ₂	0,3179	0,1246	2,5506	0,024167	0,0486	0,5872
Общая площадь зданий и помещений, X ₃	0,4631	0,2509	1,8461	0,087773	-0,0789	1,0051
Множественный R	0,8577					
R-квадрат	0,7356					
Нормированный R-квадрат	0,6746					
Стандартная ошибка	3,6814					
Наблюдения	17					
Дисперсионный анализ	df	SS	MS	F	Значимость F	
Регрессия	3	3	490,1445	163,3815	12,0555	0,0004687
Остаток	13	13	176,1824	13,5525		
Итого	16	16	666,3269			

Модель доходов из всех источников имеет следующий вид:

$$Y = X_1^{0.085} X_2^{0.18} X_3^{0.75} \quad (3)$$

Модель доходов от научных исследований и разработок имеет следующий вид:

$$Y = 0.1 X_1^{1.06} X_2^{0.32} X_3^{0.46} \quad (4)$$

С точки зрения структуры доходов и затрат получено влияние, типичное для производственных функций: доходы из всех источников

формируются преимущественно за счет таких факторов, как компьютерная техника (0,75) и трудовые ресурсы (0,18). В формирование доходов от научно-исследовательской деятельности наибольший вклад вносят число публикаций (1,06), основные фонды (0,46) и численность научного персонала (0,32). Коэффициенты, представленные в табл. 3, позволяют оценить степень влияния рассматриваемых факторов на формирование доходов университета.

Таблица 3/Table 3

Анализ коэффициентов моделей
Analysis of the coefficients of the models

Степень влияния показателей деятельности университетов на формирование их доходов из всех источников в региональном анализе		
Число аспирантов (адъюнктов), интернов, ординаторов, ассистентов-стажеров, обучающихся в очной форме	Средняя заработная плата ППС (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ)	Количество персональных компьютеров
0,0851	0,1787	0,7523
Степень влияния показателей деятельности университетов на формирование их доходов от научных исследований и разработок в региональном анализе		
Общее количество публикаций организации в расчете на 100 НПП	Общая численность научных работников (без внешних совместителей и работающих по договорам ГПХ)	Общая площадь зданий (помещений)
1,0607	0,3179	0,4631

Результаты

В статье разработан инструментарий решения проблемы анализа и оценивания степени вовлеченности вузов в региональное экономическое развитие, особое место отведено оцениванию инновационных показателей и их роли в региональном анализе. В отличие от существующих разработок по данной теме, автор предлагает подход, основанный на использовании эконометрических мультипликативных зависимостей при исследовании проблемы вовлеченности вузов в региональное экономическое развитие. Применен подход оценки значимости уравнения регрессии по типу мультипликативной производственной функции. В вычислительных экспериментах использованы данные Росстата по вузам Астраханской области. Предложенный подход позволит качественно пересматривать ресурсную и научную базу на региональном уровне для стимулирования экономического развития региональных университетов.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00582).

Список литературы

1. Ключев А. К. Программы инновационного развития региона и университетов : поиск соответствия // Университетское управление : практика и анализ. 2010. № 1. С. 30–34.
2. Челнокова О. Ю., Фирсова А. А. Типология подходов к анализу влияния университета на инновационное развитие региона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13, вып. 4, ч. 1. С. 578–583.
3. Нижегородцев Р. М., Пискун Е. И., Кудревич В. В. Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Экономика региона. 2017. Т. 13, № 1. С. 38–48.
4. Андрианов Д. Л., Гребнев М. И. Обзор методов агрегирования производственных функций // Управление экономическими системами : электронный научный журнал. 2015. № 1. URL: <http://uecs.ru/uecs-73-732015/item/3307-2015-01-12-13-07-45> (дата обращения: 23.10.2016).
5. Информационно-аналитические материалы по результатам проведения мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования / Главный информационно-вычислительный центр. Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: <http://indicators.miccedu.ru/monitoring/?m=vpo> (дата обращения: 23.10.2016).
6. Vygodchikova I. Y., Firsova A. A., Vavilina A. V., Kirillova O. Yu., Gorlova O. S. Estimation of Bond Risks using Minimax // Journal of Advanced Research in Law and Economics. 2016. Vol. 7, № 7. P. 1899–1907.
7. Awrejcewicz J., Krysko V. A., Kutopov I. E., Vygodchikova I. Y., Krysko A. V. Quantifying chaos of curvilinear beam via exponents // Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation. 2015. Т. 27, № 1–3. P. 81–92.
8. Jaffe A. Real effects of academic research // American Economic Review. 1989. № 79. P. 957–970.

Образец для цитирования:

Выгодчикова И. Ю. Применение мультипликативных зависимостей в анализе вклада университета в экономическое развитие региона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 318–322. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-318-322.

Application of Multiplicative Dependencies in Analysis the Universities Contribution in Regional Economic Development

Irina Yu. Vygodchikova

ORCID 0000-0001-9326-6024,

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: irinavigod@yandex.ru

Introduction. Determination of the contribution of the university to the economic development of the region need to stimulate innovative activity and to implement state regulation requires a more in-depth analysis of innovative activity of regional universities. The development of innovative trends and constant monitoring of innovative activity of regional organizations requires an integrated approach, applying mathematical and instrumental tools of analysis. **Methods.** Author proposes complex approach to solution the

problem of analysis and assessment of degree of involvement universities in regional innovative development. Applied approach assessment of significance of regression equation in multiplicative type production functions. The coefficients of resulting model give significant information about the sources of income generation. The subject of study is aggregated indicators and functional model that allows evaluating contribution of universities in regional innovation development. **Results.** Methods were tested at Astrakhan region. Were developed mathematical tools for analysis and evaluation the degree of involvement of universities in regional innovation. Received recommendations that could be apply to rationalize the funding of innovations that improve the quality of development of regions. **Key words:** region, university, innovative resources, innovative development, methodology, regression analysis.

This work reported study was supported by Russian Foundation for Basic Research (project no. 16-06-00582).

References

1. Klyuev A. K. Programs of innovative region and university development: search of equivalence. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz* [University Management: Practice and Analysis], 2010, no. 1, pp. 30–34 (in Russian).
2. Chelnokova O. Yu., Firsova A. A. The Approaches to the Analysis of the University Influence Innovative on Regional Development. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2013, vol. 13, iss. 4, pt. 1, pp. 578–583 (in Russian).
3. Nizhegorodtsev R. M., et al. The forecasting of regional social and economic development. *Ekonomika regiona* [Economy of region], 2017, vol. 13, no. 1, pp. 38–48 (in Russian).
4. Andrianov D. L. Grebnev M. I. Obzor metodov agregirovaniya proizvodstvennykh funktsii (Review of the methods of aggregation of production functions). *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal* (Management of economic systems: an electronic scientific journal), 2015, no. 1. Available at: <http://uecs.ru/uecs-73-732015/item/3307-2015-01-12-13-07-45> (accessed 23 October 2016) (in Russian).
5. Informatsionno-analiticheskie materialy po rezul'tatam provedeniia monitoringa effektivnosti deiatel'nosti obrazovatel'nykh organizatsii vysshego obrazovaniia / Glavnyi informatsionno-vychislitel'nyi tsentr. Ministerstvo obrazovaniia i nauki Rossiiskoi Federatsii (Information and analytical materials on the results of monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education / Main information and computing center. Ministry of Education and Science of the Russian Federation). Available at: <http://indicators.miccedu.com/monitoring/?m=vpo> (accessed 23 October 2016) (in Russian).
6. Vygodchikova I. Y., Firsova A. A., Vavilina A. V., Kirillova O. Yu., Gorlova O. S. Estimation of Bond Risks using Minimax. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2016, vol. 7, no. 7, pp. 1899–1907.
7. Awrejcewicz, J., Krysko V. A., Kutopov I. E., Vygodchikova I. Y., Krysko A. V. Quantifying chaos of curvilinear beam via exponents. *Communications in Nonlinear Science and Numerical Simulation*, 2015, vol. 27, no. 1–3, pp. 81–92.
8. Jaffe A. Real effects of academic research. *American Economic Review*, 1989, no. 79, pp. 957–970.

Cite this article as:

Vygodchikova I. Yu. Application of Multiplicative Dependencies in Analysis the Universities Contribution in Regional Economic Development. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 318–322 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-318-322.

ПРАВО

УДК 342.7

СВОБОДНОЕ РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК УСЛОВИЕ СОВРЕМЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Е. А. Абаева

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tihonea@inbox.ru

Введение. Социальная справедливость как ценностная характеристика современного государства остается в повестке дня как на национальном, так и на международном уровнях. Основными функциями социального государства в России, выражающими его сущность и закрепленными в Конституции РФ, являются достойная жизнь и свободное развитие человека. В науке конституционного права не сложилось единого мнения на определяющее значение данных категорий такого государства. Представляется, что при характеристике современного социального государства свободное развитие человека следует рассматривать в качестве приоритета, что требует детального доктринального анализа. **Цель.** Основная цель работы состоит в теоретическом осмыслении свободного развития человека как основы современного социального государства. **Результаты.** Констатируется, что современное социальное государство основой своего функционирования должно рассматривать свободное развитие человека. **Заключение.** Свободное развитие человека выступает базовой характеристикой современного социального государства, определяет реализацию всего комплекса правового статуса личности (конституционного, специального, индивидуального и международного).

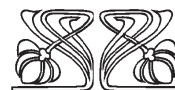
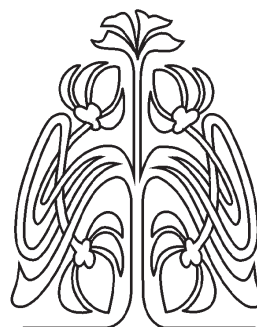
Ключевые слова: социальное государство, достойный уровень жизни, свободное развитие человека, публичные мероприятия, права и свободы человека и гражданина.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-323-333

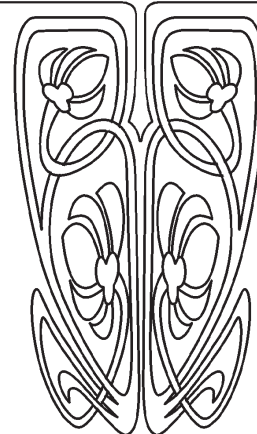
Введение

Социальная справедливость как ценностная характеристика современного государства остается в повестке дня как на национальном, так и на международном уровнях. Так, в День 60-летия Римских договоров о создании Евросоюза, 25 марта 2017 г., 27 государств подписали «новый европейский стандарт», в котором было выделено «четыре приоритетных цели следующего десятилетия: Европа должна быть безопасной, процветающей, *социально справедливой* и стать сильнее на мировой арене» [1].

Подтверждением этому служит состояние современного конституционного развития. Так, в ряде конституций зарубежных стран присутствует «новая социальная терминология... Это положения о социальном партнерстве, социальной справедливости, социальной ответственности» [2, с. 163], подтверждающие либерально-демократическую концепцию сущности конституции как своего рода общественного договора [3, с. 46]. По мнению профессора Г. Н. Комковой, именно справедливость выступает одной из трех конституционных ценностей [4, с. 97]. Конституционализация как «модернизационный» этап развития современного законодательства «характеризуется прежде всего углублением законодательного развития *социально-гуманитарных* вопросов, а также стремлением обеспечить равновесие частных, социально-групповых и общегосударственных интересов» [5, с. 89].

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Основными функциями социального государства в России, выражающими его сущность и закрепленными в Конституции РФ, являются достойная жизнь и свободное развитие человека [6, ст. 7]. Следует отметить, что в науке конституционного права не сложилось единого мнения на определяющее значение данных категорий такого государства. Так, ряд ученых достойный уровень жизни считают первостепенной целью социального государства, иные права, в том числе свободное развитие человека, – производными [7]. Другая точка зрения заключается в том, что в качестве основных индикаторов социального государства выделяют достойную жизнь и свободное развитие человека [8, с. 28]. Некоторые ученые полагают, что социальные права представляют собой основу обеспечения и реализации права на достойную жизнь и свободное развитие [9]; другие же предприняли попытку разработки новой системы формально-юридических критериев социального государства, позволяющих определить социальную ориентированность государства без обращения к количественным экономическим и социальным показателям [10].

Цель

Представляется, что при характеристике современного социального государства *свободное развитие человека* следует рассматривать в качестве приоритета, что требует детального доктринального анализа.

Результаты

В рамках конституционного права лишь в отдельных случаях предпринимаются попытки определить его понимание: «Свободное развитие человека – это атрибутивное качество любого человеческого существа, живущего в современном обществе, создающем условия для *самостоятельного выбора* каждым типа поведения, профессии, образа жизни, личных и социальных притязаний, отвечающих его собственным представлениям о себе и окружающем его мире», ограниченными правами, свободами и законными интересами других людей и государства [11, с. 18]. Профессор С. А. Авакьян в качестве задачи социального государства выделяет создание предпосылок для свободного развития личности, «чтобы человек мог иметь условия для жизни, отдыха, удовлетворения духовных и материальных интересов, занятия спортом и т.д.», организуя соответствующие условия либо поддерживая инициативы физических или юридических лиц в данном направлении [12, с. 403].

Следует согласиться с мнением В. В. Кирева, что «все конституционные права и свободы, так или иначе, определяют *возможности свободного развития человека*» [13, с. 5]. Следовательно, основными функциями социального государства выступают: справедливое распределение благ и бремени между гражданами, требования обоснованности ограничения индивидуальной свободы при том, что «самые слабые и незащищенные члены общества могли бы пользоваться основными *свободами и возможностями*, сохраняя человеческое достоинство» [14, с. 38].

Исходя из сложившегося понимания прав и свобод человека и гражданина [12, с. 668], представляется, что свободное развитие человека выступает определяющим маркером современного социального государства, основанного на принципе справедливости, создающего условия и дающего возможность [15, с. 512–513] в рамках конституционных установлений свободно выбирать виды, методы, формы и способы:

1) достижения достойного уровня жизни, исходя из собственных потребностей, способностей, трудовых затрат и доходов с учетом социальной политики и уровня экономического развития государства;

2) участия в управлении делами государства;

3) культурного развития;

4) самозащиты нарушенных прав и свобод.

Разделяя мнение профессора С. А. Авакьяна, можно утверждать, что социальным может быть любое государство [12, с. 407], независимо от его экономического и политического развития, а также идеологической сущности с учетом конституционно установленных социальных целей [16, с. 42; 17, с. 57].

Достойная жизнь характеризует уровень и качество жизни человека, т. е. тот минимальный стандарт, который позволяет человеку свободно развиваться, исходя из его потребностей и способностей по осуществлению трудовой, предпринимательской и иной экономической, а также научной, преподавательской, культурной и иной творческой деятельности. Именно проблемы жизнеобеспечения, связанные с принципом социальной справедливости, по мнению профессора В. Е. Чиркина, являются основными вопросами конституционного права сегодня. Такие жизненные потребности выражаются в конституционных индикаторах, среди которых следует выделить две большие группы: общесоциальные и социально адресные [18].

К первой группе следует отнести *индекс человеческого развития* (далее – ИЧР), разработанный специалистами ООН, в основе которого лежат оценочные данные 2015 г., содержащие

такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни, грамотность, образование и уровень жизни, среди 185 стран-членов ООН из 193. По результатам комплексного сравнительного анализа страны были разделены на четыре большие категории с очень высоким, высоким, средним и низким ИЧР. Первые три места разделили Норвегия, Австралия и Швейцария. Россия вместе с Белоруссией – на 50-м месте, между Черногорией и Оманом. Если рассматривать в региональном аспекте, очень высокий ИЧР отмечен у США, Сингапура, Аргентины. Россия не вошла ни в одну группу с очень высоким, высоким и средним ИЧР. Среди социологических показателей выделяются такие, как продолжительность жизни, качество жизни, человеческий потенциал, общее счастье, зарплата, неравенство доходов, умышленные убийства, самоубийства, возраст сексуального согласия, совершеннолетие, заключенные, благотворительность, а также потребление алкоголя, сигарет, кофе и пользование автомобилями.

Так, для расчета индекса счастья, основанного на желании человека прожить долгую и полноценную жизнь, используются три показателя: субъективная удовлетворенность людей жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и так называемый «экологический след» – мера

воздействия человека на среду обитания [19]. Показатель качества жизни включает 9 факторов: здоровье (ожидаемая продолжительность жизни), семейная жизнь (уровень разводов), общественная жизнь (уровень посещаемости церкви или профсоюзного членства), материальное благополучие (ВВП на душу населения, паритет покупательной способности), политическая стабильность и безопасность, климат и география, гарантия работы (уровень безработицы), политическая свобода и гендерное равенство [20].

Ко второй группе индикаторов профессор В. Е. Чиркин относит прожиточный минимум. В России важными показателями уровня жизни являются: *прожиточный минимум, минимальный размер оплаты труда* (далее – МРОТ), *потребительская корзина*. Современная российская действительность и статистические данные свидетельствуют об их несоответствии международным стандартам и внутренним рекомендациям, в сравнении с более успешным зарубежным опытом [21].

Так, МРОТ по России, применяемый для регулирования оплаты труда и определения размеров пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам, а также для иных целей обязательного социального страхования, имеет следующую динамику (табл. 1).

Таблица 1/ Table 1

Минимальный размер оплаты труда по России
The minimum wage in Russia

Срок, с которого установлен минимальный размер оплаты труда	Сумма минимального размера оплаты труда (руб. в месяц)	Нормативный акт, установивший минимальный размер оплаты труда
1 июля 2017 г.	7800	ст. 1 Федерального закона от 19.12.2016 № 460-ФЗ
1 июля 2016 г.	7500	ст. 1 Федерального закона от 02.06.2016 № 164-ФЗ
1 января 2016 г.	6204	ст. 1 Федерального закона от 14.12.2015 № 376-ФЗ
1 января 2015 г.	5965	ст. 1 Федерального закона от 01.12.2014 № 408-ФЗ

Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации составляет следующие размеры (табл. 2).

Правительство РФ планомерно снижает прожиточный минимум в связи с якобы уменьшением стоимости продуктов питания, пытаясь дотянуть до него МРОТ [22]. Однако статистическая реальность свидетельствует об обратном [23]. По мнению ученых, соотношение МРОТ и МПМ

«не укладывается ни в какие экономические и правовые рамки», поскольку МПМ не учитывает полного набора товаров и услуг, постоянно возрастающих затрат на жилье, медицинское обслуживание, удовлетворение не только материальных, но и культурных потребностей, а также необходимость обеспечения не только себя, но и своей семьи [24, с. 1415]. Реальные доходы россиян сокращаются более двух лет подряд, в последний раз их прирост был зафиксирован в октябре 2014 г., и с тех пор они упали на 12,7%

Таблица 2/ Table 2

Величина прожиточного минимума на душу населения по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации**The subsistence minimum per capita by the main socio-demographic groups of the population as a whole in the Russian Federation**

Период, за который исчислена величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации	Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации (в руб.)				Нормативный акт, установивший величину прожиточного минимума
	на душу населения	для трудоспособного населения	для пенсионеров	для детей	
IV квартал 2016 г.	9691	10 466	8000	9434	Постановление Правительства РФ от 30.03.2017 № 352
III квартал 2016 г.	9889	10 678	8136	9668	Постановление Правительства РФ от 01.12.2016 № 1275
II квартал 2016 г.	9956	10 722	8163	9861	Постановление Правительства РФ от 06.09.2016 № 882
I квартал 2016 г.	9776	10 524	8025	9677	Постановление Правительства РФ от 09.06.2016 № 511

[25]. В России фиксируется бедность среди работающего населения, заявила вице-премьер О. Голодец 14 марта 2017 г. «Это уникальное явление вообще в социальной сфере – работающие бедные. У нас нет такой квалификации, которая достойна уровня заработной платы в 7,5 тысячи рублей» [26].

По данным Росстата, 75,0% наемных работников предприятий и организаций находятся у черты бедности, когда заработок на уровне прожиточного минимума является гранью между бедностью и нищетой. Тот, кто зарабатывает один или два минимума, – бедняк, способный лишь прокормить себя и (при двух минимумах) одного члена семьи. При этом зарабатывающий меньше переходит в категорию нищих: заработок не обеспечивает простого воспроизводства его рабочей силы. Исходя из этого критерия, 10,7% работников – нищие, еще 27,5% – бедные, у 37,0% заработок выше черты бедности, у 12,7% он обеспечивает стандарт потребления среднего класса. В 2013 г. к среднему классу относились 15,5% работников. Больше всего работников с заработком ниже, на уровне или чуть выше черты бедности – в сельском хозяйстве (93%), легкой промышленности (93%), образовании (87%), здравоохранении (85%), предоставлении коммунальных, социальных и прочих услуг, включая культуру и спорт (83%). Заработок на уровне нищеты получают 1 млн работников образования, или каждый пятый; 0,5 млн, или примерно каждый седьмой, – в здравоохранении; примерно

каждый пятый – в сфере коммунальных и социальных услуг, включая услуги культуры и спорта. В абсолютном значении к нищим относятся 3,02 млн работников корпоративного сектора, к бедным – 7,8 млн, к стандарту потребления чуть выше бедности – еще 10,51 млн человек. Заработок, обеспечивающий стандарт потребления среднего класса, – у 3,6 млн работников, и еще у 3,42 млн он выше. Доля работников с высокими доходами относительно велика в добывающей промышленности (54%), финансах (48%), сфере недвижимости (36%), науке и научном обслуживании (47%), госуправлении (33%). За последние три года средний класс очень значительно уменьшился, прежде всего из-за спада доходов: к уровню октября 2014 г. они к концу 2016 г. сократились на 12%, зарплаты – на 10%. Кризис, инфляция, заморозка индексации во многом нивелировали и эффект повышения зарплат в бюджетном секторе [27].

Что касается потребительской корзины (далее – ПК), то в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» он представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы [28]. В свою очередь, потребительская корзина, т.е. необходимое для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности, составляет: минимальный набор продуктов питания и непродовольственные товары и услуги, стоимость которых определяется

в соотношении со стоимостью минимального набора продуктов питания, формируется для основных социально-демографических групп населения (трудоспособного населения, пенсионеров, детей) в целом по Российской Федерации и в субъектах РФ не реже одного раза в пять лет.

ПК в целом по Российской Федерации разрабатывается на основе методики, которая вносится в Государственную думу одновременно с проектом федерального закона о потребительской корзине. В настоящее время ПК утверждена Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 227-ФЗ «О потребительской корзине в целом по Российской Федерации» [29]. ПК в субъектах РФ устанавливается законодательными (представительными) органами субъектов РФ с учетом природно-климатических условий, национальных традиций и местных особенностей потребления продуктов питания, недовольственных товаров и услуг основными социально-демографическими группами населения на основании методических рекомендаций, утверждаемых Правительством РФ [30]. В настоящее время такие методические рекомендации утверждены Постановлением Правительства РФ от 28 января 2013 г. № 54 (ред. от 19.08.2014) [31].

В России ПК была утверждена в 2012 г., и в 2018 г. предстоит ее обновление. Судя по количественному набору товаров и услуг, выраженному в денежном эквиваленте, мы так же, как и по другим социальным показателям, далеко не в лидерах: Россия – 136 товаров и услуг, Великобритания – 702, Германия – 454 [19]. В потребительскую корзину, в первую очередь, включены продукты питания, которые составляют около 50% ее стоимости (для сравнения, в странах Западной Европы эта цифра не превышает 20%) [32]. По мнению специалистов, в российской ПК не учтены современные потребительские показатели (например, средства коммуникации и их использование) [33].

Государство ищет резервы и источники компенсации сокращения социальных расходов. Так, 23 мая 2016 г. Президент РФ подписал закон, который предусматривает поэтапное повышение возраста выхода на пенсию по старости (уже с 1 января 2017 г. для лиц, замещающих государственные должности РФ и государственные должности субъектов РФ, а также несущих государственную и муниципальную службу) [34]. В бюджете 2017 г. на треть сокращены расходы на медицину, в 8 раз увеличены расходы на оборону [35].

В России вновь набирает обороты протестная демократия, причины которой кроются в

антисоциальных явлениях российской действительности. Протест является одним из способов участия в управлении делами государства, спектр проявлений которых весьма широкий, охватывающий «конституционно допустимые правоотношения» [36], в том числе в рамках права на мирные публичные мероприятия (ст. 31 Конституции РФ). Так, протестные акции против коррупции, прошедшие 26 марта 2017 г., показали высокий уровень недовольства властью, политизацию новой, молодой аудитории и, возможно, ошибочность социологических прогнозов. Акция «Он нам не Димон» была предложена политиком А. Навальным и Фондом борьбы с коррупцией, после того как власть никак не отреагировала на расследование о дорогой недвижимости, которой пользуется председатель Правительства РФ Д. Медведев. А между тем только фильм об этом набрал более 17 млн просмотров на YouTube [37]. А. Навальный за последний год много ездил по регионам и открывал свои предвыборные штабы – это тоже наверняка способствовало росту массовости протеста. В итоге акции прошли более чем в 80 городах (из них в 21 – согласованные с властями), на них вышли десятки тысяч человек, во многих городах были массовые задержания митингующих полицией [38]. Принимая участие в панельной дискуссии на Арктическом форуме, президент В. Путин сравнил антикоррупционные акции с началом «арабской весны» и «Евромайдана», отметив, что вопросы борьбы с коррупцией должны быть в центре внимания общественности [39]. А ведь именно коррупция выступает одним из основных препятствий реализации свободы возможностей и использования так называемого «социального лифта» для достижения личного благополучия и саморазвития. Именно общественный мониторинг и контроль представителей гражданского общества в антикоррупционных механизмах поможет справиться с этим антисоциальным явлением [40, с. 61]. Так, по опросам, проведенным Левада-центром, действия людей, вышедших 26 марта на массовые акции, одобрили 38% россиян. Посчитавшие предполагают, что граждан подтолкнуло к этому накопившееся недовольство положением дел в стране, а 36% объясняют митинги стремлением выразить возмущение коррупцией [41].

27 марта 2017 г. началась всероссийская стачка автоперевозчиков против системы «Платон». Организаторы заявляли, что в ней примут участие 50 регионов и более 10 000 дальнбойщиков. Участники требуют полной отмены сбора для «Платона» или реорганизации с передачей системы государству [42].

Заключение

Современное развитие российской социальной государственности свидетельствует о ряде системных проблем: урезание строки федерального бюджета на социальные нужды; увеличение военно-оборонных расходов, ущербность социального законодательства и проч. Следовательно, на нынешнем этапе в рамках формирования российского социального государства созрела необходимость принятия концепции его развития. В основу такой политики должны быть заложены принципы формального равенства, социальной справедливости, социальной ответственности и социального партнерства, где основным субъектом формирования и реализации социальной политики выступает не только государство, но и работодатели, бизнесмены, профсоюзы, деятельность которых непосредственно связана с реализацией функций социального государства по созданию рабочих мест, их квотированию, работе согласительных комиссий, защите прав трудящихся и иных категорий лиц, налогообложения и благотворительности.

Одним из важных шагов в этом направлении может служить региональная инициатива по разработке стратегий/концепций развития и защиты прав человека. Первым такую Стратегию разработал и внедрил Татарстан [43], приняты и успешно реализуются программные документы в Воронежской области [44], Алтайском крае [45], Смоленской области [46] и ряде иных субъектов РФ. По словам регионального уполномоченного по правам человека Воронежской области, доктора юридических наук, профессора Т. Д. Зражевской, основная задача данного документа состоит в системном подходе к разработке и реализации индикаторов прав человека [47]. В марте 2017 г. состоялось заседание Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Саратовской области по вопросу принятия региональной стратегии в сфере развития и защиты прав человека. По словам уполномоченного, учитывая, что Стратегия является программным документом и затрагивает все уровни власти и различные сферы общественных отношений, для ее разработки целесообразно обсуждение концептуальных вопросов, определение ее целей и задач с экспертами из научного сообщества [48].

Представляется, что региональные стратегии в сфере защиты прав человека должны разрабатываться на основе общефедеральной концепции, содержащей основополагающие идеи, принципы, понятия, индикаторы и иные системные показатели. Стратегии субъектов РФ должны содержать

план и направления деятельности в соответствии с концепцией, исходя из конституционной конструкции прав человека, поскольку к ведению РФ относится регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина (п. «б» ст. 71 Конституции РФ), а защита прав человека – это сфера совместного ведения (п. «б» ст. 72 Конституции РФ) [6]. Что касается периода действия стратегии, ее лучше привязать к периоду деятельности регионального омбудсмана, который выступит координатором и основным контрольным (а скорее, надзорным) органом по ее реализации.

В этой связи модельная региональная стратегия должна содержать следующие структурные единицы.

1. Общие положения (цели, задачи, принципы реализации).

2. Организационно-правовые основы (начиная с общепризнанных принципов и норм международного права, указов Президента РФ и заканчивая конституцией/уставом и стратегией социально-экономического развития субъекта РФ).

3. Перечень основных показателей состояния прав человека и их защиты в субъекте РФ.

3.1. Информационная открытость и организационная доступность деятельности органов публичной власти и должностных лиц, в том числе юридических лиц, осуществляющих публично значимые функции.

3.2. Удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств.

3.3. ...

4. Основные направления защиты прав человека в субъектах РФ.

4.1. Работа с обращениями граждан и организаций.

4.2. Оказание бесплатной юридической помощи на территории субъекта РФ.

4.3. Мониторинг деятельности органов власти и должностных лиц по обеспечению и защите прав граждан в субъекте РФ.

4.4. Защита прав отдельных категорий физических лиц (заключенных и осужденных, мигрантов, инвалидов...) в субъекте РФ.

4.5. ...

5. Координация и контроль (надзор) за ходом реализации Стратегии Саратовской области по защите прав человека.

6. Ожидаемые результаты реализации Стратегии субъекта РФ по защите прав человека.

Очевидно, что свободное развитие человека в социальном государстве возможно в том случае,

если обеспечены достойные условия его жизни, учитывающие потребности и предоставляющие возможность их реализации. Вместе с тем современная Россия пока не отвечает таким критериям по многим показателям, поскольку в стране существуют противоречия между формально закрепленными социальными благами и реальными результатами, противоречащими личным и имущественным интересам большинства граждан страны. «Главное противоречие современной российской действительности – противоречие между формально проецируемыми социальными благами и реальными результатами, отнюдь не благостными для большинства населения страны» [40, с. 60]. Социальное государство неразрывно связано с принципом справедливости, реализация которого возможна только при правильном перераспределении материально-экономических благ, справедливом и рациональном использовании природных богатств и научно обоснованном ценообразовании.

Список литературы

1. Европа на перепутье // Геополитика. URL: <http://geopolitica.info/evropa-na-perepute.html> (дата обращения: 10.04.2017).
2. Чиркин В. Е. Конституционная терминология. М., 2017. 272 с.
3. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты : пер. с фр. М., 1998. 416 с.
4. Комкова Г. Н. Категория «ценность» в конституционном праве России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 97–99.
5. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М., 2016. 320 с.
6. Конституция Российской Федерации : принята все-народным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
7. Арбузов С. Ю. Конституционное право на достойную жизнь и его место в системе прав человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 : в 4 ч. Ч. 4. С. 21–24.
8. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство : юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 24–37.
9. Силкина Т. Г. Место права на достойную жизнь и свободное развитие человека в системе ценностей социального государства // Юридический мир. 2016. № 11. С. 34–36.
10. Путило Н. В. Юридические критерии социального государства : новые подходы // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 15–25.
11. Конституция Российской Федерации. Доктринальный комментарий (постатейный) / рук. авт. кол. Ю. А. Дмитриев, науч. ред. Ю.И. Скуратов. 2-е изд., изм. и доп. М., 2013. 688 с.
12. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. Т.1. 863 с.
13. Киреев В. В. Свободное развитие человека и государственное принуждение в контексте совершенствования положений Конституции РФ // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2010. № 9 (190). Сер. Право. Вып. 23. С. 5–8.
14. Шевченко А. А. Социальная справедливость в условиях кризиса // Ценности и смыслы. 2013. № 3 (25). С. 36–44.
15. Авакьян С. А. Конституционный лексикон : Государственно-правовой терминологический словарь. М., 2015. 640 с.
16. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации : проблемы реализации. М., 2002. 687 с.
17. Конституционное право России : учебник / под ред. А. Е. Постникова. М., 2007. 504 с.
18. Чиркин В. Е. Социально-экономические права и индикаторы социальной справедливости. URL: https://www.youtube.com/watch?v=oIEOaosF-mQ&list=PLiOCzsSpbM0XIseqz3P_Nh-4a4kOn-azH (дата обращения: 10.04.2017).
19. Расчет индекса счастья. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%81%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8F (дата обращения: 10.04.2017).
20. Показатели качества жизни. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8 (дата обращения: 10.04.2017).
21. Крючкова Е. А. Трансформация социального государства в изменяющемся мире // Изменяющийся мир : общество, государство, личность : сб. материалов IV междунар. науч. конф. (09 апреля 2015 г.). Часть 3 (разделы 17–24). Саратов, 2015. С. 60–69.
22. Прожиточный минимум в России снизился на 67 рублей. URL: <http://www.interfax.ru/russia/539928> (дата обращения: 10.04.2017).
23. Справка «Об индексах потребительских цен в России и зарубежных странах в феврале 2017 г.» // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/ind-zen24.htm (дата обращения: 10.04.2017).
24. Челнокова Г. Б. Прожиточный минимум и минимальный размер оплаты труда – основные критерии определения бедности в социальном законодательстве России // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 11 (36). С. 1411–1416.

25. Эксперты заметили привыкание россиян к снижению стандартов потребления. URL: <http://www.rbc.ru/society/11/01/2017/58762d949a7947125b4b525f> (дата обращения: 10.04.2017).
26. Голодец рассказала о бедности среди работающих россиян. URL: <https://ria.ru/society/20170314/1489974515.html> (дата обращения: 10.04.2017).
27. Каждому десятому работнику зарплаты не хватает на еду. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/04/04/684008-rabotniku-ne-hvataet-na-edu> (дата обращения: 10.04.2017).
28. О прожиточном минимуме в Российской Федерации : федер. закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 03.12.2012) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 43, ст. 4904 ; 2012. № 50 (ч. 5), ст. 6956.
29. Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 50 (ч. 4), ст. 6950.
30. О потребительской корзине в целом по Саратовской области : закон Саратовской области от 04.07.2013 № 111-ЗСО // Собр. законодательства Саратовской области. 2013. № 26, июнь-июль.
31. Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в субъектах Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 28.01.2013 № 54 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 5, ст. 395.
32. Потребительская корзина на 2016 год. URL: <https://infoportalru.ru/potrebitelskaya-korzina-na-2016-god.html> (дата обращения: 10.04.2017).
33. Минтруд пересмотрит содержание потребительской корзины. URL: <https://rg.ru/2017/02/02/mintrud-peresmotrit-soderzhanie-potrebitelskoj-korziny.html> (дата обращения: 10.04.2017).
34. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части увеличения пенсионного возраста отдельным категориям граждан : федер. закон от 23.05.2016 № 143-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 22, ст. 3091.
35. Правительство на треть сокращает расходы на медицину. URL: <http://www.mk.ru/economics/2016/10/13/pravitelstvo-na-tret-sokrashhaet-raskhody-na-medicinu.html> (дата обращения: 10.04.2017).
36. Авакьян С. А. Демократия протестных отношений : конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1. С. 3–17.
37. А. Навальный : Он вам не Димон. URL: https://www.youtube.com/watch?v=qrwlk7_GF9g (дата обращения: 10.04.2017).
38. О чем говорит воскресная акция протеста. URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/27/682795-voskresnaya-aktsiya-protesta> (дата обращения: 10.04.2017).
39. Путин сравнил акции против коррупции с «арабской весной» и Евромайданом. URL: https://tvrain.ru/teleshov/videooftheday/putin_protesty-431136/ (дата обращения: 10.04.2017).
40. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией : науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М., 2013. 160 с.
41. Организованные Навальным протесты одобряют 38% россиян – «Левада-центр». URL: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/06/684383-protesti-odobryayut> (дата обращения: 10.04.2017).
42. Началась всероссийская стачка дальнебойщиков. URL: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/03/28/682974-vsrossiiskaya-stachka-dalnoboischikov> (дата обращения: 10.04.2017).
43. Об утверждении Стратегии по правам человека в Республике Татарстан на 2014–2018 годы : постановление КМ РТ от 02.08.2014 № 569. URL: <http://tatar7.info/2014/08/02/t640.htm> (дата обращения: 10.04.2017).
44. О Стратегии Воронежской области в сфере развития и защиты прав человека на 2016–2025 годы : указ губернатора Воронежской области от 05.08.2016 № 272-у. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441723063> (дата обращения: 10.04.2017).
45. Уполномоченный по правам человека в Алтайском крае : [сайт]. URL: <http://protmen.ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%8B-%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2-%D0%B8-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1> (дата обращения: 10.04.2017).
46. О Концепции обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Смоленской области на 2013–2020 годы : указ губернатора Смоленской области от 01.03.2013 № 15. URL: <http://docs.cntd.ru/document/462401009> (дата обращения: 10.04.2017).
47. Зражевская Т. Д. Система индикаторов в целях осуществления мониторинга защищенности прав и свобод человека и гражданина. URL: https://www.youtube.com/watch?v=oIEOaosF-mQ&list=PLiOCzsSpbM0XIseqz3P_Nh-4a4kOn-azH (дата обращения: 10.04.2017).
48. Уполномоченный по правам человека в Саратовской области : [сайт]. URL: <http://ombudsman64.ru/?p=7027> (дата обращения: 10.04.2017).

Образец для цитирования:

Абаева Е. А. Свободное развитие человека как условие современного социального государства // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 323–333. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-323-333.

Free Development of a Person as a Condition of the Modern Social State

Elena A. Abaeva

ORCID 0000-0001-8176-275X, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: tihonea@inbox.ru

Introduction. Social justice as an axiological characteristic of a modern state is on the national and international agendas. The major functions of the social state in Russia, that reveal its essence and are stipulated in the Constitution of the Russian Federation, are the decent life and free development of a person. The constitutional law research does not provide a uniform opinion concerning determinant importance of the given categories for the social state. The author believes that, while describing the modern social state, free development of a person is considered its priority. That requires a detailed doctrinal analysis. **Purpose.** The research aims at the theoretical interpretation of free development of a person as the basis of the modern social state. **Results.** The author states that the modern social state must consider free development of a person to be the core of its functioning. **Conclusion.** Free development of a person is a fundamental characteristic of the modern social state; determines realization of an overall legal status of a person (constitutional, special, individual and international).

Key words: social state, decent standard of living, free development of a person, public events, rights and freedoms of a person and citizen.

References

1. Europe at the crossroads. *Geopolitika* (Geopolitis). Available at: <http://geo-politica.info/evropa-na-perepute.html> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
2. Chirkin V. E. Konstitutsionnaia terminologiya [Constitutional terminology]. Moscow, 2017. 272 p. (in Russian).
3. Russo Zh.-Zh. Ob obschestvennom dogovore. Traktaty [About the public contract. Treatises]. Moscow, 1998. 416 p. (in Russian).
4. Komkova G. N. Category of «Value» in Constitutional Law of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2012, vol. 12, iss. 2, pp. 97–99 (in Russian).
5. Kharbieva T. Ya. Konstitutsionnaia reforma v sovremennom mire [The constitutional reform in the modern world]. Moscow, 2016. 320 p. (in Russian).
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398 (in Russian).
7. Arbuzov S. Yu. Human Constitutional Right to Decent Life and its Place in Human Rights System. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, no. 8: in 4 pt., pt. 4, pp. 21–24 (in Russian).
8. Chirkin V. E. Constitution and social state: legal and actual indicators. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2008, no. 12, pp. 24–37 (in Russian).
9. Silkina T. G. Right to a Dignified Life and Free Personal Development within the Set of Values of a Welfare State. *Yuridicheskiy mir* [Ledal world], 2016, no. 11, pp. 34–36 (in Russian).
10. Putilo N. V. Legal Criteria of the Welfare State: New Approaches. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2016, no. 10, pp. 15–25 (in Russian).
11. Konstitutsiia Rossiiskoi Federastii. Doktrinal'nyi kommentariy (pocateinyi) [The Constitution of the Russian Federation. Doctrinal comment (itemized). 2nd ed.]. Moscow, 2013. 688 p. (in Russian).
12. Avak'yan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyi kurs [Constitutional right of Russia. Training course: in 2 vol. 4th ed., rev. and add.]. Moscow, 2011. Vol. 1. 863 p. (in Russian).
13. Kireev V. V. Free development of the person and the state coercion in the context of improvement of provisions of the Constitution of the Russian Federation. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2010, no. 9 (190). Ser. Law, iss. 23, pp. 5–8 (in Russian).
14. Shevchenko A. A. Social justice in the conditions of crisis. *Tsennosti i smysly* [Values and Meanings], 2013, no. 3 (25), pp. 36–44 (in Russian).
15. Avak'yan S. A. Konstitutsionnyi leksikon: Gosudarstvenno-pravovoy terminologicheskii slovar' [Constitutional lexicon: State and legal terminological dictionary]. Moscow, 2015. 640 p. (in Russian).
16. Luchin V. O. Konstitutsiia Rossiiskoi Federastii: problemy realizatsii [Constitution of the Russian Federation: realization problems]. Moscow, 2002. 687 p. (in Russian).
17. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional right of Russia. Ed. by A. E. Postnikov]. Moscow, 2007. 504 p. (in Russian).
18. Chirkin V. E. Sotsial'no-ekonomicheskie prava i indikatory sotsial'noi spravedlivosti (Social and economic rights and indicators of social justice). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=oIEOaosFmQ&list=PLiOCzsSpm0XIseqz3P_Nh-4a4kOn-azH (accessed 10 April 2017) (in Russian).
19. Raschet indeksa schact'ia (Calculation of happiness index). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D1%81%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%D1%8F (accessed 10 April 2017) (in Russian).
20. Pokazateli kachestva zhizni (Quality of life indicators). Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81_%D0%BA%D0%B0%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0_%D0%B6%D0%B8%D0%B7%D0%BD%D0%B8 (accessed 10 April 2017) (in Russian).

21. Kryuchkova E. A. Transformation of Social State in a Changing World. In: *Izmeniaushchiesia mir: obshchestvo, gosudarstvo, lichnost'* [The changing world: society, state, personality. Collection materials IV Int. sci. conf. (April 09, 2015). Part 3 (sections 17–24)]. Saratov, 2015, pp. 60–69 (in Russian).
22. Prozhitochnyi minimum v Rossii snizilsia na 67 rubley (The subsistence minimum in Russia fell by 67 rubles). Available at: <http://www.interfax.ru/russia/539928> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
23. The reference "About consumer price indexes in Russia and foreign countries in February, 2017". *Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi ststistiki* (Federal State Statistics Service. Site). Available at: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/ind-zen24.htm (accessed 10 April 2017) (in Russian).
24. Chelnokova G. B. A living wage and the minimum wage – the main criteria of definition of poverty in the social legislation of Russia. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Urgent problems of Russian law], 2013, no. 11 (36), pp. 1411–1416 (in Russian).
25. Eksperty zametili privykanie rossiian k snizheniiu stsndartov potrebleniya (Experts noted the addiction of Russians to a decrease in consumption standards). Available at: <http://www.rbc.ru/society/11/01/2017/58762d949a7947125b4b525f> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
26. Golodest rasskazala o bednosti sredi rabotaiueshikh rossiyan (Golodets has told about poverty among the working Russians). Available at: <https://ria.ru/society/20170314/1489974515.html> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
27. Kazhdomu desiatomu rabotniku zarplaty ne khvataet na edu (Isn't enough for every tenth worker of a salary for food). Available at: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/04/04/684008-rabotniku-ne-hvataet-na-edu> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
28. About a living wage in the Russian Federation. Federal law of 24.10.1997 No. 134-FZ (an edition of 3.12.2012). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1997, no. 43, art. 4904; 2012, no. 50 (pt. 5), art. 6956 (in Russian).
29. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 50 (pt. 4), art. 6950 (in Russian).
30. About a consumer basket in general across the Saratov region. Law of the Saratov region of 4.07.2013 No. 111-ZSO. *Sobranie zakonodatel'stva Saratovskoi oblasti* [Collection of Laws of the Saratov region], 2013, no. 26, June–July (in Russian).
31. About the approval of methodical recommendations about definition of a consumer basket for the main social and demographic groups of the population in subjects of the Russian Federation. Resolution of the Government of the Russian Federation. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2013, no. 5, art. 395 (in Russian).
32. Potrebitel'skaya korzina na 2016 god (Consumer basket for 2016). Available at: <https://infoportalru.ru/potrebitel'skaya-korzina-na-2016-god.html> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
33. Mintrud peresmotrit sodержanie potrebitel'skoy korziny (Ministry of Labor will reconsider the maintenance of a consumer basket). Available at: <https://rg.ru/2017/02/02/mintrud-peresmotrit-soderzhanie-potrebitelskoj-korziny.html> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
34. About introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation regarding increase in a retirement age to separate categories of citizens. Federal law of 23.05.2016 No. 143-FZ. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2016, no. 22, art. 3091 (in Russian).
35. Previtel'stvo na tret' sokracshaet raskhody na medistinu (The government cuts down expenses on medicine for a third). Available at: <http://www.mk.ru/economics/2016/10/13/pravitelstvo-na-tret-sokrashhaet-raskhody-na-medicinu.html> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
36. Avak'yan S. A. Democracy of protest relations: constitutional-law aspect. *Konstitucionnoe i munistipal'noe pravo* [Constitutional and municipal law], 2012, no. 1, pp. 3–17 (in Russian).
37. A. Naval'nyi: "On vam ne Dimon" (A. Navalny: "He to you not Dimon"). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=qrwk7_GF9g (accessed 10 April 2017) (in Russian).
38. O chem govorit voskresnaya aktsiya protesta (What the Sunday protest action speaks about). Available at: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/03/27/682795-voskresnaya-aktsiya-protesta> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
39. Putin sravnil aktsii protiv korrupcii s "arabskoy vesnoy" i Evromaydanom (Putin has compared actions against corruption with "in the Arab spring" and Euromaidan). Available at: https://tvrain.ru/teleshov/videooftoday/putin_protesty-431136/ (accessed 10 April 2017) (in Russian).
40. Uchastie institutov grazhdanskogo obshchestva v bor'be s korrupstiey [Participation of institutes of civil society in fight against corruption. Ans. ed. Yu. A. Tikhomirov]. Moscow, 2013. 160 p. (in Russian).
41. Organizovannye Naval'nym protesty odobriaiut 38% rossiyan – "Levada-stentr" (The protests organized by Navalny approve 38% of Russians – Levada Center). Available at: <http://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/06/684383-protesti-odobryayut> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
42. Nachalas' vserossiiskaia stachka dal'noboyschikov (The All-Russian strike of long-distance truck drivers has begun). Available at: <http://www.vedomosti.ru/economics/articles/2017/03/28/682974-vserossiiskaya-stachka-dal'noboyschikov> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
43. About the adoption of Strategy for human rights in the Republic of Tatarstan for 2014–2018. Resolution KM RT of 02.08.2014 No. 569. Available at: <http://tatar7.info/2014/08/02/t640.htm> (accessed 10 April 2017) (in Russian).

44. About the Strategy of the Voronezh region in the sphere of development and protection of human rights for 2016–2025. Decree of the governor of the Voronezh region of 05.08.2016 No. 272-u. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/441723063> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
45. Upolnomochenni po pravam cheloveka v Altaiskom krae (The Commissioner for Human Rights in the Altai Krai. Site). Available at: <http://protmen.ru/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D0%B7%D0%B0%D1%89%D0%B8%D1%82%D1%8B-%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D1%85-%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2-%D0%B8-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
46. About the Concept of providing are also sewn up the rights and freedoms of the person and citizen in the Smolensk region for 2013–2020. Decree of the governor of the Smolensk region of 01.03.2013 No. 15. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/462401009> (accessed 10 April 2017) (in Russian).
47. Zrazhevskaya T. D. Sistema indikatorov v steliakh osuschestvleniya monitoringa zaschischnosti prav i svobod cheloveka i grazhdanina (System of indicators for implementation of monitoring of security of the rights and freedoms of the person and the citizen). Available at: https://www.youtube.com/watch?v=oIEOaosFmQ&list=PLiOCzsSpm0XIseqz3P_Nh-4a4kOn-azH (accessed 10 April 2017) (in Russian).
48. Upolnomochenni po pravam cheloveka v Saratovskoy oblasti (The Commissioner for Human Rights in the Saratov region. Site). Available at: <http://ombudsman64.ru/?p=7027> (accessed 10 April 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Abaeva E. A. Free Development of a Person as a Condition of the Modern Social State. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 323–333 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-323-333.

УДК 342.72/73

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕВОЧЕК В ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. В. Стрыгина

кандидат философских наук, доцент кафедры теории государства и права,
Саратовский национальный исследовательский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: naukasvet@yandex.ru

Введение. Статья посвящена проблемам правового регулирования защиты прав девочек в нашей стране. Эта категория детей требует особой защиты в силу своих биологических особенностей и огромной роли формирования их психического, нравственного и физического здоровья для будущего страны и всего мира. **Обсуждение.** В статье исследуется международное и российское законодательство по охране прав и свобод этих детей. И если в международном праве данные задачи не только рассматриваются в контексте прав женщин и прав ребенка, но и подчеркиваются как отдельное направление, то в нашей стране они не выделяются и законом во многом не урегулированы. Участие в детских конкурсах красоты (в которых в основном принимают участие девочки), рекламах на телевидении, модельных показах одежды без должной законодательной регламентации нарушает их права, причиняя психологический вред, формируя искаженный образ-ориентир будущего, ведя к социализационному дефекту. Проведение подобных публичных мероприятий, несмотря на предложения депутатов, не было запрещено и в достаточной степени не регламентировано. Кроме того, использование образа детей в рекламе, их участие в показах моды модельными агентствами противоречит существующему законодательству в стране. Отрицательные последствия несовершенства законодательства, в первую очередь, сказываются на девочках, результатом чего появляется угроза их психическому и физическому здоровью. **Заключение.** В результате анализа международно-правовых документов и национального законодательства сделан вывод, что в стране недостаточно разработан механизм правовой защиты по охране прав девочек, а их проблемам не уделяется должного внимания. Вместе с тем даже существующее законодательство в области охраны прав детей не соблюдается.

Ключевые слова: права девочек, конкурсы красоты, реклама, правовой механизм, психологическое здоровье.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-334-339

Введение

Мировое сообщество обращает пристальное внимание на защиту прав девочек. Эта категория детей постоянно выделяется в связи с огромной ролью формирования их нравственного и физического здоровья для будущего планеты. Их охрана выступает одной из целей Концепции устойчивого развития для преобразования мира на период до 2030 года.

Анализ состояния защиты прав девочек в нашей стране показывает, что проблемы данной категории детей недооцениваются, поэтому они в недостаточной мере защищены и регламентированы правом. Об этом свидетельствуют как

содержание законодательства, так и состояние правоприменительной практики.

В настоящее время требует дополнительного законодательного урегулирования охрана физического, психического и нравственного здоровья несовершеннолетних девочек, поскольку они относятся к наиболее уязвимой категории детей в силу своих природных и физических особенностей.

Недостаточно эффективный правовой механизм защиты этой гендерной группы противоречит принципу справедливости, означающему соответствие между ролью лица в обществе и его социально-правовым положением.

Обсуждение

В современных условиях к числу значимых задач любого государства относится предоставление девочкам возможностей по раскрытию своего потенциала при условии, что осуществляемые для этого меры не противоречат нравственному и физическому здоровью.

Проводимые до сих пор повсеместно публичные мероприятия с детьми (где чаще всего участвуют девочки) в нашей стране имеют сомнительную пользу, влекут неоправданные как психологические, так и физические нагрузки. Фактически это конкурс амбиций родителей, а не добровольный выбор детей.

По мнению многих психологов и педагогов, участие детей в конкурсах красоты наносит ущерб психическому здоровью, не порождает нужной адаптации к различным факторам внешней среды. В результате приобретаются комплексы, синдром дисморфомании (к которому склонны больше девочки), формируются искаженные представления о жизни, окружающем мире, приоритете ценностей.

Синдром дисморфомании, характеризующийся мыслями о мнимом внешнем уродстве, по мнению психиатров, все более стал проявляться у юных представительниц прекрасного пола в нашей стране. Кроме того, у девочек формируется искусственный взрослый образ красоты, возникает стремление к определенным параметрам во внешности.

Вместе с тем психологи считают, что в процессе формирования личности большое значение имеют заложенные в детстве нравственные особенности формирования образа-ориентира будущего, на основе которого в дальнейшем выстраивается собственная жизнедеятельность, создание семьи, воспитание достойного поколения.

Особое значение имеет созданный образ человека в подростковом и юношеском возрасте. Специалисты считают, что «одной из важнейших разновидностей образов-отражений являются образы-ориентиры. Они отражают тех конкретных людей, с которыми человек себя сравнивает для того, чтобы точнее осознавать самого себя и определить то, каким хотелось бы или, наоборот, не хотелось бы быть» [1].

«Человек создает себя сам. Он не сотворен изначально, он творит себя, выбирая мораль; а давление обстоятельств таково, что он не может не выбрать какой-нибудь определенной морали», – писал знаменитый ученый Жан-Поль Сартр [2].

В 2014 г. под воздействием общественности была предпринята попытка правового ограничения проведения детских конкурсов красоты. Депутаты от партии «Единая Россия» и ЛДПР внесли в Государственную думу проект закона с предложением о запрете участия «несовершеннолетних в мероприятиях, связанных с оценкой и демонстрацией внешности». Речь шла о дополнении ч. 2 ст. 5 ФЗ от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [3]. В пояснительной записке авторы проекта совершенно верно подчеркивали, что «возрастной ценз на таких мероприятиях отсутствует – в конкурсах могут принимать участие дети любого возраста, вплоть до новорожденных». В проекте отмечено, что дети вынуждены придерживаться даже диетических ограничений с целью соответствовать определенным требованиям внешности [4].

Эту инициативу, к сожалению, депутаты не поддержали и изменения не были внесены в законодательство. Одной из причин отказа в принятии поправок явилось то, что в проекте не определены критерии наступления названных негативных последствий в случае участия несовершеннолетних в указанных мероприятиях. Правовое управление аппарата Госдумы рекомендовало доработать юридическую технику законопроекта, что не сделано до сих пор.

Вместе с тем имеется много заключений врачей о негативном влиянии таких действий, которые отрицательно сказываются на здоровье детей. Это лишний раз доказывает, что о нравственном и психическом здоровье нации законо-

датели не заботятся, что является показателем низкой правовой культуры парламентариев.

«Для того, чтобы искоренить общественно опасные явления в обществе, должно быть сформировано высокое правовое сознание, что означает выработку правового мышления у граждан, умения принимать решения в сложных ситуациях не только за себя, но и за тех, кто от тебя зависит» [5, с. 128].

Необходимо разработать механизм правового регулирования по защите этих детей, для чего определить четкие законодательные основы конкурсов красоты, обозначив порог возраста, раньше которого не допускается в них участие, а также меры по обеспечению безопасности здоровья.

До настоящего времени для участия в конкурсах в социальных сетях приглашаются дети самого юного возраста. Так, к участию в ежегодном конкурсе Красоты и Таланта «Юная Краса Орловского края» в 2016 г. приглашали детей от 4 лет, а само мероприятие являлось отборочным этапом на Всероссийский конкурс «Лучшая модель России».

Подобные мероприятия носят массовый характер, что свидетельствует о продолжающейся тенденции оценивания детей по определенным параметрам. Поэтому у девочек с ранних лет формируется представление, что их оценивают исключительно по внешности, что не вносит в развитие подрастающего поколения каких-либо жизненно важных позиций для будущего.

Об этой опасности говорится в международных документах. Так, в Пекинской декларации, принятой на 16-м пленарном заседании 15 сентября 1995 г., речь идет о том, что «девочки и девушки-подростки могут получать от своих родителей, учителей, сверстников и средств массовой информации различную противоречивую и вводящую в заблуждение информацию относительно роли полов...» [6].

В некоторых субъектах РФ, «руководствуясь необходимостью защитить детскую психику от травм, которые неизбежно возникают во время конкурсов красоты», парламентарии запретили подобные действия, как например, в Законодательном собрании Санкт-Петербурга [7].

Запрет на детские конкурсы красоты действует также в Краснодарском крае, в некоторых республиках страны, но инициатива из регионов не замечается законодателем.

Ни в одном нормативном акте Российской Федерации не предусмотрена правовая защита психологического здоровья детей, внимание которому в нашей стране вообще мало уделяется, хотя творческое развитие ребенка должно происходить с учетом этого немаловажного фактора.

В «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», принятой Правительством РФ 8 марта 2017 г., выделяется гендерная принадлежность девочек, но в ней подчеркивается только необходимость качественной медицинской помощи и говорится о защите их от насилия [8].

Вместе с тем психологическое и физическое здоровье взаимосвязано и взаимообусловлено. От степени устойчивости психики детей зависит их будущее, а следовательно, и будущее страны. Цивилизованное государство должно заботиться о психическом здоровье нации, которое связано с воспитанием юного поколения. Данная задача носит международный характер, на что обращается внимание в Конвенции о правах ребенка: «...ребенок должен быть полностью подготовлен к самостоятельной жизни в обществе и воспитан в духе идеалов, провозглашенных в Уставе Организации Объединенных Наций, и особенно в духе мира, достоинства, терпимости, свободы, равенства и солидарности» [9].

Право по своему содержанию должно быть ориентировано на возможность самореализации человека, а не создание искаженных образов сознания. Это тем более важно в условиях повышенной лабильности подростков в современном обществе, существования различных комплексов, что оканчивается суицидами, анорексией и депрессией, которым подвержены чаще девочки.

Участниц публичных мероприятий подросткового возраста, связанных с демонстрацией внешности, врачи изначально относят к фактору риска заболевания нервной анорексии. Это подтвердили проведенные ими исследования, например, группы участниц конкурса красоты 17–18 лет «Мисс МПСИ», которые показали сниженные показатели социального функционирования [10]. Это означает наличие сложности: в семейных отношениях в настоящем и будущем; в налаживании межличностных контактов; в трудовой деятельности; возникновение правовых проблем. Это все наблюдается на фоне повышенной конфликтности и раздражительности.

Психологами отмечается большая эмоциональность девочек-подростков, чем мальчиков, поскольку у них в этом возрасте происходит быстрее процесс формирования самосознания, зависящего от окружающей среды.

Исходя из этого и учитывая безусловную необходимость рекомендаций международных документов, четкое правовое регулирование должно быть в сфере, связанной с демонстрацией внешности, к которой относится показ детьми одежды в рекламных роликах, широко представленных на всех каналах телевидения.

В п. 3 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 28.03.2017) говорится о том, что не допускается «создание у несовершеннолетних искаженного представления о доступности товара для семьи с любым уровнем достатка» [11]. В п. 2 ст. 6 Закона прописано, что не допускается «побуждение несовершеннолетних к тому, чтобы они убедили родителей или других лиц приобрести рекламируемый товар» [11].

Но не секрет, что реклама одежды определенного бренда, когда моделями выступают дети (в основном девочки), ведет к тому, что у ребенка (подростка) появляется желание обладать этим товаром, после чего следует запрос к родителям, и в случае неудовлетворенных требований рождается комплекс неполноценности по отношению к сверстникам, которые смогли приобрести желаемую вещь.

Закон существует, но он не действует, не защищая, таким образом, права детей. А поскольку показателем эффективности права в стране является его реализация, то если этого не происходит – оно неэффективно, следовательно, противоречит принципам правового государства.

Общесоциальная ценность права заключается в том, что оно должно оказывать воздействие на поведение и деятельность людей посредством согласования их специфических интересов. Но существующая, к примеру, на телевидении реклама одежды «Глории Джинс» прямо противоречит существующему законодательству, навязывая несовершеннолетним мнение о покупке определенного товара.

Конкурсы красоты во многих случаях стали перерастать в конкурсы моделей, победители промежуточных этапов которых демонстрируют одежду на подиуме. И в данном случае это связано уже с использованием модельными компаниями детского труда (в целях продвижения брендов и получения доходов), запрещенного как на международном, так и на национальном уровне.

В Конвенции о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [Конвенция 182] особо оговаривается гендерная группа девочек и обращается внимание на важность поднимаемых вопросов на международном уровне [12].

Организация Объединенных Наций в «Основных сведениях», посвященных Всемирному дню борьбы с детским трудом, подчеркивает, что он осуждается мировым сообществом. В документе говорится, что не допускается «труд, выполняемый ребенком, не достигшим минимального возраста, установленного для данного вида работ (в соответствии с национальным законодательством и на основе принятых международных

норм)». «Основные сведения» относят к опасному виду любую работу несовершеннолетних, если она может причинить вред «физическому, психическому или моральному здоровью детей, их безопасности или нравственности» [13].

Вместе с тем труд на подиуме для показа одежды относится к тяжелому виду, как в физическом, так и нравственном отношении, даже когда проход во время демонстрации одежды осуществляется несовершеннолетними только один раз. За этим стоят часы тренировок, репетиций, натаскиваний, нервных усилий, не соответствующих по нагрузкам их возрасту и уровню достигаемой цели. Поэтому стоит актуальная задача решения в законодательном порядке ограничения возраста участия в конкурсах модельных агентств детей, соотношения его с существующим национальным законодательством, где труд разрешен только в исключительных случаях с 14 лет. При этом важно четко определить условия подобного вида деятельности, защитив несовершеннолетних как от перенапряжения, так и от нездоровой активности родителей, поставив ее под контроль министерства образования, органов опеки и попечительства, при обязательном условии участия в подобных мероприятиях психологов и педагогов.

Проблема защиты прав девочек относится не только к тем, кто участвует в дефиле или конкурсах красоты, но и ко всем подросткам, поскольку навязываемые образы порождают желание им подражать. Стремление любой ценой соответствовать растиражированным эталонам внешности приводит к антивиталям переживаниям, что может заканчиваться суицидом.

Серьезность проблемы подтверждает Следственный комитет РФ, по данным которого, в 2015 г. было зарегистрировано суицидов в стране среди подростков в три раза больше среднемирового показателя. Заключение сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права РАН свидетельствует, что в социальных сетях наблюдается «пропаганда специальных диет и лекарств, обеспечивающих достижение анорексического состояния» [14].

Заключение

Несмотря на то, что международное сообщество выделяет проблему защиты прав девочек как самостоятельную существующую, в нашей стране в законодательстве она специально не выделена и практически в таком ракурсе никогда не поднималась. Вместе с тем это не означает, что ее не существует. Речь идет о воспитании нравственных ценностей у детей и подростков женского пола, о защите психического здоровья и даже жизни.

Медицинские работники Московского научно-практического центра психического здоровья детей и подростков свидетельствуют, что, по данным 2015 г., число госпитализируемых пациентов с нервной анорексией за последние пять лет выросло почти в 10 раз. При этом анорексией страдают примерно два процента девочек и один процент мальчиков.

В стране не охраняется правом труд детей на модельных подмостках, правоохранительные органы и законодатель не замечают, что происходит использование труда детей модельными агентствами в целях рекламы.

Существующее законодательство в области охраны труда детей не является эффективным и требует доработки. Вместе с тем «жизнь правовых норм, их эффективность, как и объективного права в целом – в их действии, практической реализации», – пишет М. И. Байтин [15, с. 13]. Следовательно, если право не защищает наиболее уязвимые слои общества, оно не отвечает своему предназначению.

Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в 2016 г. в своем Послании по случаю Международного дня девочек подчеркивал: «Инвестирование в девочек – это и правильное и разумное дело. Это имеет далеко идущие последствия для всех областей развития и жизни будущих поколений» [16].

Национальное право должно защищать все слои общества, выделяя при этом особо незащищенные группы в силу своих особенностей. К таким относятся девочки, права которых требуют создания специального механизма правового регулирования.

Список литературы

1. Ситников В. Л., Евдокимова Е. А., Бондаренко Л. А. Особенности образа проституток у несовершеннолетних девушек // Учен. зап. ЗабГУ. Сер. Педагогика и психология. 2014. № 5 (58). С. 91–98. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_22633592_40604836.pdf (дата обращения: 25.03.2017).
2. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. URL: <http://www.countries.ru/library/texts/sartre.htm> (дата обращения: 25.03.2017).
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (о запрете участия несовершеннолетних в публичных мероприятиях, связанных с оценкой и демонстрацией внешности). URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/E3794E6B9408324C43257C7F002A284F/\\$FILE/451327-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/E3794E6B9408324C43257C7F002A284F/$FILE/451327-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 25.03.2017).
4. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (о запрете участия несовершеннолетних в публичных мероприятиях, связан-

- ных с оценкой и демонстрацией внешности). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Стрыгина С. В. Значение моральных норм в реализации норм права // Проблемы и перспективы современного права : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 20 марта 2015 г.). Уфа, 2015. С. 128–129.
 6. Пекинская декларация. Принята на 18-м пленарном заседании 15 сентября 1995 г. URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14647> (дата обращения: 09.04.2017).
 7. Депутаты ЗакСа запретили детские конкурсы красоты и обсудили избирательный медосмотр детей. URL: <https://www.topspb.tv/news/news37919/> (дата обращения: 04.04.2017).
 8. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 гг. : распоряжение Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 9. Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией ООН 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml (дата обращения: 04.04.2017).
 10. Балакирева Е. Е., Зверева Н. В., Якупова Л. П. Психологическая квалификация когнитивных нарушений при нервной анорексии у детей и подростков. URL: http://elibrary.ru/download/elibrary_21582913_27583291.PDF (дата обращения: 05.04.2017).
 11. О рекламе : федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 28.03.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 12. Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда [Конвенция 182]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml (дата обращения: 03.04.2017).
 13. Всемирный день борьбы с детским трудом. 12 июня. Основные сведения. URL: <http://www.un.org/ru/events/childlabourday/background.shtml> (дата обращения: 05.04.2017).
 14. Заключение сектора уголовного права, криминологии и проблем правосудия Института государства и права РАН об основных факторах роста числа суицидов среди несовершеннолетних и предложения по совершенствованию правовых мер предупреждения указанного опасного социального явления. URL: http://www.igpran.ru/public/publicsite/Zaklyuch_i_predl_sektora_UPKP_po_dop_UK_RF_st_110.1.pdf (дата обращения: 05.04.2017).
 15. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд. М., 2005. 544 с.
 16. Послание по случаю Международного дня девочек 11 октября 2016 г. URL: <http://www.un.org/ru/sg/messages/2016/girlchildday.shtml> (дата обращения: 04.04.2017).

Образец для цитирования:

Стрыгина С. В. Правовое регулирование защиты прав девочек в публичных мероприятиях современной России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 334–339. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-334-339.

Legal Regulation of Protection of the Girls' Rights in Public Events Modern Russia

Svetlana V. Strygina

ORCID 0000-0003-0786-9385, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: naukasvet@yandex.ru

Introduction. The article is devoted to the problems of legal regulation of protection of the girls' rights in our country. This category of children demands particular protection due to the biological characteristics and the huge role of the formation of their mental, moral and physical health for the future of the planet. **Discussion.** The author investigates the international law which poses the problem of protecting the rights of the girls. The rights and freedoms of girls are considered in the international law not only as rights of women and children but singled out as separate tasks. In our country there is no such an approach in the legal regulation. In the country there are events which cause psychological harm, form distorted image of the guideline of the future on the basis of which we build our own life. It speaks about the beauty contests which, in spite of the deputies' attempts, have not been banned. Besides, using children images in commercials, taking part in beauty contests break the law directly. The negative effects of imperfection of the law firstly affect girls and cause their mental problems. **Conclusion.** Having made the analysis

of the international legal instruments and the national law, the author comes to the conclusion that in the country the legislation of the protection of the girls' rights is insufficiently developed and it is not paid enough attention to their problems. What is more, the existing law of protection of children's rights is not observed.

Key words: rights of the girls, public event, beauty contests, advertising, legal mechanism, psychological health.

References

1. Sitnikov V. L., Evdokimova E. A., Bondarenko L. A. Peculiarities of Prostitute Image of Teensger. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta* (Scientific notes of the Transbaikal State University). Ser. Pedagogics and Psychology, 2014, no. 5 (58), pp. 91–98. Available at: http://elibrary.ru/download/elibrary_22633592_40604836.pdf (accessed 25 March 2017) (in Russian).
2. Sartre J.-P. Ekzistentsializm – eto gumanizm (The existentialism is a humanity). URL: <http://www.countries.ru/library/texts/sartre.htm> (accessed 25 March 2017) (in Russian).
3. About introduction of amendments to separate acts of the Russian Federation (about the ban of participa-

- tion of minors in the public actions connected with an assessment and demonstration of appearance). Available at: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/E3794E6B9408324C43257C7F002A284F/\\$FILE/451327-6.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/E3794E6B9408324C43257C7F002A284F/$FILE/451327-6.PDF?OpenElement) (accessed 25 March 2017) (in Russian).
4. The explanatory note to the draft Federal law "About Introduction of Amendments to Separate Acts of the Russian Federation" (about the ban of participation of minors in the public actions connected with an assessment and demonstration of appearance). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 5. Strygina S. V. Znachenie moral'nykh norm v realizatsii norm prava [The meaning of the moral standards in the implementation of the law]. In: *Problemy i perspektivy sovremennoogo prava* [Problems and outlooks of modern law. Collection of articles of the Int. Sci. and Practical Conf. (20 March 2015, Ufa)]. Ufa, 2015, pp. 128–129 (in Russian).
 6. Pekinskaia deklaratsiya. Priniata na 18-m plenarnom zasedanii 15 sentiabria 1995 g. (Beijing declaration. It is accepted at the 18th plenary session on September 15, 1995). Available at: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14647> (accessed 9 April 2017) (in Russian).
 7. Deputaty ZakSa zapretili detskie konkursy krasoty i obsudili izbiratel'nyimedosmotr detei (Deputies of Legislative Assembly have forbidden children's beauty contests and have discussed selective medical examination of children). Available at: <https://www.topsb.tv/news/news37919/> (accessed 4 April 2017) (in Russian).
 8. About the adoption of National strategy of actions for the benefit of women for 2017–2022. Order of the Government of the Russian Federation of March 8, 2017 No. 410-р. *ATP «Garantt»* [electronic resource] (in Russian).
 9. Konventsiya o pravakh rebenka. Priniata rezoliutsiey OON 44/25 General'noi Assamblei ot 20 noiabria 1989 g. (Convention on the Rights of the Child. It is accepted by the resolution of the UN 44/25 General Assemblies of November 20, 1989). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml (accessed 4 April 2017) (in Russian).
 10. Balakireva E. E., Zvereva N. V., Yakupova L. P. Psikhologicheskaya kvalifikatsiya kognitivnykh narusheniy pri nervnoi anoreksii u detei i podrostkov (Psychological qualification of cognitive deficits at children and teenagers with anorexia nervosa). Available at: http://elibrary.ru/download/elibrary_21582913_27583291.PDF (accessed 5 April 2017) (in Russian).
 11. About advertizing. Federal law of 13.03.2006 No. 38-FZ (an edition of 28.03.2017). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 12. Konventsiya o zapreschenii i nemedlennykh merakh po iskoreneniyu naikhudshikh form detskogo truda [Konvenciya 182] (Convention on prohibition and immediate measures for eradication of the worst forms of child labor [Convention 182]). Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/convention182.shtml (accessed 3 April 2017) (in Russian).
 13. Vsemirnyi den' bor'by s detskim trudom. 12 iyunia. Osnovnye svedeniya (World Day Against Child Labour. 12 June). Available at: <http://www.un.org/ru/events/child-labourday/background.shtml> (accessed 5 April 2017) (in Russian).
 14. Zakliuchenie sektora ugolovnogo prava, kriminologii i problem pravosudiya Instituta gosudarstva i prava RAN ob osnovnykh faktorakh rosta chisla suitsidov sredi nesovershennoletnikh i predlozheniya po sovershenstvovaniyu pravovykh mer preduprezhdeniya ukazannogo opasnogo sotsial'nogo iavleniya (The conclusion of sector of criminal law, criminology and problems of justice of Institute of the state and right of RAS about major factors of growth of number of suicides among minors and suggestion for improvement of legal measures of the prevention of the specified dangerous social phenomenon). Available at: http://www.igpran.ru/public/publiconsite/Zaklyuch_i_predl_sektora_UPKP_podop_UK_RF_st_110.1.pdf (accessed 5 April 2017) (in Russian).
 15. Baitin M. I. Suschnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dveh vekov) [The entity is right (The modern normative right understanding on the verge of two centuries). 2nd ed.]. Moscow, 2005. 544 p. (in Russian).
 16. Poslanie po sluchayu Mezhdunarodnogo dnya devochek 11 oktyabrya 2016 g. (The message on the occasion of the International day of girls on October 11, 2016). Available at: <http://www.un.org/ru/sg/messages/2016/girlchildday.shtml> (accessed 4 April 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Strygina S. V. Legal Regulation of Protection of the Girls' Rights in Public Events Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 334–339 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-334-339.

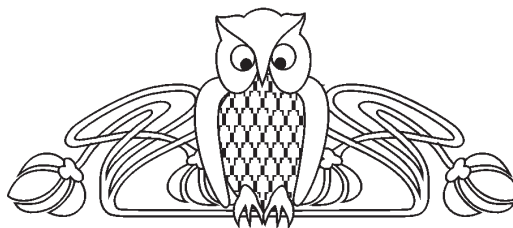

УДК 349

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРМИНА «КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Ю. Ю. Илюхина

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: yilyu@yandex.ru

Введение. В настоящее время правовое регулирование отношений, объектом которых выступают культурные ценности, осуществляется рядом нормативных правовых актов, относящихся к различным отраслям права. Реализация правоотношений, объектом которых являются культурные ценности, встречает некоторые затруднения, связанные с несовершенством правового регулирования оборота указанного объекта прав. **Цель.** Основная цель работы состоит в теоретическом осмыслении понятия «культурные ценности» и выработке рекомендаций по совершенствованию правового регулирования. **Результаты.** Констатируется, что в законодательстве России отсутствует единое легальное определение термина «культурные ценности». В нормативных актах термин «культурные ценности» понимается в различных значениях, что приводит к его двоякому толкованию и сложностям в правоприменении. В силу отсутствия легального определения термина «культурные ценности» на практике могут возникать проблемы с квалификацией культурной ценности в качестве объекта правоотношений. Статья посвящена исследованию категории «культурные ценности» в административно-правовом и гражданско-правовом законодательстве. Проанализированы определения, данные в специальной литературе и национальном праве. **Заключение.** Сделан вывод, что необходима законодательная унификация определения категории «культурные ценности».

Ключевые слова: культурные ценности, ввоз культурных ценностей, вывоз культурных ценностей, оборот культурных ценностей, объект правоотношений с учетом доктринально выявленных существенных признаков.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-340-343

Введение

В настоящее время регулирование правоотношений, объектом которых выступают культурные ценности, осуществляется рядом нормативных правовых актов, относящихся к различным отраслям права. Реализация данных правоотношений встречает некоторые затруднения, связанные с несовершенством правового регулирования оборота указанного объекта прав как на международном, так и на национальном уровнях. «Как указывают специалисты, в настоящее время имеется более 60 международно-правовых актов в отношении объектов культурного наследия, в которых, однако, отсутствует общее определение таких объектов» [1].

Основываясь на опыте правоприменения в самых разных сферах жизнедеятельности, можно

предположить, что четкий понятийный аппарат всегда минимизирует риски неверного применения нормы права. Поэтому, отмечая проблемные вопросы, связанные с регулированием оборота культурных ценностей, прежде всего, следует проанализировать понимание определения «культурная ценность» в нормативных актах.

Цель

Основная цель работы состоит в теоретическом осмыслении понятия «культурные ценности» и выработке рекомендаций по совершенствованию правового регулирования, в частности, путей формирования термина «культурные ценности», универсального для различных отраслей права.

Результаты

В законодательстве России отсутствует единое легальное определение термина «культурные ценности». В различных нормативных актах этот термин понимается в различных значениях, что приводит к двоякому толкованию и сложностям в правоприменении.

Так, в частности, в «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 28.11.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016): «Культурные ценности – нравственные и эстетические идеалы, нормы и образцы поведения, языки, диалекты и говоры, национальные традиции и обычаи, исторические топонимы, фольклор, художественные промыслы и ремесла, произведения культуры и искусства, результаты и методы научных исследований культурной деятельности, имеющие историко-культурную значимость здания, сооружения, предметы и технологии, уникальные в историко-культурном отношении территории и объекты» [2].

В Законе РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 23.07.2013) [3] (далее – Закон о вывозе), содержащем нормы таможенной отрасли права, можно увидеть следующее понимание культурных ценностей: «движимые предметы материального мира, находящиеся на территории Российской Федера-

ции, принадлежащие к категориям, перечисленным в норме (исторические, археологические, художественные, декоративно-прикладные и т.д.).

Итак, очевидно, что два ключевых определения культурных ценностей в национальном законодательстве противоречат друг другу. Возможно, это объясняется тем, что законодатель изначально задумывал соотношение этих терминов как родовое понятие (данное в Основах законодательства о культуре) и видовое (в таможенном законодательстве).

Законодатель не претендует на унифицированность последнего определения, указывая, что культурные ценности следует понимать именно таким образом лишь для целей перемещения их через государственную границу России, а сферу применения понятия, данного в законодательстве о культуре, не ограничивает, тем самым демонстрируя, что оно – наиболее обобщенное.

Целесообразность такого разделения детерминаций на утилитарную и обобщенную подлежит осмыслению. В юридической литературе общепризнанным считается мнение о том, что правовым регулированием охватываются не все общественные отношения, связанные с культурными ценностями в философском их представлении. М. А. Александрова анализирует соотношение юридического и философского понимания культурных ценностей, отмечая, что «существуют такие культурные ценности в философском понимании названной категории, отношения по поводу которых в принципе не могут быть урегулированы правом. Вне права происходит, например, сохранение и использование эстетических ценностей, ценностей морали и т.п. Общественные отношения же по поводу иных материальных и духовных культурных ценностей поддаются правовому регулированию. Принято различать культуру материальную и духовную <...> Понятие материальной культуры охватывает широкий круг вещей и процессов, которые служат человеку <...> К духовной культуре относятся искусство, наука, религия, нравственные нормы поведения людей в обществе, богатство языка и многое другое...» [4, с. 18–20].

Если исходить из того, что определение – это выявление сущностных признаков предмета, то чем многограннее явление, тем больше определений ему можно дать. Явные определения, каковым является определение, содержащееся в законодательстве о культуре, носят наиболее широкий и ясный характер, однако не всегда учитывают специфику тех правоотношений, в которых участвует исследуемое явление. Требовать унифицированных явных определений в любом случае – значит, не всегда считаться с реальными обстоятельствами.

Очевидно наличие в российском законодательстве двух значений термина «культурные ценности», решающих различные задачи. Определение, содержащееся в таможенном законодательстве, представляется контекстуальным. «Контекстуальные определения всегда остаются в значительной мере неполными и неустойчивыми <...> Контекстуальные определения, какими бы несовершенными они ни казались, являются фундаментальной предпосылкой владения языком <...> Определение всегда существует в некотором контексте. Оно однозначно выделяет и ограничивает множество рассматриваемых вещей, но делает это только в отношении известного их окружения» [5, с. 37, 41].

Это не означает, что применительно к различным отраслям права определения одного явления должны быть различными. Кроме того, исходя из того, что норма рассчитана не только на профессионального толкователя, но и на рядового гражданина, систему нормативных актов необходимо выстроить таким образом, чтобы лицо, исполняющее норму, самостоятельно смогло разобраться с возникшей коллизией и определить, что же все-таки является культурной ценностью, при обороте которой следует соблюдать особые требования закона.

Как уже отмечалось выше, таможенное законодательство дает определение утилитарное, подлежащее использованию именно в целях регулирования правоотношений по вывозу и ввозу культурных ценностей. Однако законодатель, прямо указывая на узкое применение «таможенного» определения, затем распространяет его на иные сферы правоотношений – правоотношения с участием музеев, правоотношения, объектом которых стали культурные ценности, перемещенные в СССР во время Второй мировой войны [6, 7]. Таким образом, контекстуальное определение, внедренное в правоотношения с иным контекстом, перестает выполнять надлежащим образом свои функции адаптации сущности явления к специфике реальных отношений.

Другой проблемой правового регулирования оборота культурных ценностей выступает использование в нормативных правовых актах некорректных юридических терминов при характеристике данной категории. Так, основным отличительным признаком культурной ценности, исходя из норм Закона о вывозе, является движимый характер вещи, что подчеркивается в ст. 6 Закона. Предполагается, что законодатель исходил из необходимости ограничения перемещения предметов, а перевоз возможен только в отношении вещей, не связанных прочно с землей. Однако не учтено, что Гражданский кодекс РФ относит к недвижимости не только то, что прочно

связано с землей. Статья 130 ГК РФ содержит определение недвижимости: «К недвижимым вещам относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество» [8].

Таким образом, из сферы предметов, вывоз из России и ввоз в Россию которых ограничен, выведены те культурные ценности, которые выражены в качестве судов воздушных, водных, являющихся недвижимостью. Кроме того, следует учитывать, что законодатель установил открытый перечень объектов недвижимости. С учетом этого возможны ситуации, когда вещь подлежит перемещению, представляет собой культурную ценность фактически, но закреплена законодателем как недвижимость. В таком случае на вещь не будут распространяться ограничения, которые законодатель налагает на оборот культурных ценностей ради соблюдения публичных интересов.

Как отмечает В. Нешатаева, «...несмотря на то, что общего правового понятия культурных ценностей в настоящее время не существует, анализ нормативных актов позволяет выделить несколько основополагающих признаков, по которым предмет, являющийся объектом международно-правового регулирования, может быть отнесен к категории “культурные ценности”» [9, с. 17]. Действительно, исследование определений культурных ценностей позволило сформулировать ученым ряд характеристик, которые можно считать признаками исследуемой категории. В частности, выделяют:

1) универсальную способность удовлетворять духовные и эстетические потребности различных людей, т. е. предмет представляет ценность для всего населения страны;

2) уникальность, которую законодатель подтверждает исключением из правового регулирования культурных ценностей объектов серийного и массового производства;

3) историчность, связанная спериодом создания – созданы более чем 100 лет тому назад и связывают различные поколения [9; 4, с. 15; 10, с. 294; 11].

Заключение

Для решения проблем, связанных с недостаточно четким регулированием правоотношений по вывозу культурных ценностей, следует устранить противоречия в законодательном понимании термина «культурные ценности».

С учетом доктринально выявленных существенных признаков исследуемой категории (универсальности, уникальности, историчности) представляется необходимым сформулировать и уточнить унифицированное определение «культурной ценности». При этом можно использовать цивилистический опыт описания объекта правоотношения как «блага» в самом общем виде. Далее возможно систематизировать культурные ценности по признаку овеществленности, движимости, ценности и т.д., вводя дальнейшие родовые и видовые классификации, адаптирующие общее понятие под конкретную отрасль.

Список литературы

1. Шмелев С., Карпов С. Культурная ценность как объект права. URL: <http://iptg.ru/press/articles/kulturnaya-tsennost-kak-obekt-prava-chast-1/> (дата обращения: 10.01.2017).
2. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 28.11.2015) // Рос. газ. 1992. № 248 ; 2014. № 278.
3. О вывозе и ввозе культурных ценностей : закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 23.07.2013) // Рос. газ. 1993. № 92 ; 2013. № 163.
4. Александрова М. А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 189 с.
5. Ивин А. А. Логика. М., 2008. 336 с.
6. О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : федер. закон от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Рос. газ. 1996. № 104 ; 2016. № 151.
7. О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации : федер. закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ (ред. от 23.07.2008) // Рос. газ. 1998. № 77 ; 2008. № 158.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301 ; Рос. газ. 2017. № 30.
9. Нешатаева В. О. Культурные ценности : Цена и право. М., 2013. 208 с.
10. Панфилов А. Н. Культурные ценности и объекты культурного наследия: проблема унификации понятий (часть I) // Право и политика. 2011. № 2. С. 293–305.
11. Богуславский М. М. Культурные ценности в международном обороте : правовые аспекты. М., 2012. 416 с.

Образец для цитирования:

Илюхина Ю. Ю. Проблемы определения термина «культурные ценности» в законодательстве России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 340–343. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-340-343.

Problems of Determination of the Term "Cultural Values" in the Legislation of Russia

Yulia Yu. Ilyukhina

ORCID 0000-0002-9761-6746,

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: yilyu@yandex.ru

Introduction. Now legal regulation of the relations as which object cultural values act is performed by a number of the regulatory legal acts relating to various industries of the right. Implementation of legal relationship which object are cultural values meets some difficulties connected with imperfection of legal regulation of turnover of the specified object of the rights. **Purpose.** The main objective of work consists in theoretical judgment of the concept "cultural values" and development of recommendations about enhancement of legal regulation. **Results.** It is stated that in the legislation of Russia there is no single legal determination of the term "cultural values". In regulations the term "cultural values" is understood in various values that leads to its double interpretation and difficulties in law enforcement. Owing to lack of legal determination of the term "cultural values" in practice there can be problems with qualification of cultural value as object of legal relationship. Article is devoted to a research of category "cultural values" in the administrative and legal and civil legislation. The definitions given in special literature and the national right are analysed. **Conclusion.** The author comes to a conclusion that it is necessary legislative unification of determination of category "cultural values".

Key words: cultural values, import of cultural values, export of cultural values, turnover of cultural values, object of legal relationship.

References

1. Shmelev S., Karpov S. Kul'turnaia stennost' kak ob#ekt prava (Cultural value as right object). Available at: <http://iptg.ru/press/articles/kulturnaya-tsennost-kak-obekt-prava-chast-1/> (accessed 10 January 2017) (in Russian).
2. Bases of the legislation of the Russian Federation on culture (it is approved Russian Armed Forces 10.09.1992 No. 3612-1) (an edition of 28.11.2015).
3. About export and import of cultural values. Law of the Russian Federation of 15.04.1993 No. 4804-1 (an edition of 23.07.2013). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1993, no. 92; 2013, no. 163 (in Russian).
4. Aleksandrova M. A. Grazhdansko-pravovoi rezhim kul'turnykh stennostei v Rossiiskoi Federastii [The civil mode of cultural values in the Russian Federation]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). St. Petersburg, 2007. 189 p. (in Russian).
5. Ivin A. A. Logika [Logic]. Moscow, 2008. 336 p. (in Russian).
6. About Museum fund of the Russian Federation and the museums in the Russian Federation. Federal law of 26.05.1996 No. 54-FZ (an edition of 03.07.2016). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1996, no. 104; 2016, no. 151 (in Russian).
7. About the cultural values moved to USSR as a result of World War II and which are in the territory of the Russian Federation. Federal law of 15.04.1998 No. 64-FZ (an edition of 23.07.2008). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1998, no. 77; 2008, no. 158 (in Russian).
8. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (an edition of 28.12.2016). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1994, no. 32, art. 3301; *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 2017, no. 30 (in Russian).
9. Neshataeva V. O. Kul'turnye stennosti: Stena i pravo (Cultural values: Price and right). Moscow, 2013. 208 p. (in Russian).
10. Panfilov A. N. Cultural values and objects of cultural heritage: problem of unification of concepts (Part I). *Pravo i politika* [Law and Politics], 2011, no. 2, pp. 293–305 (in Russian).
11. Boguslavskii M. M. Kul'turnye stennosti v mezhdunarodnom oborote: pravovye aspekty [Cultural values in an international traffic: legal aspects. Moscow, 2012. 416 p. (in Russian).

Cite this article as:

Ilyukhina Yu. Yu. Problems of Determination of the Term "Cultural Values" in the Legislation of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 340–343 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-340-343.

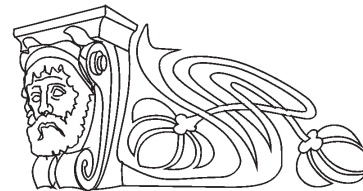

УДК 340.137.2

УНИФИКАЦИЯ ПРАВА: ПОНЯТИЕ, ФОРМЫ, МЕТОДЫ (В контексте исследования унификации цивилистического процессуального права)

Е. Г. Потапенко

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: egpotapenko@rambler.ru

Введение. Унификация права является необходимым и закономерным процессом его развития. Она позволяет обеспечить праву свойство системности и органичности, упрощает применение правовых норм при разрешении конкретных жизненных ситуаций. Но в настоящее время в юридической науке отсутствует единообразное понимание процесса унификации права, недостаточно исследованы его формы, методы и способы. **Исследовательская часть.** Унификация есть одна из тенденций развития права, представляющая изменение его содержания. Суть унификации заключается в урегулировании схожих общественных отношений едиными правилами. Цель унификации – создание единой (общей) нормы права. Однако процесс унификации не является полностью однородным. В зависимости от уровня можно выделить внутреннюю и внешнюю (международную) унификацию. Указанные разновидности имеют специфику в методах и способах осуществления. **Выводы.** Исследование унификации права позволяет установить ряд признаков данного процесса. Непосредственным объектом унификации является правовая норма как элементарная часть системы права. Унификация осуществляется в форме правотворческой, правоинтерпретационной и правоприменительной деятельности. Международная унификация осуществляется методами рецепции и имплементации. Внутригосударственная унификация реализуется посредством кодификации.

Ключевые слова: унификация права, систематизация права, рецепция права, имплементация права, кодификация, развитие права.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-344-351

Введение

Вопросы унификации законодательства и права были и остаются достаточно актуальными. Исследованию процесса унификации посвящены не только общетеоретические работы, но и работы отраслевого характера. Это связано с тем, что в практике развития российского права и законодательства периодически возникают проблемы выбора дальнейших направлений его совершенствования. С учетом постоянного роста числа нормативно-правовых актов, приводящего к сложности их реализации, противоречивости и дублированию, выбор вектора развития права и законодательства в направлении их систематизации и унификации является вполне обоснованным. В настоящее время унификации подвергается, например, цивилистическое процессуальное право

(арбитражный и гражданский процесс). В этой связи правильное понимание самого термина «унификация», раскрытие его содержания имеет важное не только теоретическое, но и практическое значение.

Исследовательская часть

Термин «унификация» (от лат. *unio* – единство и *facere* – делать) означает «приведение к единообразию, единой норме, единой форме» [1, с. 423]; «подведение чего-либо под единую систему, приведение к единообразию» [2, с. 322]. С. К. Магомедов указывает, что унификацию в самом общем смысле можно определить как рациональное приведение различных форм к единообразию, к единой форме, к единой норме [3, с. 68]. О. Н. Садиков определяет унификацию как «процесс выработки единых (унифицированных) правовых норм для сходных отношений, независимо от того, в каких правовых формах такой процесс осуществляется» [4, с. 95]. М. И. Бару указывает, что унификация есть «устранение различий в регулировании сходных отношений» [5, с. 45].

В международном праве под унификацией принято понимать процесс создания и введения в правовые системы единообразных правовых предписаний. Г. К. Дмитриева указывает, что «унификация права означает сотрудничество государств, направленное на создание, изменение или прекращение одинаковых (единообразных, унифицированных) правовых норм во внутреннем праве определенного круга государств» [6, с. 101]. Однако в юридической литературе имеется и более широкое понимание унификации. Так, Н. Г. Доронина под унификацией права понимает движение к гармоничному взаимодействию различных правовых систем или как взаимодействие национально-правовых систем, уже достигших определенной степени гармонии. «Унификация права в широком значении этого понятия заключается не в том, чтобы снять различия в правовом регулировании аналогичных отношений в праве отдельных государств, создав единообразные нормы права, а в том, чтобы снять

препятствия на пути международного сотрудничества и связанного с ним развития регулируемых национальным правом отношений» [7, с. 59–60].

Вышеназванные определения указывают на отсутствие в юридической науке единого понимания унификации. Сферой действия унификации, как правило, называют сходные (однородные) либо совпадающие (тождественные) общественные отношения, нуждающиеся в правовом регулировании или уже подвергнутые ему, а в качестве объекта унификации указывают не только нормы права и нормативно-правовые предписания, регулирующие указанные общественные отношения, но и другие правовые элементы: нормативно-правовая терминология, правовая политика, правовые ценности и т.д. Целью унификации является обеспечение единообразия в правовом регулировании сходных либо совпадающих общественных отношений. В качестве промежуточных целей унификации также выступают: сокращение объема нормативного материала, достижение его компактности, упрощение формы нормативных актов и процесса правоприменения, предотвращение или устранение излишней дифференциации и различий в правовом регулировании [8, с. 17].

Для более полного определения унификации как категории современного права представляется необходимым рассмотреть вопрос об объектах, а также способах и формах ее реализации. Под объектом правовой унификации мы предлагаем понимать элементы правовой системы, приводимые к единообразию. Следует ли рассматривать в качестве таких объектов только нормы права, либо допустимо расширить круг данных объектов и включить в него и иные элементы правовой системы? Ответ на данный вопрос может быть получен при изучении многочисленных специальных исследований разновидностей унификационного процесса, а также необходимой эмпирической проверки результатов.

Так, например, В. Ю. Туранин рассматривает в качестве объекта унификации юридическую терминологию, отмечая, что работа по унификации юридических терминов должна осуществляться в два этапа. Во-первых, «в результате логико-понятийного анализа юридического языка необходимо разработать четкую сетку терминов, подлежащих унификации» [9, с. 46]. Во-вторых, «уточняя, систематизируя и унифицируя названия того или иного понятия» [9, с. 47], необходимо учитывать ряд правил, приведенных автором. В качестве примера противоречивого использования терминов В. Ю. Туранин приводит термин «ущерб» в контексте ст. 42 и 52 Конституции РФ. Вместе с тем автор в качестве всех своих примеров использования противоречивых терминов приводит легаль-

ные определения, закрепленные в нормативных правовых актах. Такие определения есть нормы права особой разновидности, называемые дефинитивными или нормами-дефинициями. Можно, конечно, предположить, что процессу унификации могут подвергаться и правовые понятия, изложенные в науке. Однако вряд ли такая унификация возможна и допустима теми же способами, что и унификация легальных юридических терминов. Кроме того, унификация научных терминов в принципе представляется нам весьма утопичной и даже вредной для науки. Именно поэтому применительно к науке чаще применяется понятие «общеизвестный термин», а не «унифицированный термин». Таким образом, объектом унификации выступает только часть юридической терминологии, имеющей нормативное значение и закрепленной в правовых актах. Данный вывод подтверждают и иные специальные исследования вопроса унификации терминологии. Так, например, С. К. Магомедов и Л. Ю. Фомина изначально ограничивают круг объектов унификации сферой нормативной терминологии [3, 10].

В ряде случаев в качестве объекта унификации называют субъективные права и юридические обязанности (для выравнивания правового статуса отдельных субъектов правоотношений). Однако в конечном счете речь также идет именно об унификации правовых норм (их совокупности в виде института), устанавливающих указанный правовой статус. Анализ исследований по вопросам правовой унификации позволил нам сделать вывод о том, что в большинстве работ под объектами унификации рассматриваются правовое регулирование, право, нормы права, законодательство или нормативно-правовые акты. При рассмотрении в качестве объекта унификации правового регулирования анализируется не весь механизм правового регулирования, а только лишь его основной элемент – правовая норма. Правовое регулирование как объект унификационного процесса рассматривается, как правило, в рамках работ по международному праву, в которых проводится сравнительно-правовой анализ нормативного регулирования определенных общественных отношений в правовых системах различной национальной принадлежности [11, с. 5]. В этой связи исследуется только нормативный элемент правового регулирования, т.е. сравниваются соответствующие блоки правовых норм, регулирующих аналогичные правоотношения. Поэтому вряд ли можно говорить об унификации всего механизма правового регулирования.

Право как объект унификации также часто рассматривается в исследованиях по международному праву. Причем право рассматривается

здесь в рамках нормативистской концепции, т.е. как совокупность правовых норм. Под унификацией права Г. К. Дмитриева предлагает понимать «создание одинаковых (унифицированных) норм во внутреннем (национальном) праве разных государств» [12, с. 14]. Таким образом, в конечном итоге исследователи также в качестве непосредственного объекта унификации указывают правовую норму.

В отличие от вышеуказанных позиций, при которых происходит отождествление объектов правовой унификации (норма права – правовое регулирование; норма права – право в целом), позиция исследователей, указывающих на законодательство как объект унификации, на первый взгляд, представляется более обоснованной. Предположение об унификации законодательства строится на традиционном понимании закона как формы права. Такое разграничение позволило отдельным авторам предложить оригинальную концепцию развития законодательства и права. Так, например, Д. Е. Петров, разграничивая понятия «унификация законодательства» и «интеграция в праве», отмечает, что смешение указанных понятий приводит к тому, что «говоря об унификации законодательства, предполагают сопоставимые процессы в праве либо прямо указывают их... В результате этого попытки охарактеризовать, в том числе и процессы, происходящие в содержании права, выражаются в чрезмерно широких определениях унификации законодательства» [13, с. 330]. Автор полагает, что «объект унификации относится к формальной стороне права, в то время как в содержании права проходят интеграционные процессы» [13, с. 333]. Вместе с тем интеграция и унификация права есть разные по своей природе и целям процессы. Унификация представляет собой изменение содержания права. Интеграция есть форма изменения строения права, связанная с объединением его элементов в правовые общности.

И. Н. Сенякин, один из первых исследователей унификационных процессов, отметил, что «унификация имеет двуединую направленность. Она представляет собой не только выработку общих предписаний по тем или иным сходным проблемам социального развития, но и грамотную технико-формализованную обработку уже принятых унифицированных положений, т.е. систематизацию» [14, с. 97].

Таким образом, и при исследовании законодательства как объекта унификации авторы, за некоторым исключением, обращаются к его содержанию, т.е. правовым нормам. Поэтому в качестве объекта унификации и в этом случае выступает норма права, а не нормативно-правовой акт.

Поскольку унификация есть процесс изменения содержания права, постольку при исследова-

нии данного процесса ограничиваться лишь его определением и статическими элементами представляется не вполне обоснованным. В этой связи следует обратить внимание на функциональную составляющую процесса унификации права – его методы, способы и формы осуществления.

Методы унификации в самом обобщенном виде можно понимать как совокупность способов и средств реализации достижения запланированной цели – создание унифицированной нормы. Формы унификации есть внешнее проявление указанного процесса. Поскольку объектом унификации выступает правовая норма, постольку в качестве внешней формы данного процесса может выступать только правовая форма. Унификация по своей природе представляет собой некий процесс, т.е. совокупность последовательно совершаемых действий и операций. Поэтому внешней формой выражения указанного процесса выступает правовая деятельность, следовательно, основной формой унификации – правотворческая деятельность. Это является очевидным, так как именно правотворческая деятельность имеет своей непосредственной целью создание унифицированной нормы. В каждой правовой системе такая деятельность наполняется своим содержанием. Это может быть и только законодательный (или нормотворческий) процесс в странах романо-германской правовой системы, и судебная деятельность в той части, в которой в результате ее осуществления формируется новая норма права (или принцип правового регулирования).

Но является ли правотворческая деятельность единственной формой правовой унификации? Представляется, что нет. Норма права, а именно ее содержание (правило поведения, дефиниция, принцип и т.д.), является объектом воздействия отнюдь не только правотворчества, но и толкования права. Под толкованием правовых норм в теории права традиционно понимается уяснение и разъяснение смысла содержания нормы права. Может ли толкование приводить к унификации? Да, в том смысле, что при толковании осуществляется уяснение и разъяснение содержания, т.е. соответствующего правила. Точка зрения теоретиков, что процесс толкования нормы не должен и не может приводить к изменению ее содержания, представляется несколько необоснованной. Если объектом толкования является именно содержание правовой нормы, то недопущение каких-либо манипуляций с этим содержанием свидетельствует о бесцельности и, по сути, отсутствии правоинтерпретационной деятельности как деятельности творческой. На самом же деле сама теория толкования не только допускает, но и основана на возможности подобных манипуляций. Еще Е. В. Васильковский видел задачу толкования в

«раскрытии содержания нормы», или «развитии ее смысла», или «выяснении мысли и воли законодателем» [15, с. 8]. Об этом свидетельствуют и разновидности толкования, и многочисленные примеры актов толкования правовых норм. Стоит указать, например, на расширительное или ограничительное толкование права, при которых изменение их содержания предполагается.

Таким образом, формами унификации правовых норм выступает правотворческая и правоинтерпретационная деятельность. Что касается правоприменения, то стоит отметить, что в ряде случаев толкование есть часть правоприменительного процесса. Этот вывод, в свою очередь, указывает на то, что изменение (или установление) содержания правовой нормы может осуществляться в рамках правоприменительного процесса (например, при правоприменении высшими судами).

Анализ форм унификации необходим, так как средства унификации по своей сути представляют собой акты правотворческой, правоинтерпретационной и иногда правоприменительной деятельности. Однако здесь стоит учитывать, что унификация – это процесс по своим способам неоднородный. И применяемые способы зависят от уровня унификации.

Представляется обоснованным выделение международной и внутригосударственной унификации. При международной унификации объектами выступают национальные правовые системы. При внутригосударственной унификации процесс ограничивается рамками одной национальной системы. Внутригосударственная унификация, в свою очередь, подразделяется на межотраслевую и внутриотраслевую. При межотраслевой унификации к единообразию приводятся нормы различных отраслей, например нормы гражданского и земельного права. При внутриотраслевой унификации единообразные правила устанавливаются в различных институтах отрасли.

В теории международного права выделяют правовые или неправовые методы международной унификации. В качестве правовых методов унификации называют международные договоры универсального и регионального характера, международные соглашения. К неправовым методам относят создание факультативных принципов и правил, типовых контрактов, обобщение торговых обычаев [16, с. 133–134]. Данное мнение представляется нам не вполне убедительным, поскольку, во-первых, договоры и соглашения выступают не методами, а средствами международной унификации, во-вторых, неправовыми методами невозможно достигнуть цели унификации – создания общей нормы.

Методы есть совокупность способов и средств унификации, их взаимосвязь при реализации унификационного процесса. На наш взгляд, методами международной правовой унификации выступают рецепция и имплементация права. Рецепция (лат. *receptio*) в теории права понимается как заимствование или воспроизведение. В истории права термин «рецепция» употребляется для обозначения заимствования, восприятия какой-либо внутригосударственной правовой системой принципов, институтов, основных черт другой внутригосударственной правовой системы. Наиболее полное определение рецепции права дано Е. Ю. Курьшевым. Автор предлагает понимать под рецепцией права «сложное явление, которое включает в себя процессы преемственности, восприятия, повторяемости и заимствования права, выработанного в другом государстве (правовой системе) в силу исторической преемственности и связи правовой культуры государств, социально-экономические условия, которых сходны» [17, с. 52].

Следует отметить, что правовая рецепция может иметь место и на внутригосударственном уровне, в частности, в федеративных государствах, где субъекты федерации имеют собственное нормативно-правовое регулирование. Поэтому определение понятия «правовая рецепция» через взаимодействие государств, на наш взгляд, неверно. При рецепции необходимо говорить о взаимодействии социально-правовых систем, поскольку объектом рецепции выступает другая система, предметом – элементы этой системы, а государство в лице компетентных органов является субъектом правовой рецепции (причем не единственным). При этом следует согласиться с авторами, указывающими на то, что при рецепции восприниматься и заимствоваться могут как прошлый опыт, так и элементы современных правовых систем. За счет рецепции происходит постоянное взаимообогащение правовых систем. Общеизвестно, что Гражданский кодекс 1804 г., вошедший в историю под названием «Кодекса Наполеона», сыграл весьма важную роль в регулировании буржуазных отношений многих стран мира. Гражданское Германское уложение оказало влияние на гражданское законодательство Греции, Японии и других стран, уголовное право Франции – на прусский Уголовный кодекс 1851 г., английское общее право было воспринято и явилось фундаментом правовой системы США и т.д. [18, с. 26].

В качестве метода международной правовой унификации выступает также имплементация. При этом в отечественной науке сформировалось несколько теорий относительно действия международных норм внутри отдельной правовой систе-

мы: теория трансформации, теория инкорпорации и теория имплементации. Суть теории трансформации состоит в том, что нормы и принципы международного права при действии в национальной правовой системе преобразуются в нормы национального права, теряя свой международный характер. В отличие от теории трансформации, сторонники теории инкорпорации считают, что нормы международного права становятся частью национального права автоматически, без издания внутригосударственного (трансформационного) нормативного правового акта. С положениями данных теорий трудно согласиться, так как они не соответствует современной международной и российской практике.

В качестве механизма введения и действия международно-правовых норм в национальные правовые системы, наиболее полно отражающего современную правовую действительность, необходимо указать имплементацию норм международного права во внутригосударственные правовые системы. Как указывает В. В. Гаврилов, «в соответствии с теорией имплементации, речь должна идти не о “трансформации” норм международного права в нормы национального правопорядка, а о применении первых внутри соответствующего государства с санкции вторых» [19, с. 55]. Ю. А. Тихомиров под имплементацией понимает «исполнение государством международно-правовых норм путем их включения в национальную правовую систему. Фактическая реализация международных обязательств на внутригосударственном уровне» [20, с. 12]. При этом «имплементация международных норм связана с такой процедурой, как ратификация (одобрение, присоединение), имеющей смысл и международно-правовой и конституционной процедур» [21, с. 10]. Действительно, для включения норм международного права в национальную правовую систему требуется согласие государства как носителя суверенитета. Это согласие может содержаться в конституционных положениях или федеральном законодательстве. На наш взгляд, за основу следует взять понятие А. С. Гавердовского, который предлагает рассматривать имплементацию как «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств» [19, с. 53]. Но не всякая организационно-правовая деятельность государств по реализации принятых международно-правовых обязательств охватывается категорией «имплементация». Поэтому вполне логичным представляется дополнение указанного определения следующей фразой:

посредством включения международно-правовых норм, принципов и положений во внутригосударственную правовую систему и обеспечения их реализации на национальном уровне.

Внутригосударственная правовая унификация – отдельный уровень нормативной унификации. Основным методом такой унификации выступает систематизация законодательства. «Систематизация – техническое обобщение нормативного материала и переработка действующих правовых актов по существу, устранение несогласованностей и противоречий правового регулирования (кодификация)» [14, с. 188]. Принято выделять три вида систематизации: инкорпорация, кодификация и консолидация. Если не ограничиваться формально-логическим определением систематизации законодательства, то ее можно рассматривать как своеобразный целенаправленный процесс упорядочения, приведения нормативно-правовых актов в систему [22, с. 118]. Задача систематизации как определенного вида юридической деятельности – «упорядочение законодательства, выявление негативных тенденций в его развитии, подготовка предложений об их устранении» [23, с. 32].

Не следует забывать, что вся совокупность нормативно-правовых актов представляет собой иерархически устроенную систему. Система нормативно-правовых актов и система права тесно взаимосвязаны друг с другом, ибо форма не может существовать отдельно от содержания, а содержание выражается во вне посредством формы. Так, анализируя вновь принятый нормативно-правовой акт, мы, прежде всего, знакомимся с содержащимися в нем нормами права. Противоречие статей одного или разных нормативно-правовых актов есть противоречие их содержания, т.е. противоречие норм. Поэтому изложение в нормативно-правовом акте правового материала без учета системной зависимости правовых норм может вызвать нарушение системных связей в праве. Вместе с тем принятие новых правовых норм, их грамотное технико-юридическое оформление и изложение в нормативно-правовом акте укрепляет системные связи в праве, повышает уровень согласованности правового материала.

Существуют различные виды систематизации по субъектам и критериям осуществления. Так, она может осуществляться органами государственной власти, наделенными правотворческими полномочиями. Либо может быть результатом деятельности отдельных ученых или юристов-практиков (неофициальная инкорпорация). При осуществлении определенных видов систематизации возможно изменение не только внешней формы, но и внутреннего содержания, т.е. самой системы права. Активная правотворческая деятельность законодателя, выражающаяся в содержании

нормативных актов, их соотношении, воплощает воздействие на структуру права субъективных системообразующих факторов и со временем приводит к целенаправленным преобразованиям в его ткани, структуре [24, с. 57].

Основным методом внутригосударственной унификации выступает кодификация как вид систематизации. Как указывает С. С. Алексеев, способом решения задач по интеграции правового материала в рамках единой системы права является системное, кодифицированное правотворчество, когда через системные нормативные обобщения идет процесс «создания» логически завершенной, структурно замкнутой («закрытой») правовой системы [25, с. 257]. В современной литературе под кодификацией понимается «особый вид систематизации законодательства, представляющий собой выражение норм права, содержащихся в систематизируемых нормативных правовых актах и иных формах права, в новом едином, комплексном законодательном акте, официальное принятие и утверждение которого лишает законной силы все систематизируемые акты» [26, с. 5]. Важно отметить, что при кодификации не только и не столько осуществляется формальное объединение нормативно-правовых актов или их частей в единый нормативный правовой акт, сколько происходит согласование правового материала и группировка его в едином акте, имеющем самостоятельное юридическое значение. Практика показывает, что наличие множественности нормативно-правовых актов создает как трудности в применении норм, так их конкуренцию.

Среди кодифицированных нормативно-правовых актов можно указать Основы законодательства и кодексы. Принятие Основ законодательства не предполагает исчерпывающего правового регулирования конкретной сферы общественной жизни, а закрепляет лишь основные направления такого регулирования. Основы законодательства необходимо принимать в том случае, если отрасль еще окончательно не сформировалась либо неполнота такого регулирования заранее предполагается, например, при регулировании на федеральном уровне сферы общественной жизни, являющейся предметом совместного ведения Российской Федерации и субъектов. Основы законодательства содержат соответствующую нормативную основу для принятия новых законов и подзаконных правовых актов. Правовая ценность Основ законодательства заключается в том, что, закрепляя общие положения, они тем самым определяют дальнейшее правовое регулирование в данной сфере, что позволяет отрасли развиваться не хаотично, а в определенном направлении.

Кодекс, напротив, предполагает наиболее полное и всестороннее урегулирование общественных отношений. Его отличает, во-первых, полнота регулирования отношений в какой-либо сфере, во-вторых – единообразие регулирования, в-третьих – закрепление основных юридических принципов, понятий и конструкций, в-четвертых – отражение крупных юридических теорий и концепций, в-пятых – лидирующее место среди иных законов и особое воздействие на все правовые акты и процесс правоприменения [27, с. 48]. Принятие кодексов играет значимую роль не только в сфере практической реализации правовых предписаний в их комплексном единстве, но и в укреплении внутренних системных связей в праве, согласованности и непротиворечивости правовых норм.

Выводы

Вышеизложенное позволяет сформировать более полную общую картину унификации права и сделать несколько важных, на наш взгляд, выводов:

– несмотря на «завуалированность» объекта унификации, в большинстве работ по данной тематике в конечном итоге в качестве объекта унификации выступают правовые нормы, в том числе нормы процессуального права. Целью унификации права на элементарном уровне выступает создание единой (общей) нормы, регулирующей сходные общественные отношения;

– формой унификации как процесса является юридическая деятельность: правотворческая, правоинтерпретационная и правоприменительная (в том числе судебная);

– методы унификации права различаются в зависимости от уровня данного процесса. Международная унификация осуществляется методами рецепции и имплементации. Внутригосударственная унификация реализуется посредством кодификации.

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М., 1995. 754 с.
2. Словарь иностранных слов : в 2 т. / под ред. Т. Н. Гурьевой. Т. 2. М., 2002. 800 с.
3. Магомедов С. К. Унификация терминологии нормативных правовых актов Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 154 с.
4. Садиков О. Н. Унификация как средство совершенствования гражданского законодательства // Изв. вузов. Правоведение. 1972. № 6. С. 91–102.
5. Бару М. И. Унификация и дифференциация норм трудового права // Советское государство и право. 1971. № 10. С. 45–50.

6. Международное частное право : учебник / под ред. Г. К. Дмитриевой. М., 2004. 688 с.
7. Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции // Журнал российского права. 1998. № 6. С. 53–67.
8. Смирнова Л. Е. Унификация в уголовном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2006. 203 с.
9. Туранин В. Ю. Проблемы и перспективы унификации терминологии // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 46–48.
10. Фомина Л. Ю. Унификация нормативной правовой терминологии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 24 с.
11. Порфирьева Е. К. Унификация правового регулирования условий внешнеэкономических контрактов в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2000. 22 с.
12. Дмитриева Г. К. Унификация и гармонизация права : новые формы // Унификация международного частного права в современном мире : сб. ст. / отв. ред. И. О. Хлестова. М., 2013. С. 14–25.
13. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права / под ред. И. Н. Сенякина. Саратов, 2015. 472 с.
14. Сенякин И. Н. Специализация и унификация российского законодательства. Проблемы теории и практики. Саратов, 1992. 194 с.
15. Васильковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов. М., 1913. 152 с.
16. Вельяминов Г. М. О понятиях международного частного права, правовой унификации и права в целом // Закон. 2013. № 12. С. 130–138.
17. Курьшев Е. Ю. Рецепция в российском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 194 с.
18. Рыбаков В. А. Способы развития системы права // Государство и право на рубеже веков : сб. науч. работ. Вып. 3 / отв. ред. Е. Л. Невзгодина. Омск, 2000. С. 23–29.
19. Гаврилов В. В. Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2001. № 2. С. 39–61.
20. Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение : развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 3–15.
21. Тихомиров Ю. А. Глобализация : взаимовлияние внутреннего и международного права // Журнал российского права. 2002. № 11. С. 3–12.
22. Кухарук Т. В. Систематика и систематизация законодательства // Изв. вузов. Правоведение. 1993. № 5. С. 117–123.
23. Литягин Н. Н. Организационные предпосылки систематизации законодательства // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 29–35.
24. Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. 264 с.
25. Алексеев С. С. Право : азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.
26. Чухвичев Д. В. Кодификационные акты, их специфика и значение в системе права // Государство и право. 2009. № 8. С. 5–13.
27. Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. О кодификации и кодексах // Журнал российского права. 2003. № 3. С. 47–54.

Образец для цитирования:

Потапенко Е. Г. Унификация права: понятие, формы, методы (В контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 344–351. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-344-351.

Unification of Law: Concept, Forms and Methods (In the Context of the Research of Unification of Civil Procedural Law)

Evgeny G. Potapenko

ORCID 0000-0002-1108-4719,

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: egpotapenko@rambler.ru

Introduction. Unification of law is a necessary and natural activity of its development. It provides law with the property of consistency and wholeness, simplifies the application of legal norms in resolving of real life situations. At the present moment legal science lacks a common understanding of the process of unification of law and a deep investigation of its forms, methods and techniques. **Research.** Unification is on one of the law development trends that represents a change of its content. The essence of unification is to resolve similar social relations by unified rules. The goal of unification is to create a unified (common) norm of law. However, the unification process is not homogeneous. Depending on the level, it is possible to find internal and external (international) unification. These varieties are specific in

their methods of implementation. **Results.** The study of the unification of law allows to find certain characteristics of this process. The direct object of unification is a legal norm as an elementary part of the system of law. Unification is implemented in the form of law-making, law interpretation and law enforcement. International unification is carried out by methods of reception and implementation. Internal unification is realized through codification.

Key words: unification of law, systematization of law, reception of law, implementation of law, codification, development of law.

References

1. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka [Explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by D. N. Ushakov. In 4 vol.]. Moscow, 1995. Vol. 4. 754 p. (in Russian).
2. Slovar' inostrannykh slov [Dictionary of foreign words. In 2 vol. Ed. by T. N. Gurieva]. Moscow, 2002. Vol. 2. 800 p. (in Russian).
3. Magomedov S. K. Unifikatsiia terminologii normativnykh pravovykh aktov Rossiiskoi Federatsii [Unification of the terminology of normative legal acts of the Rus-

- sian Federation]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2004. 154 p. (in Russian).
4. Sadikov O. N. Unification as a means of improving of civil legislation. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceeding of Higher Education Institutions. Pravovedenie], 1972, no. 6, pp. 91–102 (in Russian).
 5. Baru M. I. Unification and differentiation of labour law norms. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet state and law]. 1971, no. 10, pp. 45–50 (in Russian).
 6. *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo* [Private international law. Ed. by G. K. Dmitrieva]. Moscow, 2004. 688 p. (in Russian).
 7. Doronina N. G. Unification and harmonization of law in conditions of international integration. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law]. 1998, no. 6, pp. 53–67 (in Russian).
 8. Smirnova L. E. Unifikatsiia v ugovnom prave [Unification in criminal law]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Jaroslavl', 2006. 203 p. (in Russian).
 9. Turanin V. Yu. Problems and perspectives of terminology unification. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2002, no. 11, pp. 46–48 (in Russian).
 10. Fomina L. Yu. Unifikatsiia normativnoi pravovoi terminologii [Unification of normative legal terminology]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Nizhnyi Novgorod, 2006. 24 p. (in Russian).
 11. Porfir'eva E. K. Unifikatsiia pravovogo regulirovaniia uslovii vneshneekonomicheskikh kontraktov v mezhdunarodnom chastnom prave [Unification of legal regulation of the international contracts conditions in private international law]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Har'kov, 2000. 22 p. (in Russian).
 12. Dmitrieva G. K. Unification or harmonization of law: new forms. In: *Unifikatsiia mezhdunarodnogo chastnogo prava v sovremennom mire* [The unification of private international law in contemporary world. Ed. in chief I. O. Khlestova]. Moscow, 2013, pp. 14–25 (in Russian).
 13. Petrov D. E. Differentsiatsiia i integratsiia strukturnykh obrazovanii sistemy rossiiskogo prava [Differentiation and integration of structural entities of the Russian legal system]. Saratov, 2015. 472 p. (in Russian).
 14. Seniakin I. N. Spetsializatsiia i unifikatsiia rossiiskogo zakonodatel'stva. Problemy teorii i praktiki [Specialization and unification of the Russian legislation. Problems of theory and practice]. Saratov, 1992. 194 p. (in Russian).
 15. Vas'kovskii E. V. Rukovodstvo k tolkovaniiu i primeneniui zakonov (dlia nachinaushchikh iuristov) [Guide to the interpretation and application of laws (for novice lawyers)]. Moscow, 1913. 152 p. (in Russian).
 16. Vel'iaminov G. M. On the concepts of private international law, legal unification and law in general. *Zakon* [Law] 2013, no. 12, pp. 130–138 (in Russian).
 17. Kuryshv E. Yu. Retseptsiia v rossiiskom prave [Reception in Russian law]. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2004. 194 p. (in Russian).
 18. Rybakov V. A. Ways of development of the system of law. *Gosudarstvo i pravo na rubezhe vekov* [State and law at the turn of the century. Ed. in chief E. L. Nevzgodina]. Omsk, 2000. Iss. 3, pp. 23–29 (in Russian).
 19. Gavrilov V. V. Theories of transformation and implementation of norms of international law in the domestic legal doctrine. *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava* [Moscow Journal of State and Law]. 2001, no. 2, pp. 39–61 (in Russian).
 20. Tikhomirov Yu. A. Comparative law: development of concepts and public practice. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 6, pp. 3–15 (in Russian).
 21. Tikhomirov Yu. A. Globalization: the interaction of domestic and international law. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2002, no. 11, pp. 3–12 (in Russian).
 22. Kukharuk T. V. Systematism and systematization of legislation. *Izvestiya vuzov. Pravovedenie* [Proceeding of Higher Education Institutions. Pravovedenie], 1993, no. 5, pp. 117–123 (in Russian).
 23. Litiagin N. N. Organization prerequisites for systematization of legislation. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2002, no. 4, pp. 29–35 (in Russian).
 24. Alekseev S. S. *Struktura sovetskogo prava* [Structure of Soviet law]. Moscow, 1975. 264 p. (in Russian).
 25. Alekseev S. S. *Pravo: azbuka – teoriia – filosofii. Opyt kompleksnogo issledovaniia* [Law: origin – theory – philosophy. The experience of comprehensive research]. Moscow, 1999. 712 p. (in Russian).
 26. Chukhvicev D. V. Codification acts, their particularities and significance in the system of law. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2009, no. 8, pp. 5–13 (in Russian).
 27. Tikhomirov Yu. A., Talapina E. V. On codification and codes. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2003, no. 3, pp. 47–54 (in Russian).

Cite this article as:

Potapenko E. G. Unification of Law: Concept, Forms and Methods (In the Context of the Research of Unification of Civil Procedural Law). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 344–351 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-344-351.

УДК 342.7

ЗНАЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ

Т. А. Дураев

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: taulan-d@yandex.ru

Н. В. Тюменева

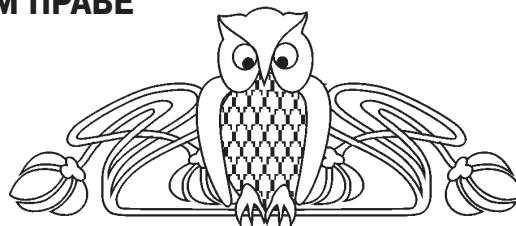
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: tumeneva82@mail.ru

Введение. Демократизация Арабского Востока детерминировала необходимость закрепления прав человека в современных конституциях многих исламских государств. Поэтому лишь с конца двадцатого века роль прав человека в исламе, их воздействие на исламское население, а также проблема соотношения прав человека в мусульманском праве с универсальными правами и свободами стала объектом научного исследования. Это обусловлено рядом причин. Во-первых, проблематика прав человека не вписывалась в религиозное право Востока, направленное, прежде всего, на регулирование частно-правовых отношений внутри исламской родовой общины. Во-вторых, западноевропейские идеи о правах человека совсем недавно стали внедряться в государственно-правовую систему исламских государств, и это потребовало их осмысления в теории исламского права. В-третьих, для успешного развития не только стран Ближнего Востока, но и европейского сообщества важно найти «общий знаменатель» соотношения прав человека с постулатами мусульманского права, поскольку система прав человека в западном понимании зачастую не соответствуют либо вообще противоречат традиционным ценностям ислама. **Цель.** Основной целью работы является выяснение места и роли прав и свобод личности в традиционном исламском праве. **Результаты.** Авторами рассмотрены особенности шариата и правового статуса личности в исламском праве. Поскольку шариат плохо сочетается с другими правовыми культурами, большинство мусульманских государств, сохраняя принципиальные положения Корана и Сунны Пророка, внедряют в свои правовые системы общепризнанные нормы международного права в области прав человека. Вместе с тем основная проблема заключается в том, что западный стандарт прав человека, закрепляющий универсальный характер прав человека, не учитывает национальной специфики традиций и культур восточных народов. Поэтому его внедрение зачастую сопровождается вооруженными конфликтами внутри арабских государств. **Выводы.** Авторы приходят к выводу о возможности сочетания исламских принципов шариата с западноевропейским стандартом по ряду вопросов в области правового регулирования прав человека. **Ключевые слова:** исламская концепция прав и свобод личности, шариат, глобализация, цивилизационный процесс, демократизация.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-352-358

Введение

Несмотря на то, что принципы демократии в той или иной степени присутствуют практически в каждой арабской стране не одно десятилетие

[1, с. 4], вопрос о правах и свободах человека в исламском праве до середины прошлого столетия не поднимался вообще [2, с. 8]. После 70-х гг. XX в. практически все страны арабского мира оказались вовлеченными в процесс демократизации, что актуализировало роль ислама в социально-политическом развитии цивилизационного процесса. Как показывают сегодняшние реалии политико-правовой жизни, от результатов демократизации во многом зависит развитие институциональных систем не только стран Ближнего Востока, но и мира в целом [1, с. 3–4]. Пока же ценности западной цивилизации с персонцентристскими идеями о правах человека, ориентированные на высокий уровень индустриального развития общества, трудно сочетаются с религиозно-традиционным правом Востока, в котором определяющую роль играет религия и вера во Всевышнего, а ее догматы обуславливают разнообразные обязательства перед Богом, государством, обществом.

Тема прав и свобод личности оказывается и в центре сложных проблем и даже конфликтов, сопровождающих появление и быстрый рост мусульманских меньшинств на Западе. В результате выдвигаемые против ислама обвинения, связанные с нарушением прав и свобод человека, воспринимаются в исламском мире как общая негативная оценка мусульманской правовой семьи. А резко отрицательный взгляд на отношение ислама к правам человека лежит в основе вывода многих западных критиков о том, что исламское право в целом не соответствует современному пониманию права, является архаичным и не пригодным для нынешнего периода [3, с. 8–10].

Цель

Основная цель работы – проанализировать влияние прав человека на мусульманское право в современных исламских государствах в контексте демократизации их государственно-правовой системы.

Результаты

Для раскрытия вопроса о значении прав человека в исламе необходимо понимать, едины ли они для всех стран, народов, культур и цивилизаций.

В основополагающих международных документах установлен «общий стандарт, достижимый всеми народами и всеми государствами» [4]. Приведенный тезис означает, что, во-первых, модифицировать права человека в соответствии с культурными и историческими особенностями государств нельзя, а, во-вторых, ни одна региональная система не может существовать, если она не соответствует международным стандартам прав человека [5, с. 3].

Но в последнее десятилетие все чаще звучат суждения о необходимости сохранения самобытности народов и их культур. В этой связи должностное об универсальности прав человека стало рассматриваться неоднозначно многими авторами [6, с. 385], в том числе и потому, что оно трудно реализуемо. Некоторые ученые стали объективно говорить об одностороннем характере стандартов прав человека, поскольку они не подходят для неевропейских цивилизаций (Е. А. Лукашева, М. Н. Марченко, Н. А. Комлева, Л. Н. Шестаков, А. А. Чесноков и др.).

Дело в том, что провозглашенные в международных актах универсальность и высшая ценность прав личности, по сути, оказались не универсальными стандартами, учитывающими культурные и иные особенности различных народов мира, а всего лишь западными стандартами, западными представлениями о правах человека, которые незападными странами либо добровольно принимают, либо насильственно в них насаждаются (например, в Афганистане, Ираке, Йемене и др.) [6, с. 396].

В этой связи активное внедрение международного стандарта прав человека во всех странах и континентах сменилось настороженностью среди аналитиков. На базе таких взглядов в науке и практике появилась новая концепция – «культурный релятивизм».

В юридической литературе представленная концепция имеет два течения – радикальную и умеренную версии. Радикальная концепция (исламский фундаментализм) основывается на идее того, что права человека – это чуждая западная концепция, в основе которой лежат западные ценности, идеи, представления, навязываемые всему миру. Сторонники радикального релятивизма полностью отвергают необходимость закреплять, гарантировать, обеспечивать права человека, а попытки мирового сообщества защитить права населения в таких регионах (например Ливии, Сомали и др.) расценивают как вмешательство во внутренние дела государства.

Согласно умеренному релятивизму, права человека, основанные на моральных и нравственных представлениях, носят универсальный

характер. Но наряду с этими правами необходимы цивилизационные стандарты прав, в которых находила бы отражение культурно-социальная и историческая (цивилизационная) специфика права [7, с. 25].

Придерживаясь концепции умеренного релятивизма, хотелось бы обратить внимание на логичность и разумность данного подхода, его объективность. Дело в том, что в современном мире сохраняются исторически сложившиеся фундаментальные различия типов человечества и форм человеческого опыта (культур, цивилизаций, обществ). Поэтому даже «процессы глобализации не могут дать современному миру ... универсальной системы социально-нормативных регуляторов, универсального права» [8, с. 28]. Соответственно, выработка единой, глобальной, всеохватывающей стандартизации, вбирающей в себя особенности всех стран и регионов, исключена [6, с. 397].

Несмотря на то, что естественные права присущи каждому человеку, генетически, в силу его рождения, независимо от его местонахождения и принадлежности к какому-либо государству [9, с. 27], их ценность, понимание, значение отличаются в правовых культурах разных государств. Разумеется, было бы весьма опрометчивым априори противопоставлять в сфере прав человека универсализм и регионализм, но не менее опрометчивым и пагубным было бы их механически друг под друга подгонять, искусственно создавая первый за счет игнорирования последнего. Поэтому в последнее время ученые не настаивают на реальном существовании универсальных прав, а говорят о минимальных ориентирах для норм о правах в национальных правовых порядках [10, с. 230].

Права человека нельзя насильно навязывать населению с другой культурой и религией. Ситуация, складывающаяся на сегодняшний день в мире, наглядно демонстрирует результат силового внедрения демократии в страны Ближнего Востока [11, с. 82], охваченного боевыми действиями. Поэтому закономерно негативное отношение многих арабских правоведов и политологов к идее о правах человека, которые воспринимаются как средство идеологической экспансии, как попытка захвата культуры, навязывание западных ценностей. Соответственно, неприятие, отчуждение идеи прав человека в ряде исламских государств является попыткой сохранения собственной правовой культуры.

В этой связи современные арабские государства условно можно разделить на две категории. К первой относятся государства, которые отвергают международный стандарт прав человека и

проводят внутреннюю политику исламизации общественно-политической жизни (например, Пакистан, Иран), и, как следствие, в них ликвидированы все светские институты, если таковые и имелись.

Другая категория государств, которых значительно больше, это государства, правительствами которых предпринята попытка одновременного «сочетание исламских институтов, политической власти духовенства, наделенного государственными полномочиями, с формированием «светских» политических институтов президента, парламента, политических партий, характерных для современных форм правления, в том числе и республиканских», закреплением на конституционном уровне прав человека [12, с. 15]. По такому пути развития пошли Турция, Египет, Ирак, Сирия и другие, и в них права человека приобрели определенный смысл.

Однако, несмотря на то что большинство арабских государств признали и нормативно закрепили на конституционном уровне права и свободы личности, отношение исламского общества к ним остается сложным, зачастую права человека воспринимаются чуждыми элементами в религиозно-традиционном праве Востока.

Этому есть логичное объяснение. Дело в том, что ислам выступает не только религией, но и образом жизни, самостоятельной культурой и цивилизацией [3, с. 6]. Всеобъемлющий характер ислама проявляется в шариате, который связан со всеми социальными нормами [13, с. 22] настолько тесно, что юридические нормы и религиозные догмы совпадают по механизму функционирования в качестве нормативных регуляторов жизни в исламских странах. Это первый момент.

Второй момент связан с важной чертой исламского права – подчинение человека в его внешне выраженном поведении воле Аллаха. Соответственно, шариат основан на идее обязательств, возложенных на человека, а не на его правах. В западной концепции, напротив, преобладает идея свободы личности. Вместе с тем обязанности доминируют в религиозной сфере, когда речь идет о выполнении культовых обрядов, молитв, религиозных действий, религиозных постов. В обыденной, мирской жизни ислам, по мнению многих авторитетных мыслителей, основывается на дозволениях [14], содержит очень мало императивных положений и предоставляет широкие возможности свободной инициативе [15, с. 386, 399].

Таким образом, в шариате поведение человека регламентировано двумя группами норм. Первая группа – это религиозные нормы, связанные с исполнением религиозных обязанностей; они

основаны на императивном методе регулирования и не предусматривают какой-либо свободы, выбора модели поведения. Согласно основному религиозному постулату, дозволено совершать только то, что прямо предписано Божественным откровением [14]. Таких норм большинство, они максимально конкретизированы, детально изложены, что и создает впечатление о шариате как о системе субъективных обязанностей, а не субъективных прав.

Другая группа норм шариата определяет правила обыденной (мирской) жизни, и основаны они на ином принципе. Шариат закрепляет примерно равное количество прав и обязанностей обыденной (мирской) жизни. Причем в основе правил мирского поведения лежит диспозитивный метод, предоставляющий широкую свободу действий. Это, во-первых. А во-вторых, принцип регулирования обыденного (мирского) поведения можно сформулировать так: разрешено все то, что не запрещает Аллах. Соответственно, все то, что прямо не запрещено Кораном и Сунной Пророка, дозволено, а дозволено все то, что прямо не запрещено. Поэтому можно с уверенностью сказать, что обыденная (мирская) жизнь мусульманина основана на дозволениях, обуславливающих достаточно широкие рамки свободы человека.

Налицо двойственность правовых норм ислама (религиозных и синкретических (мирских, обыденных)): обязанности доминируют в религиозной сфере, а в мирской обыденной жизни в вопросе соотношения прав и обязанностей сохраняется традиционная правовая конструкция: нет прав без обязанностей и обязанностей без прав.

С учетом вышеизложенного, если сформулировать исламскую концепцию прав человека, то по шариату она представляет собой совокупность допустимых исламом норм, которые регулируют взаимоотношения исламских государств с мусульманами и проживающими на территории исламских государств немусульманами и направлены на защиту прав и свобод человека [2, с. 6].

Ключевое словосочетание в этой концепции – «допустимых исламом норм» – включает в себе различного рода ограничения в поведении человека. Эти ограничения обусловлены принципом «исключительных интересов» и принципом «целей шариата». Первый означает, что по нерегулированным шариатом вопросам должны учитываться интересы людей. Именно они должны быть положены в основу нормы права. В соответствии с принципом «целей шариата» любое субъективное право оценивается не само по себе, а с учетом тех ценностей или интересов,

на реализацию которых оно направлено. В исламе выделено пять таких целей: религия, жизнь, разум, продолжение рода (с ним сопряжены честь и достоинство) и собственность. Между ними существует иерархия, где высшей целью выступает религия, а на последнем месте – собственность. Такая иерархия ценностей и приоритетов сохраняется в современной исламской теории прав человека.

Таким образом, несмотря на то что государственно-правовые системы разных исламских государств различны по степени и форме воздействия мусульманского права, вопрос о гражданской свободе и правах человека рассматривается в них одинаково – через призму Корана и Сунны Пророка.

Названные особенности правового регулирования статуса человека по шариату не стыкуются с современными представлениями о статусе личности в западно-европейской юриспруденции [16, с. 9]. Более того, в условиях глобализации на первый план выходит гибкость правового регулирования, взаимозаменяемость норм. Исламское право, во-первых, априори не обладает такой гибкостью, а, во-вторых, шариат проблемно сочетается с другими правовыми культурами, соответственно, взаимодействие норм шариата со светскими нормами затруднено. Все это приводит к конфликтам культур и восприимчивости шариата и ислама в целом негативно [3, с. 138–140]. Отчасти поэтому действие исламского права в современный период ограничено, так как в правовых системах наиболее развитых стран мусульманское право уступило место законодательству, основанному на западноевропейских образцах [2, с. 25].

Внедрение общепризнанных норм о правах человека в исламское право изменило содержание правового статуса личности в арабских государствах. В мусульманском праве правовой статус личности характеризуется, с одной стороны, слабой регламентацией в публично-правовой сфере (там, где ключевой составляющей правового статуса выступают права человека как важнейшие социальные притязания, которые должно обеспечить государство каждому человеку, независимо от пола, языка, религиозной принадлежности и пр.) и детальным регулированием в области частного права. В результате в частно-правовой сфере заметную роль стали играть правовые конструкции и понятия, четкие юридические критерии. Но ведущая роль религиозно-этических предписаний продолжает сохраняться в публично-правовой сфере исламского права, что ограничивает влияние либерального

подхода на права человека в целом. В результате попытка сочетания пережиточных доклассовых институтов с современными прогрессивными институтами [17, с. 14] пока не привела к эффективному правовому регулированию прав человека, а, напротив, во многих арабских странах затруднила их реализацию и даже спровоцировала их нарушение (например, в Йемене, Ираке, Пакистане, Афганистане и др.).

Учитывая эту специфику, следует согласиться с позицией А. М. Васильева о том, что между исламским и либеральным представлением о правах и свободах личности имеется глубокое концептуальное различие. Если с точки зрения светского западного подхода источником власти и закона является воля народа, то в мусульманском праве источником права – воля Аллаха [17, с. 5]. В основе современных международных стандартов прав и свобод личности лежат свобода и равенство, а центральными принципами исламской концепции выступают божественная справедливость и богобоязненность [18]. Имеющиеся различия разумно не доводить до крайности и не подвергать критике из-за несовпадения с западной концепцией прав человека, а вникнуть в сущностные причины несовпадений исламского видения прав человека.

Несмотря на разницу подходов к пониманию прав человека, современное исламское правоведение формально признает большинство прав и свобод человека в их либеральном понимании, но ставит их в зависимость от соблюдения императивных предписаний шариата, что существенно изменяет саму природу института прав человека. Хотя ислам видит важные в правовом отношении различия между религиозной и светской сторонами жизни человека, но фактически их не разделяет. Поэтому понимание и практика реализации прав человека в арабских государствах отличается от западных и иных государств, в которых религиозный подход не довлеет над государственными институтами и действующим позитивным правом.

Однако исламская правовая мысль, говоря о сущности, назначении и границах прав человека, действительно делает упор на различиях в их понимании с европейским подходом, но при конструировании соответствующих норм, толковании их юридического содержания исламское право ориентировано на демонстрацию единообразия с общепризнанными международно-правовыми нормами. Следовательно, современное исламское право не противопоставляет категорически шариат западной концепции прав и свобод личности.

По сути, это свидетельствует о двух тенденциях в современной исламской теории. С одной стороны, исламская правовая система направлена на сохранение своеобразия своего права, правосознания, собственных религиозных и социальных ценностей, традиционного уклада исламского общества. С другой стороны, исламское право в условиях глобализации демонстрирует способность к сближению с общемировым курсом на демократизацию государственно-правовых систем. И первый шаг в этом направлении сделан путем закрепления прав человека в конституциях большинства мусульманских государств.

Выводы

В заключение представляется целесообразным акцентировать внимание на ключевых моментах исследования и подвести итоги. Права человека в исламском праве играют важную роль, поскольку в подавляющем большинстве мусульманских государств они закреплены на конституционном уровне. Вместе с тем, если сравнивать исламскую и западную концепции прав человека, то при достаточно большом сходстве между ними в определении и регулировании основных прав и свобод содержание и, главное, толкование их остается различным, так как в исламе они исходят из религиозных предписаний и воли Бога, а не обладают светскими чертами, которые существуют в западном праве [19, с. 8–10].

Безусловно, исламская концепция прав человека не может отказаться от немногих однозначных принципиальных положений Корана и Сунны Пророка, но сближение по остальным положениям прав и свобод человека с западным стандартом вполне реально [3, с. 168]. Современный исламский подход перекликается с общепринятым мировым сообществом стандартом прав человека. Эту мысль подтверждает сходство содержания важнейших международных документов и документов, принятых исламскими странами в области прав человека [20–22]. Поэтому можно признать, что стандарты прав человека в исламской и западной концепциях в своей основе едины.

Глобализация способствует диалогу цивилизаций, но ее влияние не следует понимать как всеобщую типизацию, стирающую границы права, религии, культуры и проч. Напротив, специфику исламской концепции следует учитывать при выборе форм, методов осуществления прав человека. И в этом случае расхождения между исламской и западной концепциями прав человека следует рассматривать не как отрицание их всеобщности, а как обогащение практики их реализации [3, с. 125, 183].

Список литературы

1. Ханнаши Самих. Модели перехода к демократическому государственно-правовому режиму в странах Арабского Востока : теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2010. 21 с.
2. Аль Али Насер Абдель Рахим. Защита прав и свобод человека в арабских странах. М., 2015. 196 с.
3. Сюкияйнен Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. М., 2014. 212 с.
4. Всеобщая декларация прав человека : принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. // Рос. газ. 1998. 10 дек.
5. Зайнаб С. Имплементация международных соглашений по правам человека в арабском мире (гражданские и политические права) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1994. 22 с.
6. Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М., 2009. 400 с.
7. Лукашева Е. А. Права человека : учебник для вузов. М., 2001. 573 с.
8. Пристенский В. Н. Проблема универсальности права, ее философско-антропологический смысл // Философия права. 2007. № 3 (22). С. 25–28.
9. Тюменева Н. В. Право на жизнь как объект теоретико-правового исследования. Саратов, 2008. 173 с.
10. Глухарева Л. И. Современные проблемы теории прав человека. М., 2005. 581 с.
11. Яковлев А. И. Региональные аспекты мирового кризиса : смена модели развития в странах арабского востока // Вест. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2013. № 2. С. 82–104.
12. Залужный А. Г. Право. Религия. Закон. М., 2008. 360 с.
13. Мохаммад Сана. Ислам и право : проблема соотношения в афганском обществе (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1995. 22 с.
14. Аль-Кардави Ю. Дозволенное и запретное в исламе / пер. М. Саляхетдинов. 4-е изд. Бейрут – Дамаск. 1967. URL: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1013647/Kardavi_-_Dozvolnoe_i_zapretnoe_v_Islame.html (дата обращения: 09.04.2017).
15. Давид Р. Основные правовые системы современности. Сравнительное право / пер. с фр. М. А. Крутоголов, В. А. Туманов. М., 1967. 496 с.
16. Али Ареф Алиян. Статус Личности по мусульманскому праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 16 с.
17. Васильев А. М. Исламский экстремизм как выражение кризиса мусульманской цивилизации // Азия и Африка сегодня. 2003. № 5 (550). С. 2–12.
18. Льюис Б. Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке // Россия в глобальной политике. 2005. № 3. // http://www.globalaffairs.ru/number/n_5080 (дата обращения: 09.04.2017).
19. Абдуллах ибн Абд аль-Мухсин ат-Турки. Ислам и права человека [Русский] / пер. Владимира (Абдал-

- ла) Нирша. Эр-Рияд. 1429–2008. 54 с. URL: https://d1.islamhouse.com/data/ru/ih_books/single/ru_hokak_alnsan_in_islam.pdf (дата обращения: 09.04.2017).
20. Всеобщая исламская декларация прав человека : принята 19 сентября 1981 г. Исламским советом Европы в Париже). URL: <http://constitutions.ru/?p=500> (дата обращения: 09.04.2017).
21. Каирская декларация прав человека в исламе (Принята в Каире в 1990 году государствами-членами Организации исламского сотрудничества). URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 09.04.2017).
22. Арабская хартия прав человека (принята 05 августа 2004 года Лигой Арабских государств). URL: <http://constitutions.ru/?p=512> (дата обращения: 09.04.2017).

Образец для цитирования:

Дураев Т. А., Тюменева Н. В. Значение прав человека в исламском праве // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 352–358. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-352-358.

The Importance of Human Rights in Islamic Law

Taulan A. Duraev

ORCID 0000-0001-937-6900,
Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: taulan-d@yandex.ru

Natalia V. Tumeneva

ORCID 0000-0002-1227-6923,
Saratov State University,
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: tumeneva82@mail.ru

Introduction. The democratization of the Arab East determined the need to consolidate human rights in the modern constitutions of many Islamic States. So only at the end of the twentieth century, the role of human rights in Islam and their impacts on the Islamic population, as well as the problem of the relation of human rights in Islamic law with universal human rights and freedoms became the object of scientific research. This is due to several reasons. First, human rights do not fit into the religious right East, aimed primarily at the regulation of private legal relations within the Islamic clan. Secondly, Western ideas about human rights have recently been introduced in the state legal system, Islamic States, and this required understanding the theory of Islamic law. Thirdly, for the successful development not only of countries in the Middle East, but the European community is important to find a “common denominator” of the ratio of human rights with the tenets of Islamic law as the system of human rights in the Western sense often do not match or even contradict the traditional values of Islam. **Purpose.** The main aim is to clarify the place and role of rights and freedoms in traditional Islamic law. **Results.** The authors consider the peculiarities of the Shari’ah and legal status of the individual in Islamic law. Since the Shari’ah does not mix well with other legal cultures, the majority of Muslim countries, while maintaining the fundamental provisions of the Quran and the Sunnah of the Prophet, introduce into their legal systems the universally recognized norms of international law in the field of human rights. However, the main problem is that the Western standard of human rights, enshrining universal nature of human rights does not take into account the specificity of national traditions and cultures of the Eastern peoples. Therefore, its implementation is often accompanied by armed conflicts within Arab States. **Conclusions.** The authors come to the conclusion that the combination of Islamic principles of Sharia with the Western European standard on a number of issues in the field of legal regulation of human rights.

Key words: the Islamic concept of the rights and freedoms of the individual, Sharia, globalization, civilization process, democratization.

References

1. Khannashi Samikh. Modeli perekhoda k demokraticeskomu gosudarstvenno-pravovomu rezhimu v stranakh Arabskogo Vostoka: teoretiko-pravovye aspekty [The model of transition to a democratic state-legal regime in the countries of the Arab East: theoretical and legal aspects]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Tambov, 2010. 21 p. (in Russian).
2. Ali Al Nasser Abdel Rahim. Zashchita prav i svobod cheloveka v arabskikh stranakh [Protection of the rights and freedoms of the individual in the Arab world]. Moscow, 2015. 196 p. (in Russian).
3. Syukiaynen L. R. Islam i prava cheloveka v dialoge kul'tur i religii [Islam and human rights in the dialogue of cultures and religions]. Moscow, 2014. 212 p. (in Russian).
4. The universal Declaration of human rights (adopted at the third session of the UN General Assembly resolution 217 A (III) of 10 December 1948). *Rossiiskaia gazeta* [Russian newspaper], 1998, December 10 (in Russian).
5. Zainab S. Implementatsiia mezhdunarodnykh soglashenii po pravam cheloveka v arabskom mire (grazhdanskie i politicheskie prava) [Implementation of international agreements on human rights in the Arab world (civil and political rights)]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Jur.). Kiev, 1994. 22 p. (in Russian).
6. Marchenko M. N. Gosudarstvo i pravo v usloviakh globalizatsii [State and law in conditions of globalization]. Moscow, 2009. 400 p. (in Russian).
7. Lukasheva E. A. Prava cheloveka [Human Rights]. Moscow, 2001. 573 p. (in Russian).
8. Pristenskii V. N. The problem of the universality of law, its philosophical and anthropological meaning. *Filosofia prava* [The philosophy of law], 2007, no. 3 (22), pp. 25–28 (in Russian).
9. Tumeneva N. V. Pravo na zhizn' kak ob'ekt teoretiko-pravovogo issledovaniia [The right to life as the object of theoretical and legal research monograph.]. Saratov, 2008. 173 p. (in Russian).
10. Glukhareva L. I. Sovremennye problemy teorii prav cheloveka [Modern problems of the theory of human rights]. Moscow, 2005. 581 p. (in Russian).
11. Yakovlev A. I. [Regional aspects of the global crisis: changing development model in the countries of the Arab East]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [The Moscow

- University Herald], Ser. 25. International relations and world politics, 2013, no 2, pp. 82–104 (in Russian).
12. Zaluzhnyi A. G. Pravo. Religiiia. Zakon [Law. Religion. The law]. Moscow, 2008. 360 p. (in Russian).
 13. Mokhammad Sana. Islam i pravo: problema sootnosheniia v afganskom obshchestve (teoretiko-pravovoi aspekt) [Islam and the law: the problem of correlation in Afghan society (theoretical-legal aspect)]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). St. Petersburg, 1995. 22 p. (in Russian).
 14. Al'-Kardavi Yu. Dozvolennoe i zapretnoe v islame (Al-Qaradawi Y. What is Permitted and forbidden in Islam. Transl. of M. Saljahetdinov. 4th ed.). Beirut – Damask, 1967. Available at: http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1013647/Kardavi_-_Dozvolennoe_i_zapretnoe_v_Islame.html (accessed 9 April 2017) (in Russian).
 15. David R. Osnovnye pravovye sistemy sovremennosti. Sravnitel'noe pravo: Perevod s frantsuzskogo [Major legal systems of today. Comparative law. Transl. from the French M. A. Krutogolov, V. A. Tumanov]. Moscow, 1967. 496 p. (in Russian).
 16. Ali Aref Aliian. Status Lichnosti po musul'manskomu pravu [The status of the Individual in Muslim law]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 1991. 16 p. (in Russian).
 17. Vasil'ev A. M. Islamic extremism as an expression of the crisis of Islamic civilization. *Aziia i Afrika segodnia* [Asia and Africa today], 2003, no. 5 (550), pp. 2–12 (in Russian).
 18. L'iuvis B. Freedom and justice in today's middle East. *Rossia v global'noi politike* (Russia in global politics), 2005, no. 3. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_5080 (accessed 9 April 2017) (in Russian)
 19. Abdallah ibn Al'-Mukhsin at-Turki. Islam i prava cheloveka (Islam and human rights. Transl. of Vladimira (Abdalla) Nirsha). Er-Riiad, 1429–2008. 54 p. Available at: https://d1.islamhouse.com/data/ru/ih_books/single/ru_hokak_alnsan_in_islam.pdf (accessed 9 April 2017). (in Russian).
 20. Vseobschaia islamskaia deklaratsiia prav cheloveka (Priniata 19 sentiabria 1981 goda Islamskim sovetom Evropy v Parizhe) (Universal Islamic Declaration of human rights (Adopted 19 September 1981 by the Islamic Council of Europe in Paris)). Available at: <http://constitutions.ru/?p=500> (accessed 9 April 2017) (in Russian).
 21. Kairskaia deklaratsiia prav cheloveka v islame (Priniata v Kaire v 1990 godu gosudarstvami-chlenami Organizatsii islamskogo sotrudnichestva) (The Cairo Declaration on human rights in Islam (Adopted in Cairo in 1990, member States of the organization of Islamic cooperation)). Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 9 April 2017) (in Russian).
 22. Arabskaia khartiia prav cheloveka (priniata 05 avgusta 2004 goda Ligoj Arabskikh gosudarstv) (Arab Charter on human rights (adopted on 05 August 2004, the League of Arab States)). Available at: <http://constitutions.ru/?p=512> (accessed 9 April 2017) (in Russian).

Cite this article as:

Duraev T. A., Tumeneva N. V. The Importance of Human Rights in Islamic Law. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 352–358 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-352-358.

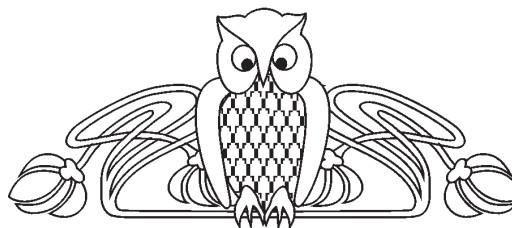

УДК 340.12

К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА О ЦЕЛИ В ПРАВЕ ПО ВОЗЗРЕНИЯМ Р. ИЕРИНГА

Т. Г. Касаева

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: tamara-kasaeva@mail.ru

Ведение. Выдающийся немецкий юрист Рудольф фон Иеринг является основоположником реалистического учения о праве и государстве, суть которого предполагает непосредственное претворение научных постулатов в реалии жизни и тем самым стремится объединить теорию и практику. Поэтому не случайным представляется актуальность и практическая значимость реалистической теории права, которая, в отличие от иных направлений правовой мысли, получивших наибольшее распространение лишь в определенные исторические периоды, нуждается в преемственности и постоянном воспроизводстве. Анализ цели в праве как юридической категории в философском понимании, предложенный Иерингом, по-прежнему вызывает неподдельный интерес. **Цель.** Основная цель работы состоит в теоретическом осмыслении реалистического постулата: цель есть творческая сила всего права, нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели. **Результаты.** Констатируется, что до Иеринга никто не обращался к исследованию и обоснованию цели в праве, а ведь понятие «цель» пронизывает все аспекты жизнедеятельности: от лица ведет к имуществу, от них обоих – к праву, от права – к государству. **Заключение.** Конечная цель права – поставить вознаграждение на одну линию с наказанием, «карательному» праву соответствует «наградное», последнее отвечает принципу справедливости социального устройства.

Ключевые слова: реалистическая теория права, Р. Иеринг, цель в праве, личный и общественный интерес, общество, государство.

DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-359-363

Введение

Немецкий правовед, ординарный профессор права Геттингенского университета, член-корреспондент Венской, Римской, Амстердамской академий, почетный член Петербургского, Московского, Казанского университетов Рудольф фон Иеринг (1818–1892) в своем сочинении «Дух римского права на различных ступенях его развития» выдвинул теорию права в «субъективном смысле», в котором основанием для определения права послужило понятие об интересе («юриспруденция интересов»), а не «воля», господствующая в XIX в. в рамках исторической школы права (Ф. Савиньи и др.).

Спустя некоторое время Иеринг развил свою «субъективную» точку зрения на право, издав научный труд под названием «Цель в праве»

(1881). Понятие об «интересе» нашло отражение в обосновании идеи главенствующей роли цели в праве. «Право в субъективном смысле навело на право в смысле объективном, <...> то был сфинкс, который преграждал мне путь и загадку которого я должен был разрешить, если желал найти снова научное успокоение» [1, с. 1, 2].

Цель

Основная цель работы состоит в теоретическом осмыслении реалистического постулата: цель есть творческая сила всего права, и нет правового положения, которое не было бы обязано своим происхождением какой-либо цели.

Результаты

До Иеринга никто не обращался к исследованию и обоснованию цели в праве. Отдельные изыскания в политико-правовой и философской мысли были направлены лишь на анализ «цели» как мирозозидающего принципа. Иеринг является сторонником разделения понятий «цель» и «причина». Согласно «закону причинности», по Иерингу, в мире ничто не совершается само собой, всякое изменение является следствием предшествующего изменения. Закон этот в некоторой степени применим и к воле, без достаточного основания движение воли немислимо. В природе это основание механического свойства – «причина», для «воли» оно должно быть свойства психологического – «цель». «Камень падает не для того, чтобы упасть, а потому что он должен падать, т. е. потому, что он в данном случае лишен точки опоры; человек же, совершающий деяние, совершает его не потому, что, а для того, чтобы, – для того, чтобы деянием достигнуть того или другого. Вот это “для того, чтобы” столь же неизбежно для воли, как “потому, что” для камня; сколь невозможно движение камня без причины, столь же мало возможно и движение воли без цели. В первом случае речь идет о механическом, в последнем же о психологическом законе причинности (целевой закон)» [1, с. 2]. Согласно последнему, целевой закон гласит: нет деяния без

цели. Причина кроется в прошлом, цель, скорее ее содержание (свобода выбора), – в настоящем и будущем. Всему разумному свойственен опыт, т.е. воспоминание о приятном и неприятном, иначе говоря, доступно практическое приложение впечатления к будущему, понятие об осуществлении цели. При этом мыслить еще не значит жить, жизнь должна быть, прежде всего, облечена во внешнее проявление. Жизнь – практическое, сообразное с целью, установление связи между внешним миром и собственным бытием (самосознание).

На основании изложенного цель является представлением о будущем, которое воля полагает осуществить. Иеринг следующим образом обосновывает целевой закон: «...сухая губка наполняется водою; жаждущее животное пьет; один ли и тот же процесс совершается при этом? С внешней стороны да; с внутренней нет. Ибо губка наполняется не для того, чтобы наполниться, а животное пьет для того, чтобы утолить свою жажду. Чем это доказывается? Самим животным. Хорошо дрессированная собака, если хозяин запретит ей, не будет пить. Почему? Потому, что представление о воде, которая, как известно собаке, способна утолить её жажду, противопоставляется в ней представлением о побоях, получаемых ею в случае нарушения запрета, – представление, не вызываемое никаким настоящим чувственным впечатлением, а являющееся исключительно продуктом памяти. Представление о побоях, конечно, не уничтожает в собаке сухости ее глотки и вызываемое этой сухостью чувство жажды; факт не может быть уничтожен представлением, – представление может бороться лишь с тем, что однородно с ним: с другим представлением, и может вытеснить его, если окажется более сильным. Но если в этом случае преодоление позыва к питью является процессом, основанным на содействии памяти и, следовательно, психологическим, а не механическим, то и самый позыв, уступит ли ему животное, или окажет противодействие, есть факт психологический <...>, в обоих случаях животное побуждается к тому или другому образу действия представлением о будущем» [1, с. 4, 6].

Удовлетворение, ожидаемое от деяния, опосредуется в цели. Само деяние никогда не бывает целью, а лишь средством, ведущим к цели. Деяние без цели бессмыслица, подобная следствию без причины. Посредством деяния воля вступает в область внешнего мира, и вместе с тем начинается подчинение ее законам этого мира. «Падение камня с крыши и раскаты грома производятся самою природой, вследствие пред-

шествовавших причин. Бросание же камня и произнесение слова являются актами, в которых природа не принимает участия; посредством этих действий в сфере природы вторгается сила, над которой она не имеет никакой власти: человеческая воля. Человеческая воля обозначает границы царства природы; там, где начинается область человеческой воли, прекращается область природы» [1, с. 16].

Иеринг проводит аналогию целевого закона с Божественным замыслом (кн. Бытия I, 26), полагая, что за целью скрывается человек, человечество и история; ибо только человек притязает на весь мир через возможность установления связи между внешним миром и собственным «я» (сила воли). И двигателем этой силы является цель. Природа заинтересована в существовании человечества, передаче жизни от одного индивида к другому, и на службу природе здесь становится человеческий эгоизм. Действуя в интересах самого себя, индивид исполняет заповеди природы, балансируя между наслаждением и страданием, тем самым природа заставляет взаимодействовать людей, присоединять собственную цель к чужому интересу (приспособление и кооперация). На этой формуле построены общество, государство и право. Интерес обуславливает собой всякое решение воли, тем самым договор подразумевает удовлетворение и уравнивание обоюдных целей участников. Интерес неизбежен, присущ любому деянию и без него цель не имела бы власти над волей. Симптоматично, что воззрения Иеринга перекликаются с умозаключениями его современника, философа А. Шопенгауера: «Хотение без интереса есть хотение без мотива, стало быть, следствие без причины. Бессмыслица» [2, с. 165].

Цели «кооперации» можно разделить, по мнению Иеринга, на два класса: организованные цели и неорганизованные. Последние представляют скромный интерес, так как зависят от воли отдельного индивида и при реализации не задействуют сложившегося аппарата управления. Организованные же цели могут быть реализованы посредством особого устойчивого к внешним воздействиям аппарата (союз, артель, товарищество, церковь и т.д.). Церковь по организационной структуре, по мнению Иеринга, стоит много позади государства.

Организация государственной цели, согласно Иерингу, характеризуется обширным применением права, которое принуждено обращаться к интересу. В большинстве случаев право достигает своей цели лишь потому, что привлекает на свою сторону интерес человека. Преступник не заботится о цели государства и

общества; при совершении преступления им руководит исключительно его собственная цель, личная страсть, злость, алчность, словом, его собственный интерес. Но именно на это рассчитано средство, которым государство защищается от него, – наказание. Наказание говорит преступнику, что достижение личной выгоды преступным путем окажется на одной чаше весов с наказанием. Угроза наказанием есть ничто иное, как угроза, на психологическое воздействие которой в каждом отдельном случае влияет расчет преступника, имеющего в виду большую или меньшую вероятность обнаружения его деятельности. И, тем не менее, исключительно с помощью государственного принуждения достигается требуемый результат. «Интерес не может побудить обвиняемого или осужденного отправиться в дом предварительного заключения, или в смиренный дом, или даже на эшафот. Равным образом относительно должника, не желающего и после суда добровольно уплатить долг, остается прибегнуть лишь к непосредственному принуждению, к обращению взыскания на его имущество» [1, с. 35–36]. Эгоизм находится на службе у государства как и у природы, и там и там используются одинаковые средства достижения и трансформации личного интереса в достижение общепользующего блага: награда и наказание. «Природа повергает погрешившего против нее в постель, государство – в тюрьму.

Представляя себе умственно тот объем, в котором эгоизм находит применение в мировом плане, я спрашиваю себя с удивлением: возможно ли, чтобы сила, стремящаяся произвести нечто ничтожное, мелкое, создавала нечто великое, грандиозное? Сила эта имеет в виду лишь жалкое, проходящее Я с его скудными интересами и она же творит дела и формы, перед которыми индивид то же, что червь в сравнении с горой. И тут мы находим аналогическое явление в природе: меловые скалы инфузорий; животное, едва доступное невооруженному глазу, созидает целые кряжи гор. Инфузория – это эгоизм, живущий исключительно для себя и созидающий мир» [1, с. 37].

Тем не менее, Иеринг признает, что, помимо эгоизма, существуют и другие побудительные причины человеческих действий – самоотречение, сострадание (бескорыстное деяние). Однако и самоотречение предполагает интерес, но совершенно отличный от эгоистического. «При акте самоотречения единственным желанием действующего является сознание доставленной другому помощи в нужде, оказанной ему услуги; это есть не что иное, как отражение в нашей собственной душе чужого счастья, чужой радости»

[1, с. 44–45]. Иеринг различает понятия «самоотречение» и «индифферентизм», подразумевая под последним бескорыстное деяние, безразличное эгоизму, не приносящее ни выгоды, ни вреда. Отграничение этих понятий реализуется в юриспруденции следующим образом: из бескорыстных правовых действий к категории индифферентных относятся: услуги, основанные на безвозмездных договорах (безвозмездное предоставление пользования вещью (сервитут) и т. д.); к категории самоотречения относится дарение (юридическая форма имущественно-правового самоотречения – «правовая жертва»).

Человеческая жизнь подразумевает наличие совокупности разнообразных целей. Иеринг систематизировал цели по различным основаниям ради решения одного вопроса: в чем заключается цель человеческой воли?! Цели человеческого существования подразделяются на две большие группы: личные (цели индивида) и социальные (цели общества). Государство и общество подчиняют личные цели индивида (интерес) двумя средствами: вознаграждением и наказанием, – это два эгоистических двигателя социальной жизни, первый преимущественно относится к гражданскому обороту, второй – к государству, облекаясь в форму права.

Удовлетворение физических потребностей, забота о дне насущном и будущем ведет к обеспечению средств существования, накоплению имущества. Таким образом, физическое «самоподдержание» ведет к экономическому. «Цель продления жизни вызвала имущество, – без имущества для жизни нет обеспеченного будущего; общая цель и той и другой приводит к праву, – без права нет обеспечения ни для жизни, ни для имущества <...> Иметь право значит: существует нечто для нас, и государственная власть признает его, охраняет нас» [3, с. 26].

Договорные отношения лежат в основе экономического «самоподдержания». Цель, по мнению Иеринга, определяет волю, а совпадение воли двух и более лиц в существенных условиях договора доказывает наличие общего интереса. Взаимное соблюдение интересов сторон приводит к исполнению договора и достижению первоначальных целей. Однако в некоторых случаях интересы сторон могут разойтись, и у одной из сторон возникнет желание не исполнять условия договора, принудить к исполнению может только право, охраняемое государством. Признание обязательной силы договора, с точки зрения идеи о цели, ограждает первоначальную согласованную цель от последующих неправомерных изменений. Урегулирование имущественных взаимоотношений инициирует создание права,

а право приводит в свою очередь к государству как к гаранту его соблюдения.

Понятие о цели пронизывает все аспекты жизнедеятельности: от лица ведет к имуществу, от них обоих – к праву, от права – к государству. Поддержание физического существования невозможно без правовой защиты, не обеспечено без имущества; это последнее приводит нас к договору и обороту; все вместе взятое обуславливает, как необходимое последствие, общество; право требует государства; в этом развитии целевой идеи не может быть остановки, пока оно не достигнет своей высшей точки. Для общества бесценна любая жизнь с точки зрения цели, так как она обогащает культуру и историю всего человечества. «Колыбель величайших людей нередко помещалась в беднейшие хижины: женщина, даровавшая одному из таких людей жизнь, вскормившая и взлелеявшая его, оказала человечеству большую услугу, чем иной король со своего трона» [1, с. 63]. Никто не существует только ради самого себя, никто не может в жизни обойтись самим собой, всякий живет, сознательно или бессознательно, с помощью и вместе с тем для других.

Наследование (преемственность) в самом широком смысле слова представляется условием всякого человеческого прогресса. История есть наследственное право в жизни человечества. При этом «географическая область» общества не совпадает с областью государства, так как первая распространяется на весь земной шар. В связи с вышеуказанным кажутся крайне несправедливыми слова известного шведского ученого Эрика Аннерса, который в своей работе «История европейского права» (1999) назвал учение Р. Иеринга предтечей нацизма: «...это учение о насилии произвело благоприятное впечатление на немцев того времени, которые, как Р. Иеринг, были опьянены полной победой над Францией в войне 1870–1871 гг. Это привело к фатальным последствиям, наступившим с начала Первой мировой войны и внесшим свой роковой вклад в запутанный мир идей нацизма. Но непосредственное значение для философии права и законодательства социал-дарвинизм Р. Иеринга приобрел только с победой нацизма» [4, с. 311–312]. Иеринг в первом параграфе второго издания своего труда «Дух римского права на различных ступенях его развития» (1865) в исчерпывающей форме доказывает беспочвенность утверждений шведского ученого следующими словами: «Жизнь народов не есть изолированное состояние друг подле друга; но как жизнь отдельных личностей в государстве – есть общение, система взаимных соприкосновений

и влияний – дружественных и враждебных, отдача и присвоение, заимствование и сообщение, короче – громадный обмен, охватывающий все стороны человеческого бытия. Тот же самый закон, который имеет силу для мира материального, существует и для духовного: жизнь есть заимствование извне и внутреннее присвоение; усвоение и ассимиляция – вот две основные функции, на существовании и равновесии которых основываются бытие и здоровье всякого живущего организма» [5, с. 7].

Мир инициирует договор, последний формирует право, право же, являясь результатом борьбы, создает сознание необходимости самоограничения власти в ее собственном интересе. Таким образом, власть разумная, способная к самоограничению является источником права.

Вернемся к эгоизму (интересу) как главному двигателю гражданского оборота. Бывает, по мнению Иеринга, эгоизм индивида и эгоизм общества, которые соотносятся следующим образом: «...если первый вид заботится лишь о том, как бы побольше взять, то второй все свои усилия направляет на то, чтобы по возможности меньше дать» [1, с. 103]. Точка безразличия, или нулевая, на которой приходят в равновесие оба эти вида эгоизма, – и есть эквивалент. Эквивалент – это установленное путем опыта равновесие между исполнением сделки той и другой стороной, размер платы (или реального исполнения), при котором каждая сторона получает свое и никто не остается в проигрыше. Эквивалент есть осуществление идеи справедливости в области оборота, так как справедливость, выражаясь коротко и ясно, есть не что иное, как то, что пригодно всем, устраивает всех, она – политика разумного и осмотрительного эгоизма. Поэтому одной из «высших задач оборота является осуществление по возможности принципа эквивалента во всех отношениях людей друг к другу» [1, с. 105]. Данное утверждение находит свое приложение в законе, когда интерес всех требует установления порядка.

Однако некоторые аспекты жизнедеятельности общества не нуждаются в установлении закона, полагаясь на правила и обычаи делового оборота. В большинстве случаев конкуренция и забота о будущем являются средствами самоограничения эгоизма, великими уравнивателями личного интереса и интереса публичного. Но конкуренция не всегда возможна, в некоторых областях исторически сложилась та или иная монополия, укротить которую призван закон. Государство выступает здесь как гарант, удерживающий злоупотребление, которое угрожает социальному благосостоянию, посредством законодательства [6, с. 55].

Заключение

Институт социального вознаграждения представляет собой спутник наказания, первое немислимо без второго. *Конечная цель права – поставить вознаграждение на одну линию с наказанием.* Иеринг полагал, что «карательному» праву соответствует «наградное». Законодательно закрепленное и детально проработанное «наградное» право отвечает принципу справедливости социального устройства. И, тем не менее, Иеринг допускает злоупотребление лиц, облеченных государственной властью, награждать от имени общества за мнимые заслуги отдельных индивидуумов. Однако общественное мнение и история исправят ошибки первого и воздадут почести истинно заслуживающим.

Важнейший пункт всей организации права заключается в перевесе общих интересов над частным интересом индивида; за общие интересы выступают все, за частный интерес – лишь один. Мощь всех при равенстве сил превышает

мощь одного, и тем более, чем значительнее количество всех. Отсюда ключевая идея государства – обеспечение общих интересов, т.е. интересов общества против угрожающего им частного интереса. Охраняемые таким путем интересы общества и являются правом, т.е., создавая нормы, власть преобразуется в право. Первоначальные виды возникновения права: «союз слабых, самоограничение сильного (власть)» и мир, как восстановление правового порядка.

Список литературы

1. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881. 346 с.
2. Шопенгауэр А. Две основные проблемы этики. Изд. 2-е. СПб., 1860. 284 с.
3. Иеринг Р. Борьба за право. СПб., 1872. 78 с.
4. Аннерс Э. История европейского права. М., 1999. 612 с.
5. Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития : пер. с 3-го испр. нем. изд. Ч. 1. СПб., 1875. 520 с.
6. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. 56 с.

Образец для цитирования:

Касаева Т. Г. К постановке вопроса о цели в праве по воззрениям Р. Иеринга // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 359–363. DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-359-363.

To the Question about the Purpose of Law According to the Views of R. Ihering

Tamara G. Kasaeva

ORCID 0000-0003-1611-1453,

Saratov State University,

83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia

E-mail: tamara-kasaeva@mail.ru

Introduction. A German lawyer Rudolf von Ihering (it. Rudolf von Jhering, August 22, 1818, Aurich – September 17, 1892, Göttingen) is the founder of the realist theory of law and state, the essence of which involves the direct implementation of scientific postulates to the realities of life, and thus to strive to combine theory and practice. It is not by chance appear to be a actuality and practical significance of the realist theory of law which, in contrast to other areas of legal thought, the most widespread only in certain historical periods, requires continuity and constant reproduction. Analysis purposes in law as a legal category in the philosophical understanding offered by Jhering still is genuine interest. **Purpose.** The main purpose of this paper is a theoretical reflection on the realist postulate: the goal is the creative force of all law that there is no legal provision that would not have originated any purpose. **Results.** It is stated that to Jhering no one has previously applied to the study and justification of the law, but the concept of “purpose” pervades all aspects of life: from the face leads to the property; from both of them to the right; from

the right to the state. **Conclusion.** The ultimate goal of the right to put a reward on the line with punishment, “punitive” law corresponds to the “premium”, the latter corresponds to the principle of fairness of the social order.

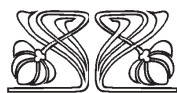
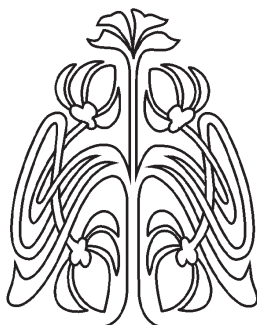
Key words: realistic theory of law, R. Ihering, purpose of the law, personal and public interest, society, state.

References

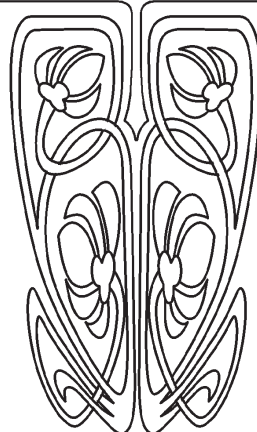
1. Ihering R. Tsel' v prave [The Purpose of the law]. St. Petersburg, 1881. 346 p. (in Russian).
2. Schopenhauer A. Dve osnovnye problemy etiki [The two main problems of ethics. Ed. 2nd]. St. Petersburg, 1860. 284 p. (in Russian).
3. Ihering R. Borba za pravo [The struggle for the right]. St. Petersburg, 1872. 78 p. (in Russian).
4. Annere E. Istoriya evropeiskogo prava [History of European law]. Moscow, 1999. 612 p. (in Russian).
5. Ihering R. Dkuh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya [Spirit of Roman law at Various Stages of its Development]. Pt. 1. St. Petersburg, 1875. 520 p. (in Russian).
6. Ihering R. Yuridicheskaia tekhnika [The legal machinery]. St. Petersburg, 1905. 56 p. (in Russian).

Cite this article as:

Kasaeva T. G. To the Question about the Purpose of Law According to the Views of R. Ihering. *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Economics. Management. Law*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 359–363 (in Russian). DOI: 10.18500/1994-2540-2017-17-3-359-363.

ПОДПИСКА

Подписка на II полугодие 2017 года

Индекс издания в объединенном каталоге
«Пресса России» 36012, раздел 30
«Научно-технические издания.
Известия РАН. Известия вузов».

Журнал выходит 4 раза в год.

Цена свободная.

Оформить подписку онлайн можно
в интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru).

Адрес издательства:

410012, Саратов, Астраханская, 83;
Тел.: +7 (845-2) 51-45-49, 52-26-89
Факс: +7 (845-2) 27-85-29
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83,
СГУ имени Н. Г. Чернышевского,
экономический факультет
Тел./факс: +7 (845-2) 22-51-38
E-mail: sgu-eup@rambler.ru
Website: <http://phpp.sgu.ru>